

ОРДЕН СКОРПИОНОВ

18+

АЙВИ ЭШЕР

Айви Эшер
Орден Скорпионов
Серия «Mainstream.
Темные королевства»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70371535
Орден Скорпионов: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-155719-5

Аннотация

Шесть лет назад я проснулась в клетке, не имея ни малейшего представления о том, кто я такая и откуда взялась.

Шесть лет назад я попала к дикарям, которые торгуют фейри, как вещами. Именно здесь я узнала, что есть только два пути: сражаться или умереть.

Теперь восемь орденов собираются в единственном доме, который я когда-либо знала. И все это в надежде приобрести новых рабов клинка для пополнения своих рядов.

Я выставлена на продажу, но все, чего я хочу, – это жизнь вдали от смерти. Затем я встречаю их, Орден Скорпионов.

Их очарование – угроза свободе, которой я жажду, но я не стану жертвой их жала, каким бы соблазнительным оно ни было.

Они хотят владеть мной, заявить на меня права, но Скорпионы понятия не имеют, на что они подписались. Они вот-вот узнают, какой яд течет в моих венах. Я не просто жалею... Я убиваю.

Содержание

1	8
2	24
3	46
4	67
5	83
6	103
7	121
8	134
9	151
10	173
11	181
12	195
13	212
14	229
15	244
Конец ознакомительного фрагмента.	256

Айви Эшер

Орден Скорпионов

Ivy Asher

ORDER OF SCORPIONS

Copyright © 2020 Ivy Asher

© А. Румянцева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Тем, кто падал, но все равно поднимался...

Действие этой книги происходит в мрачном и жестоком, хоть и выдуманном мире. В этом мире сильные охотятся на слабых, и эти отношения часто описываются с помощью понятий, вроде «Хозяин», «Хозяева», а также «раб клинка» / «раб плоти» / «раб дома» и т. д.

В книге содержатся описания убийств, насилия, секса (по обоюдному согласию). Также в книге упоминаются: пытки, сексуализированное насилие, торговля людьми, голод, самоубийство, отравление, физическое насилие, наркотическое опьянение (жертву одурманили с целью изнасилования и похищения).

Начало этой книги самое мрачное, но по мере развития сюжета повествование становится светлее, радостнее.

Пожалуйста, имейте в виду, что в книге могут присутствовать другие вещи, которые могут для кого-то стать триггерами.

От автора

1

Меня разбудил громкий лязг: металл ударялся о металл. Воздух был затхлым, воняло грязными телами и ночным горшком. Он проникает в мои легкие, и я давлюсь им, задыхаясь от этой отвратительной вони. Жгучий холод пробирает до костей, вызывая дрожь и смятение.

Где я?

Мысль, будто густой туман, ползет в моем сознании. Я пытаюсь открыть глаза, но их залепило коркой. Я пытаюсь поднять веки, но ресницы слиплись, и мне больно, так что я тру глаза, чтобы их очистить. Мое сердце тревожно бьется: неприятные, незнакомые ощущения во всем теле завладели моими чувствами, вызывая беспокойство.

Что-то совсем, совсем не так.

Я не знаю, что происходит, и почему мое тело болит так, словно оно побывало на войне. Я пытаюсь собрать свои путанные мысли и чувства воедино, но это похоже на то, как если бы я пыталась вскипятить воду на последнем тлеющем угольке в очаге. Я борюсь с паникой, что бьется у меня в груди, и со звоном в ушах, преодолевая боль, открываю веки. И все, что я получаю в награду за свои усилия – это бесконечная темнота вокруг меня.

Тихий стон вырывается из моего горла, когда я поворачиваю голову, чтобы получше рассмотреть окружающую меня

темноту. Я едва пошевелилась, а боль в моем черепе тут же поползла вниз по шее, обнимая за плечи. Боль прокатывается по мне, как рябь по поверхности гладкого озера, и я глубоко вдыхаю затхлый воздух, пытаюсь избавиться от мельтешащих кругом черных пятен, мешающих разглядеть что-то в и без того темной комнате.

Внезапно накатывает тошнота, и я сжимаю кулаки – слабая реакция тела на страдания и боль. Мои короткие ногти отчаянно скребут по холодному полу, на котором я растянулась. Я готова избить того, кто сделал это со мной, и это желание течет по моим венам. Жаль, что у меня нет ни единой догадки о том, где я и почему тут оказалась. Как будто кто-то торопливо стер из моей памяти все важные детали, осознание того, кто я есть, оставив после себя лишь меловые разводы и темные облака пыли.

Мое внимание привлекают чьи-то тихие, еле сдерживаемые всхлипы – слева от меня кто-то есть. Мои глаза пытаются приспособиться, сфокусироваться на том, что окружающая темнота скрывает от меня.

Я пытаюсь унять дрожь, внезапно замечая, как во рту появляется привкус ужаса. Старого древнего ужаса, настолько старого, что мне кажется, будто он заполз внутрь, умер и гниет на моем языке неизвестно сколько времени. Желчь щекочет заднюю стенку горла, когда мои глаза окончательно привыкают к всепоглощающей тьме вокруг. Я моргаю, пытаюсь справиться с наплывом образов, напрягаюсь, словно со-

ставляю описать вещей, окружающих меня, по мере того, как глаза мои их фиксируют.

Это не просто холодный камень под моими избитыми конечностями, который лишает мое тело тепла и комфорта. Меня окружают металлические решетки. Высокие зловещие прутья, вделанные в ледяной каменный пол, их венчает жуткая, почерневшая металлическая крышка.

Я в клетке.

Клетка частично сделана из железа, и осознание этого вызывает всплеск паники и прилив адреналина – хотя я не могу вспомнить, почему и как я подумала, что металл этот опасен. Мое тело явно пыталось сказать мне что-то – что, по его мнению, я должна была понять, но в моей налитой свинцом голове было пусто. Мне не хватало каких-то деталей, части себя, чтобы понять собственную реакцию на происходящее.

Страх с новой силой поднялся в моей груди. Биение моего сердца напоминает стук копыт лошади, что несется к финишной черте в гонке. Мое тело отвечает на мои бешеные эмоции, но мои мысли спотыкаются. У моего разума нет шансов догнать тело.

Я вглядываюсь в темноту и вижу еще больше клеток. Они стоят вдоль стены комнаты, некоторые пустые, их открытые пасти ждут, чтобы сожрать ничего не подозревающих жертв. Другие заполнены беспомощным, бесформенным нечто – таким же, как я.

И снова я слышу тихий, мягкий ритм чьих-то всхлипыва-

ний. Я пытаюсь выяснить, кто поет эту печальную песнь, но не могу понять, откуда она доносится.

Я поднимаюсь с земли на трясущихся конечностях, и паника расправляет крылья в моем животе, а боль кричит в моих руках. Стоит мне двинуться, как на лицо падает серебристая прядь волос.

Я замираю. Смотрю на этот необычный оттенок, я жду, когда цвет или форма вызовут в моем одурманенном, истерзанном разуме хоть какой-то отклик, намек на узнавание. Но в голову ничего не приходит. Я тянусь к локону, осторожно дергаю его и чувствую, как корни прядей натягиваются у кожи головы. Это точно мои волосы.

Почему меня это так смущает?

Я еще приподнимаюсь, не обращая внимания на предупреджающую дрожь моих напряженных, слабых мышц. Я расчесываю длинными ногтями свои локоны, отодвигая густые пряди от лица. Кончики волос щекочут мне поясницу, и я вытягиваю руки перед собой, чтобы посмотреть на них.

Я их не узнаю.

Ужас застревает в горле, густой и назойливый: я провожу подушечками пальцев по незнакомому мне, но все же моему, лицу. Длинные ресницы, прямой нос, пухлые губы, заостренные уши – все это вещи, которые мне знакомы, и все же... я их не узнаю. Меня не шокирует то, к чему я прикасаюсь и что представляю, но образ того, что эти части представляют собой, будучи единым целым, мне не знаком.

Я не знаю, кто я.

Я с тревожной уверенностью уцепилась за этот факт. Я пытаюсь копать в своих воспоминаниях, искать что-то, что существовало до того, как я очнулась в этой клетке, но там пусто. Мой разум темен, опустошен, и все, что у меня есть, – это вопросы и страх, что поднимаются внутри меня, как перья при сильном порыве ветра.

Что происходит?

Слабые крики раздаются где-то за пределами комнаты с клетками, и несколько узников за железными решетками испуганно пищат, о чем-то предупреждая друг друга. И снова мое тело реагирует так, будто точно знает, чего они боятся. Адреналин бурлит в моих венах, помогая смахнуть паутину с извилин и прогнать боль из конечностей. От страха каменеют мышцы, и мое сердце начинает биться так громко и так быстро, что, кроме него, я больше ничего не слышу. Будто бы отрывистый стук пытается заглушить звуки грядущего жуткого нечего, защитить меня от ужасов того, с чем я столкнусь.

Инстинкт заставляет меня забиться в самый дальний угол клетки, оказаться как можно дальше от всего происходящего. Но стоит моим обнаженным плечам соприкоснуться с прутьями клетки, как их обжигает огнем.

Я вскрикиваю, отпрыгивая от будто раскаленных железных прутьев. Я отползаю на середину клетки, в нос бьет запах паленой кожи. Я тянусь за спину и, шипя, кончиками пальцев ощупываю новые, пульсирующие раны. Похоже, моя

безрукавка защитила спину, но ничего не смогла сделать для плеч и рук. С губ срывается беспомощное хныканье, я сжимаюсь в комочек в центре клетки, глядя на железные прутья, а крики снаружи становятся все громче.

Железо причиняет фейри боль.

Ни с того ни с сего мой разум, охваченный страхом, сообщил мне это так, будто это-то мне уж точно должно быть известно.

Фейри.

Так вот кто я?

Я жду, когда ответ на мой вопрос всплывет в голове так же неожиданно, как и предыдущая мысль, но ничего на ум не приходит. Нет никакого чувства осознания, понимания правильности понятия «фейри», только боль и паника.

Тяжелый топот множества ног раздается где-то за пределами комнаты с клетками. Я беспомощно наблюдаю, как другие заключенные сворачиваются в клубки, словно пытаюсь исчезнуть в темноте.

– Что происходит? – прохрипела я, удивляясь тому, что я могу из себя выдавить еще что-то, помимо хныканья и стонов боли.

Прежде чем кто-либо успевает хотя бы глянуть в мою сторону, большая дверь в другом конце комнаты с пронзительным скрипом распаивается. В помещение льется свет, и от боли я зажимаюсь. От скрипа двери чувствительные уши пронзает болью, и я закрываю руками голову. Однако,

несмотря на эту муку, я заставляю себя посмотреть на вошедших. Мне нужны ответы, и я не могу отказаться от их поиска – и плевать, что я измучена.

– В какой из них она? – требовательно рычит кто-то.

Я могу различить лишь темные, размытые силуэты на фоне яркого света. Две фигуры огромны, третий силуэт темный, худой, гораздо меньше первых.

– Дальняя конура, Дорсин. Она сидит отдельно от остальных, – покорно пробормотала одна из больших фигур, однако в его ответе слышалось раздражение.

– Приведи ее ко мне, как тебе и было велено с самого начала, – прорычала фигура поменьше. Та, которую называли «Дорсин».

В этом приказе столько злобы, что я вздрагиваю.

До меня вновь доносится сердитый топот ног, который быстро стихает – тень Дорсина становится все меньше и меньше, пока ее не поглощает свет длинного коридора. Затем две массивные фигуры отходят от света и идут по комнате с клетками. Свет за их спинами скрывает их черты, но, когда они бесшумно двигаются, я все равно чувствую исходящие от них ярость и угрозу.

Внезапно я ощущаю запах мочи. Я оглядываюсь и вижу, как вокруг некоторых других несчастных в клетках растекаются лужицы – их страх столь силен, что они не могут контролировать мочевой пузырь. Наконец, я понимаю, куда идут эти громадины, и мой желудок сжимается. Ужас душит

меня, и я борюсь с желанием закрыть глаза и притвориться, что ничего этого нет.

Свет из коридора не может достать до всех углов комнаты, и по мере того, как неповоротливые тени приближаются ко мне, темнота окрашивает их ужасающий дуэт, а затем медленно раскрывает все их черты.

Когда я наконец вижу темно-серую кожу, мелкие глазки и уродливые черты лица, в моей голове набатом гудит единственное слово: «*орк*». Я знаю, что это именно они – а еще внезапно для себя вспоминаю, что они – члены Ночного Двора и привычные обитатели лавовых шахт. И несмотря на мою уверенность в том, что касается орков, когда я пытаюсь найти в своей голове хоть что-то, что могло бы объяснить, кто я такая или что оркам от меня нужно, я нахожу лишь пустоту.

Они тянутся к дверце моей клетки, и я спешу очутиться как можно дальше от них. Горящие железные прутья у меня за спиной снова мгновенно останавливают мое отступление, а мой крик боли заставляет одного из орков удовлетворенно хмыкнуть. Будто мой крик – его самый любимый звук на свете.

– Пожалуйста, не делайте мне больно, – молю их я, но мой голос едва слышен, и черный ключ плавно скользит в замок моей клетки.

Один поворот огромного запястья – и дверь в мою клетку открыта. Вокруг – ужасающая, давящая тишина.

Мой взгляд мечется вокруг, отчаянно ища что-то, что по-

может сбежать или попросить о помощи, я натыкаюсь лишь на холодный оскал железа и дикого гигантского орка. Округлые когти венчают громадную руку, которая тянется ко мне, с моих губ срывается невнятный лепет ужаса, который быстро превращается в мучительный крик – орк вцепился в мои волосы и грубо выдернул из клетки. Я вскинула руки, пытаюсь дотянуться до кулака, сжимавшего мои локоны, и другая рука тут же схватила меня за горло. Крики, полные муки и ужаса, тут же оборвались – орк крепко сжал мое горло, пока я болталась в воздухе. Выглядело так, будто я – всего лишь непослушная *крия*¹, которой надобно преподать урок.

По ноге потекла струйка горячей мочи, я царапала ногтями пальцы орка, пытаюсь ослабить его хватку на моем горле.

– От твоего страха у меня стояк, маленькая шлюшка, – из-за моей спины донесся хриплый голос, и чужое горячее дыхание окутало меня целиком.

Спиной я почувствовала толстую кожу орка, больше похожую на броню, тошнотворно длинный, влажный и теплый язык скользнул по моей щеке. Он принялся слизывать дорожки слез, текущих по моему лицу, а второй орк наблюдал – в его взгляде читалось неприкрытое возбуждение. Ожоги на моих плечах мучительно ныли, пока жесткая кожа орка терлась о них. Перед глазами все поплыло, по краям

¹ Так как эта вселенная выдуманная, то и многие вещи, существующие в ней, нельзя обнаружить в нашей реальности, однако найти сходства с реальными предметами все же можно. Такие слова помечены курсивом. Здесь и далее примечание автора.

расфокусированного зрения появились черные круги.

– Дай мне послушать ее, Гат, – приказал орк у меня за спиной, и хватка на моем горле ослабла, другая лапа опустилась на мою талию и прижала меня к огромному телу позади.

Я сипела и задыхалась, умоляя легкие сделать еще вдох, снова и снова. Из горла рвались только жалкие хрипы, по лицу вновь потекли слезы.

– Пожалуйста, – взмолилась я, но это было единственное слово, что успело вырваться из моего саднящего горла – чужая рука вновь предупреждающе сомкнулась на нем.

– Она уже умоляет нас, Эорн? – Орк, стоящий передо мной, ощупывал меня взглядом, и в глубине его желтых глаз горела тошнотворная похоть.

Он потянулся к пропитанному мочой подолу моей сорочки и задрал его повыше. Я впала в неистовство: брыкалась, пинаясь и царапаясь, чтобы вырваться, но хватка на моем горле становилась все крепче, пока обволакивающая темнота не захватила меня целиком, а конечности не повисли в изнеможении. Все мои жалкие попытки вырваться бесполезны – орк держал меня крепко, и я попыталась подавить гнев, бурлящий во мне, и не поддаваться беспомощности, которая грозила утащить меня на дно, словно якорь.

Орки хохотали, пока я в бессилии билась и пыталась оттолкнуть их лапы от моих бедер. Рука, что обвилась вокруг моей талии, напрягается – орк наклонился ко мне, и его губы растянулись в злобной усмешке. Сверкнули острые зубы,

а затем он высунул толстый черный язык и слизнул мочу с моего бедра. Хватка на шее ослабла, а он лизал меня, снова и снова.

Меня охватили ужас и отвращение, и ко мне пришло болезненное осознание: с каждым движением его язык приближался к тому месту, которое я бы ни за что по доброй воле не открыла такому чудовищу, как он.

Мною овладел ужас, я была близка к истерике, жадно глотала воздух.

Гат, слизывая следы страха с моих ног, словно смакует их и наблюдает за мной своими сальными глазками. Они вспыхивают огнем, когда он видит страх и панику в моем взгляде. Он смотрит на мое испачканное белье, а затем снова поднимает глаза, словно желая удостовериться, что я понимаю, к чему все идет.

– Пойдем, брат, ты же знаешь, Дорсин не любит, когда его заставляют ждать. Он и так уже весь извелся из-за этой маленькой красотишки, – произносит орк у меня за спиной, Эорн, и гладит меня по шее.

Его дыхание пахнет гнилым мясом, и я стараюсь не захлебнуться, когда в горле встает очередной слабый всхлип.

Гат раздраженно рычит, вновь отвратительно, со вкусом, проходится языком по внутренней поверхности моего бедра, но затем все же выпрямляется.

– Думаешь, он позволит нам поиграть с ней позже?

– Не думаю, что мы придем на ее крики – только если ее

народ не заплатит. Хотя мороки с ней было много. Держу пари, он даст нам парочку других. Вставим им, пока их не продали. – На жуткой роже Эорна расплывается улыбка.

Стоило Гату услышать слова брата, как я замечаю угрожающий блеск в его глазах, и вдруг его когти впиваются мне в бедро. Я задыхаюсь от боли и вновь пытаюсь вырваться, хоть это и бесполезно. Но он одним быстрым движением срывает с меня нижнее белье, а затем, смеясь, отступает. Его рука наконец отпускает мое горло. Белье, что он сорвал с меня, он подносит ко рту и принимается посасывать его.

Я не знаю, отчего меня тошнит: то ли от облегчения, что орк больше не прикасается ко мне, то ли от отвращения – мое испачканное нижнее белье в пасти монстра!

Эорн смеется, этот скрипучий звук хватает меня сзади, как и его огромная лапа. Он хмыкает, будто прочитал мои мысли, и мое отвращение забавляет его. Его брат только что слизал мочу с моей кожи, словно это и не моча вовсе, а вино из одуванчиков, так что я сомневаюсь, что я далека от истины.

Эорн прижимает меня к своей груди – а я было подумала, что он собирается наконец поставить меня на ноги, – и трется о мою голую задницу. Его кожаные штаны почти не скрывают очертаний его твердого члена, и я жалобно скулю, пытаясь вырваться из его хватки и отделаться от угрозы, что спрятана под слоями кожи.

– Клянусь королями, надеюсь, они не заплатят за тебя. Ты

наверняка такая сочная и горячая там. Не так ли, маленькая шлюшка? – спрашивает он, и они с братом идут к ярко освещенному выходу.

Эорн пользуется возможностью потереться об меня членом, прижимая меня к себе с каждым шагом. Он настолько огромен, что мои ноги болтаются в метре от пола. Рука, сжимающая меня, – стальной обруч, и мне ничего не остается, кроме как смириться с тем, что он трется об меня, пока он и его брат тащат меня прочь из комнаты с клетками.

Я спешу посмотреть на других заключенных за железными решетками – вдруг я смогу кого-то вспомнить, но глаза их и лица спрятаны в объятиях дрожащих рук. Я могу различить только темные пряди волос, а также неясных существ, больше похожих на кучки лохмотьев и безнадёги.

– С ней было бы весело, – соглашается Гат. – Ты истекала бы кровью на моем члене и громко кричала, да ведь, шлюшка? – Он рычит, угрожающе наклоняясь ко мне, а затем смеется, пока я дрожу от отвращения.

Дверь с лязгом захлопывается за мной, и я щурюсь от ослепительно яркого света, заливающего каменный коридор. Мне ничего не кажется знакомым. Орк упоминал «мой народ», но и это не вызвало никаких воспоминаний. Все, на чем я могу сосредоточиться, – это на попытках игнорировать мерзкий член орка, трущейся о мою задницу, и холодную, влажную ткань ночнушки, липнувшей к бедрам.

Гат идет впереди, заглядывая за повороты в лабиринте за-

лов и коридоров. Их шаги бесшумны, что удивительно для двух огромных существ, и у меня создается впечатление, что они не хотят, чтобы нас кто-нибудь увидел. Я понятия не имею, почему, но это меня не слишком волнует. Гораздо важнее леденящий ужас, когтями впивающийся в мою грудь, мои попытки игнорировать возбуждение орка, прижимающееся ко мне сзади, а еще тот факт, что меня тащат к кому-то, кто гораздо хуже этих двоих.

Путь оказался короче, чем я думала, – вскоре мы оказались у пары простых двустворчатых дверей из белого дуба. Гат громко и размеренно постучал три раза, сделал паузу и стукнул еще один раз. Это был код.

Я огляделась: стены вокруг меня были выложены крупными кирпичами из коричневого песчаника, а пол – из какого-то другого камня такого же цвета. Окон не было, но из фонарей на стенах лился такой яркий, потусторонний свет, что казалось, будто сейчас полдень.

Ожоги на моей спине пульсируют, а синяки, наливающиеся на шее и туловище, отвечают им ноющей болью. Я абсолютно вымотана и напугана. Моя память больше похожа на пустошь, и в ней нет ни единой догадки о том, что меня ждет по ту сторону этих дверей – и я даже не могу решить, хорошо это или плохо. К сожалению, я догадываюсь, что такие мерзавцы, как эти орки, преклоняются только перед более сильными и страшными существами, чем они сами. И от этого осознания мое избитое тело дрожит от леденящего ужаса, а

пустой желудок скручивает от едкого страха.

Гат издает негромкий, жалобный вой, и его желтые глаза вновь вперяются в меня. Он глубоко, медленно дышит, его темно-серая кожа почти мерцает в удивительном свете фонарей. Под ней перекачиваются мышцы, он выглядит еще более грозным и огромным, чем раньше. Ноги его напоминают стволы дубов, обтянутые кожей, еще я вижу, что его мерзкий член упирается в его левое бедро. Ремней для клинков на штанах больше, чем я могу сосчитать. Он бос, а когти у него на ногах черные и длинные.

В моем разуме проносится мысль: «На орках нет брони и даже верхней одежды». Очевидно, им и так хорошо, будто везде и всюду они чувствовали себя дома.

Из-за закрытых дверей доносится ответный стук, очевидно, означающий «входите», и я делаю глубокий вдох. Я не чувствую запаха серы или пепла – эти два аромата, несомненно, портили бы воздух, если бы мы были в лавовых шахтах. Атмосфера сухая и теплая, или, может быть, это тепло исходило от Эорна: орк все еще угрожающе скалится на меня. Его брат открывает дверь, и я тут же влетаю в проем вслед за ним. Высокие двери захлопываются за нашими спинами, звук почти оглушительный в тишине огромного помещения, в котором мы оказались.

Кровь застывает в моих жилах при виде большой кровати, заваленной пышными одеялами и подушками из дорогих тканей. На стенах висят огромные гобелены ручной выдел-

ки, на них изображены густые деревья и чудесные цветы.

Рассветный Двор, подсказывает мой разум.

Почему я знаю это, но не могу вспомнить свое имя? Это меня раздражает даже больше, чем член орка, упирающийся в мою спину.

Мой испуганный взгляд останавливается на светловоло-
сом фейри, сидящем за широким, искусно вырезанным сто-
лом. Он сложил руки перед собой, его яркие голубые глаза
ловят каждое мое движение. Его взгляд падает на руку орка,
обвитую вокруг моей талии, и желтые влажные пятна на мо-
ей смятой ночнушке. Когда он останавливает свой изучаю-
щий взгляд на моей шее, его темная бровь почти незаметно
подергивается. Очень медленно его глаза поднимаются к мо-
им губам, замирают на кратчайший миг, а затем его взгляд,
наконец, встречается с моим.

– Ты так же прекрасна, как она утверждала, Осет. Я так
рад *наконец-то* встретиться с тобой.

Мои уши улавливают имя, что назвал фейри, но оно не вызывает во мне никакого отклика, никаких воспоминаний.

Это я... Осет?

Он выжидательно смотрит на меня, но я держу рот на замке, и мой голос тоскливо молчит.

Фейри откидывается на высокую спинку стула, столь же богато украшенного и изящного, как и стол, за которым он сидит. Под его гладкой бронзовой кожей перекачиваются мышцы. Он не выглядит таким же грозным, как орки, но сила и власть исходят от него волнами, пока он огибает стол и подходит ближе. У меня нет никаких сомнений, что я всего лишь добыча в комнате, полной хищников. И стоит фейри приблизиться, как рука Эорна, обхватывающая меня, слегка напрягается. Твердый член, утыкающийся в мою спину, опадает, но облегчения я не испытываю – по моей коже, словно стрекот взбешенных муравьев, прокатывается волна тревоги.

Фейри поднимает руку, намереваясь погладить мою залившую слезами щеку, но я отшатываюсь от непрошеного прикосновения. Внутри меня борются гнев и страх.

Затаив дыхание, я жду, как онотреагирует на мой выпад, накажет меня. И он медленно опускает руку и берет локон моих длинных волос. Он ласкает светлые пряди, нежно

потягивая, и наконец длинные, спутанные локоны утекают сквозь пальцы. Здесь не так темно, как в помещении с клетками, и я вижу, что мои волосы не просто светло-серебристые. Я даже не знаю, подходят ли слова «серебристый» или «блонд», чтобы описать эти лунные пряди, не совсем белые, не совсем светло-серые, со слабым оттенком светло-голубого – все эти цвета играли в моих волосах, стоило лишь взглянуть под другим углом. Цвет, для которого у меня не находилось слов... хотя с моими проблемами с памятью это не так уж и удивительно.

– Заковать ее. – Внезапный приказ феэри заставляет меня отбросить все мысли, и я испуганно смотрю на него.

Он смотрит на меня, на его лице нет никаких эмоций, и орки тут же бросают меня у перевернутого U-образного крепления и приковывают меня к нему. Металл наручников – не чистое железо, оно не жжется, но его достаточно, чтобы я моментально почувствовала, как силы меня покидают. Гат резко дергает за длинную цепь, прикрепленную к моим запястьям, и я падаю на колени, не в силах сопротивляться жестокости орка и действию металла наручников.

Я ободрала колени о неровный пол, и Эорн пальцем собрал капли крови, окропившие камень. Прежде чем отойти от меня, он сунул палец в рот.

Феэри вновь откидывается на стул, теперь все его внимание обращено к оркам.

– Были проблемы? – прямо спрашивает он. Вопрос про-

стой, но в нем чувствуется напряжение.

– Нет, Дорсин, похоже, они хотели, чтобы ее забрали, – шутит Эорн.

– Да, было слишком просто, – соглашается Гат и хохочет.

Их слова не оказывают на Дорсина успокаивающего воздействия – напротив, слова орков еще больше его беспокоят. Однако, когда он продолжает, голос его ровный:

– И почему вы не привели ее прямо ко мне? – Он сузил глаза на орков.

– Ты сказал, что нас никто не должен видеть, – раздраженно проворчал Гат. – Тиллео проводил занятия, когда мы вернулись. Нам пришлось спрятать ее, пока он не закончит. Мы подумали, что ты не захочешь, чтобы твой помощник узнал, что мы делаем и что мы собираемся на этом заработать.

В голосе Гата слышится вызов, но Дорсин ничего не говорит, снова поднимаясь с места. На этот раз он направляется к длинному зеленому антикварному буфету, поверхность которого украшают бокалы и множество хрустальных графинов с ликерами. Фейри взял три бокала и вытащил пробку из высокого сверкающего графина, и тело тут же напомнило мне, что меня мучает жажда. В бокалы полилась темная жидкость малинового цвета, и от этого зрелища у меня заныли зубы. Странная реакция – но я многого о себе не помню, чтобы знать наверняка.

Дорсин возвращает пробку на место, и на мгновение мне кажется, что в графине кровь. Однако цвет жидкости слиш-

ком темный, а консистенция слишком текучая для крови. Но меня шокирует, что мои вкусовые рецепторы оживают от одного лишь вида этого напитка. Я не помню его вкуса – так же, как и не помню своего имени, – по крайней мере, до того, как Дорсин его произнес. Но я все равно страстно желаю попробовать то, что разлито в бокалы, и я подозреваю, что жажда эта вызвана отнюдь не обезвоживанием.

– Почему я здесь? – Мой вопрос прозвучал хрипло. Это больше напоминало скрип песчинок, трущихся друг о друга, а не голос девушки с волосами цвета лунного света.

Все трое поворачиваются ко мне, но никто из них не собирается отвечать на мой вопрос – они лишь жадно меня рассматривают.

– Почему я ничего не могу вспомнить? Что вы со мной сделали? Если вы скажете мне, может, я смогу быть полезной. – Я снова пытаюсь звучать уверенно, но в моем голосе нет силы. И мои попытки так же жалки и бесполезны, как когда я пыталась помешать орку вылизывать свои бедра. Мне даже было бы смешно, если бы не было так чертовски страшно.

– Вы чем-то ее опоили? – Дорсин протянул оркам напитки.

– Дали только коготь ястреба, но мы это обсуждали – она должна была быть в отключке, чтобы мы смогли ее схватить и привезти.

Дорсин кивает, но взгляд, что вновь и вновь пробегает по

мне, отсутствующий.

У меня на кончике языка вертится слово «пожалуйста», оно готово вырваться наружу вместе с другими мольбами, ползущими по моему горлу. Я готова умолять, чтобы они отпустили меня, не причиняли мне боль, рассказали, что происходит, но я проглатываю эти мольбы. Они, как пилюли, сухо скребли по горлу и падали, бесполезные, в глубины моей души. Я знала, что умолять бессмысленно – вижу это в расчетливом взгляде фейри. Они притащили меня сюда не просто так – видимо, ради выкупа, и если плата их не устроит, мое будущее в этих стенах будет наполнено болью и просьбами прекратить издевательства. Мне нужно найти другой способ, чтобы это чудовище услышало меня... чтобы ему стало не все равно.

– Тогда тост, – объявил Дорсин, повернулся ко мне спиной и поднял свой бокал. – За месяцы планирования, дни и часы исполнения и за грядущую жизнь в богатстве!

Он с легкостью опрокинул содержимое бокала в себя, и орки последовали его примеру, а затем поставили посуду на стол. Кругом тихо, и стук бокала о дерево – единственный звук в этой комнате.

– Мы с братом заслужили разрешения поиграть с чем-нибудь сегодня вечером...

– Две вещи, – перебивает брата Гат, а затем издает странный звук, будто прочищает горло, и хмурится.

– Да, нам нужны две вещи, – исправляется Эорн, его жел-

тые глаза устремлены на Дорсина. – Которые мы можем сломать... с твоего позволения, конечно же.

Я содрогаюсь при мысли о том, о чем они просят. Им дадут какую-нибудь девушку из комнаты с клетками? Или им позволят вырвать другую несчастную из ее жизни, похитить, как они похитили меня?

Я дергаюсь и звеню цепями, и взгляд голодных желтых глаз Эорна тут же устремляется на меня, а на кожистых губах медленно расплывается ухмылка. Гат снова издает тот же странный горловой звук, и Эорн с раздражением поворачивается к нему.

Я жду, что Гат попросит отдать меня ему или предложит какой-то свой вариант, о котором брат забыл попросить. Но вместо этого он хватается за горло, и я вижу, как во взгляде обоих орков клубится замешательство.

Тихий, задушенный хрип вырывается из глотки Гата, как будто он подавился или с трудом может набрать в грудь воздух. Я не понимаю, что с ним не так, а затем комнату оглашает злобное рычание, и я вскрикиваю.

– Что ты сделал? – рычит Эорн, когда Гат с грохотом валится на пол.

Он делает шаг к Дорсину, а затем его бешеные желтые глаза расширяются от ярости и шока, и он хватается за собственное горло. Я слежу за взглядом орка, который мечется между фейри и пустыми бокалами на столе.

– Ты жалкий предатель, – шипит Эорн и делает еще один

неуверенный шаг к Дорсину. — Я... тебя... прикончу, — задыхается он, но угроза его бесполезна, как и он сам — орк без сил падает вслед за братом.

От удара гигантского тела по полу проходит вибрация, и я ощущаю ее своими коленями. К такому повороту событий я не была готова, я настолько ошеломлена, что не знаю, что и думать.

— Прикончишь *меня*? — с издевкой усмехнулся Дорсин. — Я оказался быстрее, безмозглый ты мешок с дерьмом, — огрызнулся он, а затем обошел стол и грациозно уселся на стул.

«*Зачем ему убивать их?*» — спрашиваю я себя, и этот бессмысленный вопрос падает в кучу себе подобных — я сомневаюсь, что найду ответы на них до того, как меня саму убьют.

Я оглядываюсь на двух орков, один бьется в конвульсиях, да так, что я слышу треск костей. Я молчу и надеюсь, что моя смерть не будет такой мучительной. Краем глаза я замечаю какое-то движение, и мою грудь тут же сжимает страх: я вижу Эорна. Он медленно ползет ко мне, его злобные желтые глаза устремлены на меня, изо рта течет красная пена.

Цепи позволяют мне отодвинуться на полметра, и я ползу, пока мое тело не прижимается к теплому камню. Я в ловушке, а орк все так же медленно приближается ко мне.

Я вжимаюсь в стену, пытаюсь сделаться меньше, и игнорирую боль, что поднимается по моей спине, пока я вдавливаю обожженную кожу в каменную плиту позади меня. Я открываю рот, чтобы закричать, попросить о помощи, как вдруг

Эорн останавливается и начинает биться в судорогах. От вида ярко-зеленой крови, что течет у него из носа и глаз, я зажимаюсь, закрываю руками уши, пытаюсь заглушить звуки его ломающегося позвоночника, чтобы они не проникли глубоко внутрь меня и не оставили шрамов на моей душе. Я заставляю себя раствориться в кирпичной кладке у меня за спиной, зная, что мне будет лучше, если она просто проглотит меня целиком и больше не выплюнет наружу.

Но ничего не происходит.

Никто не пытается спасти меня от кошмара, что разворачивается в метре от меня.

И так же быстро, как началось, все заканчивается. Братья-орки затихают.

В комнате снова воцаряется тишина. Два громадных тела начинают таять, как свежий снег в пустыне. Секунда – они мертвые лежат на полу, еще секунда – и вот все, что от них осталось, – это густая, мутно-зеленая лужа, кожаные штаны и больше боевых ножей, чем я могу сосчитать, плавающих в вонючей светящейся жиже.

Я давлюсь, натягиваю горловину своей рваной и грязной ночной рубашки на рот и нос, пытаюсь спрятаться от жуткой вони, поднимающейся от луж.

Дорсин выходит из-за стола и посыпает останки орков порошком – от них клубами валит оранжевый дым. Фейри отходит к дальней стене и отодвигает тяжелые складки gobelena, прибитого к камню. За ним обнаружилось большое ок-

но; Дорсин открыл его и взмахнул рукой, в комнату ворвался поток свежего воздуха, стремительно утянувшего оранжевый дым в ночь.

Я наблюдаю за ним, широко раскрыв глаза. Ветер ведет себя так, как будто он – послушная пастушья собака, а не мощная дикая стихия. Это сравнение оседает в моем сознании, словно туман. Я видела нечто подобное и раньше. У Дорсина есть какая-то способность, я, хоть и с досадой, признаю ее, но не могу дать ей название. Даже не могу вспомнить, когда или где я видела, как могущественный фейри использует свой дар, но я точно знаю, что видела подобное.

Дорсин тихо стоит у окна, наблюдая за чем-то. Звезды дразнят меня, я вижу их за его плечом, и мне кажется, что я слышу их небесный зов, чувствую, как они подбадривают меня вырваться из этих цепей и сбежать от этого места подальше.

Лунный свет тянется ко мне, его невидимая ласка – бальзам на мою измученную страхом душу и раны, которые теперь украшают мое тело. Руки и плечи начинают чесаться – это заживают ожоги от железа.

Я тянусь через плечо, чтобы ощупать порезы на спине, и цепи, сковывающие мои запястья, звенят. Но под кончиками пальцев я чувствую лишь гладкую, неповрежденную кожу, и я хмурюсь в замешательстве.

– Я позволил тебе исцелиться, потому что ты нужна мне здоровой, – говорит Дорсин, и я перевожу взгляд на него.

Он все еще стоит у открытого окна, но его жестокие голубые глаза теперь устремлены на меня. – Но твоя боль и покалеченное тело тоже могут сослужить мне хорошую службу. И я хочу, чтобы ты помнила об этом, пока мы... проводим время вместе. – Он отодвигается от окна и делает шаг ко мне.

Я все еще жмусь в углу, упираясь спиной в камень, и вытягиваю руки перед собой – будто смогу защититься, если он нападет.

«Когда он бросится на меня», – поправляю я себя, потому что он сделает это – это написано на его лице, я вижу.

– Но время, проведенное со мной, не обязательно должно стать для тебя кошмаром. Ты понимаешь это, Осет?

Желудок вновь скручивает от тревоги, а фейри неторопливо подходит еще ближе. Паника заставляет мое сердце биться быстрее, в глазах резь от страха и горя.

– Я задал тебе вопрос, Осет, ответь мне, – резко говорит он, и от его тона я непроизвольно выпрямляюсь.

– Это... это мое имя? – заикаюсь я, вместо того, чтобы ответить на угрозу, которую он замаскировал невинным вопросом.

Он замирает на полушаге, его темная бровь вновь вздрагивает, приподнимаясь, – этот тик я заметила раньше.

– Не вздумай играть со мной, девчонка, – предупреждает Дорсин. – Ты уже достаточно взрослая, так что наверняка слышала страшные истории о том, что я делаю с теми, кто смеет меня расстраивать. Не думай, что положение твоего

отца или то, что я от него получу, поможет тебе.

— Кто мой отец? — требовательно спросила я и тут же вновь вжалась в стену, заметив пламя гнева, вспыхнувшее в глазах Дорсина.

— Простите, — поспешно добавляю я, но он уже приближается ко мне: его черты выглядят угрожающе, в сжимающихся кулаках — обещание боли. — Я ни во что не играю. Клянусь, я ничего не знаю!

Он хватается за цепи, прикрепленные к полу, и с силой дергает их. Кожа на моих руках вопит от боли, но меня рывком отрывают от стены, и я падаю к ногам убийцы. Внезапно его пальцы путаются в моих волосах, он тянет меня вверх, и я кричу, пытаюсь подтянуть скованные ноги к себе.

— Я не обманываю вас! Клянусь, не обманываю, — кричу ему я, и он приближает свое лицо к моему — в нем читается раздражение.

От него пахнет первой травой и свежей утренней росой, и в своей голове я пытаюсь как-то соединить этот аромат невинности с яростью, что плещется в его глазах.

— Я что, должен вбить в твою бестолковую головку, кто ты и что твой отец задолжал мне? — рычит он, его глаза бегают по моему лицу, ища ответ. — Может, вместо этого я должен втрахать в тебя эти знания? — Голос Дорсина нежный, как шелк, но его руки трясут меня так, будто он ожидает, что ответ сам вывалится сейчас наружу.

Я хнычу и пытаюсь оттолкнуть своего мучителя, но от это-

го становится лишь больше.

– Он спрятал тебя подальше, надеясь, что никто ничего не узнает, но он забыл, как вообще ты у него появилась! – Дорсин рычит мне в лицо, брызжа слюной. – Я знаю, чего он от тебя хочет, что, как он надеется, принесет ему лишь факт твоего существования, – добавляет он злобно. – Он думает, что один такой хитрый. А сколько лордов и наследников побывали меж этих бедер, изливая свои тайны вместе со своим семенем? – Дорсин рычит и по-прежнему держит мои волосы, другой рукой срывая с меня грязную, изодранную ночную рубашку.

Я кричу, но он засовывает порванную ткань мне в рот и швыряет меня к стене.

Я не успеваю выставить руки и врезаюсь лицом в шершавую стену. От удара я теряюсь, падаю на пол, не в силах защититься, пока Дорсин пинает меня. Жесткий ботинок бьет в живот, по рукам, ногам и ребрам. Он орет на меня, но я не могу разобрать его ядовитых слов, потому что их заглушают мои крики.

Боль взрывается в моем теле, я безуспешно пытаюсь свернуться так, чтобы защитить все жизненно важные органы, но его ярость обрушивается на меня, находя все новые открытые участки тела. Я не могу ничего сделать, не могу выдержать эти бесчисленные удары, как бы ни старалась. Ребра ломаются, и боль проникает в меня не только с каждым ударом Дорсина, но и с каждым дрожащим, отчаянным вдохом.

Мои крики постепенно превращаются в жалкое мычание и скулеж, я больше не пытаюсь остановить эту пытку – теперь я... принимаю ее.

Просто давай покончим с этим. Дай мне умереть.

И стоит мне принять эту мысль, как Дорсин останавливается. Я беспомощно скулю, с виска капает кровь, все мое тело – это сплошные синяки и ссадины. Я на мгновение теряюсь в боли, и тьма начинает просачиваться в мою душу.

Затишье длится слишком долго, и я рискую поднять взгляд от холодного каменного пола. Мои глаза пылают ненавистью, и я одновременно жажду оттолкнуть этого ублюдка от себя и заставить его подарить мне сладостный покой в смерти, которого я так внезапно возжелала.

Я ожидала встретиться с жестким голубым взором Дорсина, ожидала, что мои ослепшие от боли и ярости глаза наткнутся на его, полные злобы и силы.

Но нет, и увиденное шокирует. Я наблюдаю, как отблеск волшебного света играет на остром лезвии, что прижимает к горлу Дорсина... скелет. Я моргаю, пытаюсь избавиться от этого морока, но костяная белая рука, держащая рукоять кинжала, не исчезает. Я не могу понять, что происходит: два других скелета появились из-за спины Дорсина и двинулись вглубь комнаты.

Наконец до меня доходит: это чары. Я наблюдаю, как скелеты уверенно входят в комнату, их сильные ноги, руки и конические торсы обтянуты черной кожей. Я вижу ее там,

где ее не закрывают доспехи или оружие, она кажется чернильно-темной, особенно на фоне белизны костей обнаженных частей тел. Вместо мужских лиц – черепа, вместо рук – пястные кости и фаланги.

Одно из этих существ поворачивается ко мне спиной, и я могу сосчитать его шейные позвонки. Однако вместо пустых глазниц – ониксовые глаза, холодно и внимательно оглядывающие все кругом. У каждого существа были черные, как вороново крыло, волосы, собранные в тугий узел на затылке. И, как и орки, при движении никто из них не издавал ни малейшего звука.

Я ошеломленно гляжу на Дорсина, на его лице шок быстро сменяется яростью. Он открывает рот, но сияющее лезвие плотнее прижимается к его горлу, и Дорсин, кажется, решает еще раз обдумать, что он собирался сказать.

– Нашел, – слышится глубокий, бесстрастный голос, и прежде, чем я успеваю повернуть голову, чтобы узнать, что же нашел незнакомец, лезвие вливается Дорсину в горло, и из раны на меня брызжет горячая кровь.

Ужас и отвращение охватывают меня, и я отворачиваюсь. Но, отключив эмоции, наблюдаю, как скелет отточенным ударом топора отрубает руку Дорсина и небрежно бросает ее одному из своих напарников. А затем, наконец, позволяет тому, кто только что избивал меня, свалиться с глухим шлепком на пол.

Трое существ, даже не удостоив меня взглядом, направи-

лись к пустому участку стены и уставились на него так, будто это вовсе не простой камень.

Я пытаюсь побороть сковавший меня ужас и дышать, но пугаюсь и замираю: а вдруг мои судорожные вздохи услышат и тоже перережут мне горло?

Не осознавая, что делаю, я ползу к зеленой луже, которая когда-то была орком, и вытаскиваю из нее два длинных кинжала. Рукояти скользкие, и я не хочу думать, что течет у меня меж пальцев, но я все равно крепче сжимаю их, не зная, что будет дальше.

Я надеялась, что оружие поможет мне почувствовать себя лучше, но я снова скрючиваюсь в углу, голая, избитая, в брызгах своей и чужой крови. А три новых кошмара стоят на другом конце комнаты, уставившись в стену.

Болит все. Я пытаюсь – пока безуспешно – не задохнуться от страха, наблюдая за чем-то, напоминающим игру в карты. Однако она реальна и разворачивается прямо у моих ног. В картах козырная масть кроет ту, что ниже рангом, но здесь то же самое проделывают монстры. И стоит мне подумать, что я наконец-то знаю, кого и чего мне бояться, как колоду тасуют, и вот новое и еще более опасное испытание оказывается сверху.

Вдруг до меня доносится скрежет – камень трется о камень. За широкими плечами трех существ я вижу, как кирпичная стена отодвигается. Медленно крупные камни поворачиваются, открывая небольшую комнатку с рядами и ря-

дами полок, на которых расставлены какие-то предметы – какие, я не могу разобрать. Один из скелетов исчезает внутри, но вскоре появляется вновь и передает небольшой мешок одному из своих напарников. То, что похоже на сложенный пергамент, он засовывает во внутренний карман куртки.

– Все взял? – спросил один из скелетов, привязывая котомку к поясу, и тот, что сунул сверток под доспехи, произнес:

– Все, что нам было нужно. Я даже оставил кое-что на память о нас, хотя после сегодняшней ночи туда вряд ли кто-то зайдет.

Скелеты наконец отходят от стены, и проем тут же закрывается. Я, как замороженная, наблюдаю, как поворачиваются камни, – а может, я просто в шоке – кто в такую кошмарную ночь разберет?

– А с ней что будем делать? – До меня доносится ледяной голос, и я вздрагиваю: один из скелетов бесшумно подкрался и теперь стоял всего в шаге от меня.

Я крепче сжимаю кинжалы, и, клянусь, в уголках его рта замечаю нечто похожее на смешок. Конечно, на месте рта сейчас у него пасть мертвеца, но это не мешает мне разглядеть под чарами его настоящее тело, квадратную челюсть и впалые скулы. Как фантом, появляющийся из тени, другой скелет внезапно оказывается рядом с ним, наблюдая за мной.

– Если мы ничего не предпримем, то она, наверное, отправится на рынок плоти, – указал на меня первый скелет.

– Не наша проблема, – заявил третий, продвигаясь к открытому окну.

– Я могу убить тебя, если пожелаешь, – предложил второй, и только через мгновение до меня доходит – он обращался ко мне. – Лучше тебе умереть – мы знаем, что с тобой сделают эти люди.

Взгляд его черных глаз жесткий, а голос ровный, будто он излагает всем известную истину.

– Нам нужно спешить, – обрывает его скелет у окна, в его тоне слышится раздражение.

– Ты хочешь, чтобы я тебя убил? – снова спрашивает меня его товарищ, будто никуда не торопится.

Хочу ли я?

Я неуверенно смотрю на него. Я была готова умереть, когда Дорсин пинал мое тело, но теперь, когда три монстра мертвы, а я сжимаю в руках кинжалы, мое положение видится мне по-другому: не таким отчаянным, не столь безнадежным.

– Помогите мне, – умоляю я. – Возьмите меня с собой. – Я приподнимаюсь со своего места в углу и вскрикиваю – ребра ноют, мое искалеченное тело болит, и я вновь опускаюсь на колени.

– Ты даже ходить не способна, а если бы и могла встать, мы все равно не смогли бы забрать тебя с собой, Лунный Лучик. Тебе лучше умереть, – отвечает мне второй, и что-то в его спокойном тоне вновь разжигает мой гнев.

Я бросаю на него яростный взгляд, но ничего не говорю, лишь подтягиваю кинжалы ближе к себе – в знак предупреждения. Черные глаза скелета смотрят на меня пронзительно, а затем он и его товарищ подходят к окну, где их дожидается третий скелет.

– Как пожелаешь, – бросает один из них через плечо – он даже не оглянулся, будто я не заслуживала его жалости.

Они собираются уйти, и паника вновь начинает накатывать на меня волнами. Но что я могу поделаться? Они предложили мне смерть, а умирать я не хотела. Одно дело – желать смерти в агонии, разбитой, уничтоженной, когда смерть кажется тем единственным, что избавит тебя от новых страданий. Но вот она я – сижу, окруженная трупами врагов, у меня есть оружие, а свет луны обещает исцеление, он совсем рядом, за спинами скелетов, выбирающихся из окна... Я хотела жить.

И любой, кто вновь посмеет причинить мне боль... заплатит за это.

Горячие слезы стекают по моим щекам, а скелеты исчезают в окне так же незаметно, как и появились. Темные, жесткие слова эхом отдаются в моем сознании.

Я подползаю к телу Дорсина и ищу в его карманах ключ от моих оков.

Лучше тебе умереть.

Это так бессердечно, но лишь эти слова звучат у меня в ушах, пока я срезаю с тела Дорсина тунику и оборачиваю ее

вокруг себя, кое-как прикрывшись.

Меня тошнит, но я стараюсь держаться и отчаянно ищу ключи от своей свободы. Должно быть, они в столе, но мои цепи туда не дотянутся.

Мягкое прикосновение ночи нежно очерчивает синяки на моей коже. Свет луны пробирается через открытое окно и впивается в мои кости, исцеляя раны, нанесенные Дорсином. Но, к несчастью, этого мало, чтобы восстановить мои силы, и как бы я ни старалась, как бы я ни втыкала кинжалы в звенья цепей или ни пыталась открыть острием ножа замки на наручниках, все было тщетно.

Не знаю, сколько я пролежала вот так, прижавшись щекой к прохладному полу и глядя в мертвые глаза Дорсина и дразняще распахнутое окно.

Солнце уже поднялось высоко, когда в двери из белого дуба постучали. В моем сознании вновь ожили слова скелета, но, когда требовательный стук повторился, я даже не шелохнулась.

Лучше тебе умереть.

Передо мной возникли обтянутые кожаными штанами ноги. Я вздрагиваю – я больше физически не способна бояться хоть чего-то, так что я просто наблюдаю за тем, как люди Дорсина выходят на эту мрачную сцену, раскинувшуюся передо мной.

В голове, в душе моей пусто, и я пытаюсь осознать, что происходит вокруг. Голоса кричат и спорят, но я ни на чем

не фокусируюсь, пока в поле моего зрения не попадает пара черных ботинок. Я рассматриваю начищенную поверхность обуви и замираю, заметив маленький череп, вдавленный в серебро пряжки на ремешке, удерживающем лодыжку владельца.

Сколько боли и ужаса принесет мне эта пара ботинок?

С проворностью, которой я сама от себя не ожидала, я бросаюсь на владельца обуви. В его оценивающем взгляде мелькает неподдельное изумление, и он отпрыгивает в сторону. Победоносный рык поднимается в моей груди, я поднимаю кинжал орка, замахиваюсь... но цепи отбрасывают меня к стене, и тот, кого я хочу порубить на кусочки, оказывается вне досягаемости.

Я вперила в него взгляд, изучая его лицо и ища черты, которые успела различить ночью, под чарами и образом скелета. Но не нахожу на лице этого фейри ни аристократических скул, ни полных губ.

Его глаза цвета какао тоже изучают меня, и его взгляд останавливается на потеках крови Дорсина, размазанной по моей коже, а затем перемещается к пятнам того, что осталось от орков: жижа засохла на моих волосах и руках.

На мгновение он кажется впечатленным, а затем его лицо вновь принимает безразличное выражение.

– Я Тиллео, заместитель Дорсина, – говорит он и указывает подбородком на своего мертвого начальника. – Кажется, ты тут времени зря не теряла, – замечает он, и его темный

взгляд блуждает по моему залитому кровью телу.

От мрачного блеска в его глазах меня пробирает дрожь отвращения, но я пытаюсь сдержаться...

И тут меня осеняет: он думает, что эту бойню устроила я. Я бросаю взгляд на лужи крови – зеленые и красные, а затем вновь смотрю на Тиллео. Я не поправляю его – не могу сказать, доволен он увиденным или как раз прикидывает, как наказать меня за то, что я, по его мнению, сделала. И я ожидаю, что меня охватит ужас, но нет – я ощущаю лишь пустоту, и у меня нет сил, чтобы испытать хоть что-то еще.

– Кто ты? – Тиллео слегка наклоняет голову, будто так ему будет проще меня вспомнить.

Я не знаю, стоит ли отвечать ему, но, возможно, он на самом деле знает, кто я. Может быть, у него найдутся ответы – я так отчаянно в них нуждалась.

– Осет, – наконец выдавливаю я, цепляясь за то единственное, что знаю о себе.

Я внимательно наблюдаю за ним, ища любой признак того, что мое имя значит для него больше, чем для меня. Но он никак не реагирует.

– Хотите, чтобы я отправил ее к остальным, что отправятся на рынок? – спрашивает тощий, как палка, фейри.

Тиллео еще пару мгновений смотрит на меня, и на его лице появляется улыбка.

– Нет, ей на мясном рынке не место. Думаю, мы сможем найти гораздо лучшее применение ее... талантам. – В его

глазах мелькает опасный блеск. – Посади ее к другим дикарям. Посмотрим, на что она в действительности способна.

Шесть лет спустя

Я сижу в теплой воде, твердый край металлической ванны впивается в мою только что зажившую после ударов плетью спину. Я мечтаю о том дне, когда смогу вонзить меч в грудь мастера Вильдеса. Он как-то отхлестал меня за то, что я смотрю на него, а теперь избил за то, что я этого не делаю. С этим ублюдком никогда не угадаешь, как себя вести, – как и с остальными зверьми, что управляют этим местом.

Я провожу тряпкой между пальцами и ухожу глубже в свои кровожадные мысли, зачарованная плавным движением ткани в мутной воде. Наконец из фантазий меня вырывает чей-то шепот.

– Я бы с радостью отправилась к Лисицам, но Волки тоже ничего, – Пэрин тихо шепчет Сеннет, оттирая свои руки дырявым куском ткани.

– А мне все равно, кто меня выберет, лишь бы не Медведи, – объявила Линиэ и обернулась к Пэрин и Сеннет, желая присоединиться к беседе. Вода принялась биться о металлические бортики ванной.

– Да на тебя никто и не взглянет, если и дальше продолжишь трепаться вместо того, чтобы оттирать грязь с тела, – огрызнулся Хорд из дверного проема, и купальня вновь наполнилась звуками ожесточенного мытья рук и плеском во-

ды.

Я поднялась и переступила край металлической лохани. С меня стекает мутная вода, я распускаю волосы. Возбуждение и нервозность носят кругом, я физически могу ощутить их кожей, словно надвигается буря. Хотела бы я знать, как ко всему этому относиться, но я не знаю. Мы потратили годы на подготовку к этому дню, но теперь все кажется не совсем... реальным. Я беспокоюсь, что в любую секунду проснусь и пойму, что это – всего лишь сон, пусть и довольно яркий. И что все, через что я прошла – тренировки, пытки, борьба, – не закончилось, и я лишь в самом начале этого пути.

Резкая боль пронзает мою ладонь, я зажимаюсь и смотрю на руку. Ожидаю увидеть какую-нибудь ранку, которую не заметили лекари, но все, что я вижу, это мозоли и линии. Нет ни пореза, ни раны.

Я сжимаю и разжимаю руку, будто трогаю острие этого призрачного жала – привычка, за которую я получу пощечину, если кто-нибудь из мастеров поймает меня за этим занятием. У нас не должно быть никаких тиков, любые способы снять напряжение под запретом – разрешены только те механизмы преодоления, которые мы тщательно конструируем в своем сознании. Наши тела должны быть гладкими, сильными, без единого шрама – спасибо лекарям, что состоят на службе у Тиллео, хотя каждого из нас избивали до полусмерти день за днем, а затем возвращали к жизни. Нас травили, с нами грубо обходились, нас тренировали и оттачивали наши

навыки лишь для того, чтобы подготовиться к этому... Торгу.

Сегодня нас ждет новая жизнь. Сегодня день, когда члены Орденов Убийц соберутся, чтобы посмотреть, кто из нас достоин, а кто годен лишь для торговли телом.

От этой повинности мы в основном были избавлены, пока находились тут, в *Приюте*.

Я вздохнула и принялась пальцем разбирать пряди, пытаюсь избавиться от гнезда, в которое превратились заплетенные Вилик косицы – я хотела, чтобы вернулся мой обычный пробор.

Из-за стены, выложенной коричневым песчаником, доносится сдавленное кряхтение – в мужской купальне рабы клинка либо решили побороться, либо потрахаться. Невозможно определить, что именно там творится. Я уже давно поняла, что звуки, издаваемые несчастными в агонии, мало отличаются от тех, что мы издаем в порыве страсти. Не то чтобы я много знала о страсти.

Случайная возня с рабыней клинка едва ли вызывала в моей душе хоть какой-то отклик – не говоря уже о том, чтобы меня охватила страсть. Некоторые девушки заставляют друг друга кричать под одеялом ночью так же громко, как они вопят на ринге от глубокой раны, сжимая в руках острый меч.

Я знаю, что страсть существует в этом мире. Мне даже пару раз предлагали рассказать – и показать, – чего все носят с сексом, но я с немногими смогла сблизиться. Доверие –

это смертный приговор, который тебе обязательно вынесут – так или иначе.

Я стою в купальне, воздух затхлый и сухой, и влага быстро испаряется с кожи. Я оглядываюсь вокруг, изучая некогда белую мраморную плитку под ногами – из-за высокого содержания серы в воде она пожелтела: ее добавляют, чтобы грязь лучше отмывалась.

Шестнадцать металлических ванн, установленных в четыре ряда, проржавели, мыло настолько кислотное, что разъедает жесть так же, как оно разъедает кожу, если долго не смывать пену. Здесь пахнет плесенью, тревогой и изнеможением. И как бы я ни была счастлива, что больше никогда не увижу эту комнату после Торгов, но это все, что я знаю в этом мире. От этого осознания внутри меня все напрягается. Такого я не ожидала. Это не грусть, не тоска – беспокойство. Я так долго ждала дня, когда наконец вырвусь из этой тюрьмы, что теперь меня охватывает паника – а вдруг то, что ждет меня дальше, окажется еще хуже?

Я никогда не позволяла себе думать об этом; не было такого момента, когда я задумывалась – а доживу ли я до этого дня? Я была осторожна – не позволяла разуму забредать слишком далеко в будущее. Но сегодня я не могу отогнать от себя печальных мыслей. Не тогда, когда возможность худшего будущего дышит мне в затылок, как надсмотрщик, что любит распускать руки после ночной пьянки.

Представители восьми элитных домов-убийц придут в

Приют сегодня днем. Мы будем ждать их с нетерпением, одновременно пытаясь доказать им, что мы достойны их Ордена. Некоторые из них лучше, некоторые хуже. Некоторые более жестокие и опасные, как, например, Орден Медведей. Другие благородны и изящны, как Орден Лисиц. У каждого раба клинка есть тайное желание попасть в определенный Орден, но это всего лишь мечта, надежда. А в таком месте, как это, надежда может убить тебя быстрее любого смертоносного оружия.

Я выхожу из купальни, прохожу мимо Хорда – он шлепает меня по заднице, но я не обращаю на него внимания. Шлепок его ладони о мою влажную кожу громкий, но я держу голову прямо и смотрю перед собой. Нет смысла получать порку второй раз за день. Хорд позволяет себе вольности, но он не так плох, как мог бы быть. Я спокойно сношу его отношение и потому не привлекаю внимания более опасных хищников – тех, кто любит, когда жертва сопротивляется и кричит. Это доставляет им удовольствие.

Я вхожу в уборную, Фигг ворчит на меня и кивает на табурет перед Вилик. Я повинуюсь, молча сажусь, и Вилик принимается грубо расчесывать мои влажные волосы.

Здесь тепло, и свежий воздух просачивается через едва приоткрытые оконца. Еще довольно рано, солнечные лучи не бились целый день о стены комнатки, так что воздух в уборной уже густой и влажный, но пока терпимый.

Вилик сидит по обыкновению в углу в своем любимом

кресле, которое она покидает лишь изредка и с большой неохотой. К стене рядом приколочено несколько полок, где хранятся ее инструменты и косметика. Нас она заставляет усаживаться на шатающийся табурет, который, к тому же, слишком мал. Но стоит нам покачнуться, она нас наказывает.

Фигг порхает у длинного, усеянного занозами стола, доставая с полки и из ящиков позади нее одежду и другие вещи, и складывает аккуратными стопочками. Стол завален горами синей ткани и аксессуаров, и Фигг ворчит, как только мой взгляд падает на ее сокровища.

– Не хочу сегодня слышать никакого нытья по поводу нарядов. Я потратила полдня на чистку и починку того, что выбрали ваши учителя. Так что держи свои возмущения при себе, или я прикажу выпороть тебя после пира и не позволю лекаря до утра. – Трясущимися руками Фигг откидывает с потного розовощекого лица пряди волос цвета соли и перца.

Должно быть, она сегодня недостаточно выпила – обычно алкоголь делает ее менее раздражительной – или, возможно, все дело в суете вокруг гостей и того, что они собираются делать в течение следующих нескольких дней.

Снаружи поднимается ветер, и сложенные стопки чего-то, похожего на шелк цвета полуночи, дрожат, а на блестящую поверхность элегантной ткани сыплются песчинки. Я никогда не видела ничего настолько богатого и безнадежно печального, учителя никогда не выдали бы рабам клинка ниче-

го подобного, но я насчитала восемь стопок ткани, и я знаю, во что мы будем одеты сегодня вечером.

Вдруг Вилик бьет меня по затылку, и я тут же отворачиваюсь от пышных шелковистых одеяний и смотрю прямо перед собой – я знаю, именно этого она и хочет. Она цыкает и ворчит от досады, что ей приходится разбираться с моими густыми локонами, но приказ начальства не позволяет ей остричь меня, как раньше, когда я только приехала сюда.

– Думаю, сегодня сделаем что-то другое... что-то особенное для праздника, – заявляет Вилик, и я напрягаюсь, когда она начинает зачесывать мои волосы назад.

Ее жестокие, черные глаза-бусинки сидят над длинным крючковатым носом и изучают меня. Губы у Вилик тонкие, их едва ли можно назвать губами, и они кривятся в улыбке. Но в ней больше угрозы, нежели веселья – угроза сочтется из ее серой кожи и мрачных черт лица.

– Нет нужды так переживать из-за меня, – процедила я и поморщилась от отчаянных ноток, послышавшихся в моем голосе. – Боевых косичек более чем достаточно, как и всегда. – Я смягчила голос, надеясь, что не усугублю ситуацию: кажется, звучала я так, будто пытаюсь командовать ею.

Некоторое время Вилик молчит, а затем хватает прядь волос и принимается заплетать косы, и я немного расслабляюсь.

– Глупости, – воркует она, но в голосе ее звучит злоба. – Ты должна быть особенной сегодня вечером; все девушки

должны. Ты слишком долго была неограниченным алмазом, Осет. Пришло время начистить тебя до блеска, показать членам Орденов – пусть видят, какой скот вырастили в нашем Приюте.

После ее заявления я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на дыхании. Вилик наказывает меня, подставляет меня наихудшим образом, и я хочу выхватить гребень из ее рук, чтобы вонзить его ей в глотку.

Быть талантливой – это проблема. А быть при этом симпатичной – еще хуже. Этих двух качеств слишком много для одного, и другие будут подставлять вас, чтобы увеличить свои шансы. Если выставлять напоказ и красоту, и таланты, можно оказаться в месте хуже рынка наемных убийц. А я ведь едва избежала торговцев телом. Тиллео думал, что это я убила Дорсина, иначе я бы сюда никогда не попала – и с тех пор я отчаянно боролась, чтобы остаться здесь.

Я никогда не была лидером, но и не была самой слабой из всех – всегда старалась держаться середнячком. Не блестяще, но достаточно, чтобы дожить до Торгов. Достаточно, чтобы меня купил какой-нибудь Орден... за разумную цену – чтобы мне не пришлось потратить всю жизнь на то, чтобы расплатиться с ним. Цену, которая однажды позволит мне попробовать свободу на вкус – пусть и после того, как моя кожа пропитается кровью других фейри, на моем лице появятся морщины, а я стану мучиться болью в ногах.

Я мечтаю об этом дне, и представляю вкус свободы на язы-

ке, смакую его.

Это то, что помогает мне проживать день за днем в этой раскаленной солнцем адской дыре.

Когда-нибудь я обрету свободу.

Вилик сильно дергает меня за волосы – я шиплю и наклоняю голову так, как она хочет. Мерзкая пикси просто могла бы сказать мне, что нужно делать – видят звезды, ей всегда есть, что сказать, – но нет, она наслаждается своей властью, пока мы сидим перед ней на табурете.

Я хочу прикончить ее, но лишь представляю, как бы использовала ее собственные орудия пыток, вроде этого гребня, пока она вырывает им волосы у меня из головы. Нам приходится заплетать косички каждую неделю, и я даже рада, что у меня так много волос – иначе после встреч с Вилик я бы выглядела такой же ошипанной, как Кин и Энси. Конечно, я хочу, чтобы цена моей свободы была ниже, не настолько, чтобы попасть черт знает к кому.

Вилик приглаживает мои волосы с помощью какого-то крема – раньше она его никогда не использовала, – а затем заплетает толстую косу и перекидывает ее на сторону, словно ободок. Затем с другой стороны она заплетает еще одну косу и перекидывает ее через «обруч» крест-накрест и скрепляет заколкой. Оставшиеся волосы спадают каскадом на спину, и Вилик сушит их, мучительно крутит и тянет, пытаясь придать желаемую форму.

Вилик продолжает работать, а по спине у меня ползут му-

рашки. До этого она только раз действительно приложила усилия, чтобы я выглядела особенной.

Эти воспоминания всплывают неожиданно, заставляя мое сердце забиться чаще. На лбу выступают капельки пота. Я закрываю глаза и думаю об утренней тренировке, делаю все возможное, чтобы отогнать мысли о том дне подальше. И мне плевать, насколько все, что происходит сейчас, напоминает тот день из моего прошлого, я наотрез отказываюсь открывать этот ящик Пандоры и вновь разглядывать свои шрамы.

Входят Тария и Орит, и, пока они ждут своей очереди в пыточную Вилик, Фигг читает им нотацию об одежде, что выбрали для нас учителя.

Еще несколько рывков – и Вилик с помощью магии вынимает из-под меня табурет, и я едва не шлепаюсь на пятую точку. Наверняка она должна быть осторожнее, раз имеет дело с фейри, которых учили убивать без сожалений, но Вилик, должно быть, мечтает умереть.

Может, когда я наконец-то обрету свободу, я приду и воздам этой пикси по заслугам за все эти годы? Но Вилик лишь ухмыляется в ответ на мой взгляд, ее тусклые темные глаза обещают больше боли в следующий раз, когда я окажусь в ее власти, но мучения на стуле Вилик для нашей группы рабов клинка скоро закончатся, и мы обе это знаем.

Тария что-то говорит Орит, и та в ответ хмыкает. Маленькая охотница смотрит на подругу, в ее карих глазах вспыхи-

вает обида:

– Они не просто так приходят на все Торги, – защищает Тария. Ее кожа настолько темная, что на ней не видно румянца, но я подозреваю, что сейчас ее щеки горят.

– Это полная ерунда, Тария, – усмехается Орит. – Скорпионы приходят за едой, выпивкой и бесплатным перепихоном. И с каждого Торга их Орден уходит точно таким же, каким и был. И думать, что на Торгах тебя выберут Скорпионы – это самая нелепая вещь, которую только можно вообразить.

Фигг и Вилик презрительно фыркают, словно соглашаясь с язвительными словами Орит.

Тария смотрит на ноги, губы сжаты, словно она хочет возразить подруге, но все же молчит и старается не обращать внимания на насмешки Орит. Обида в глазах Тарии что-то пробуждает в моей душе, и я вмешиваюсь в их разговор:

– Никто из нас не был на Торгах раньше. Откуда тебе знать, что случится, а что – нет?

– Сот рассказал мне, что случится. – В голосе Орит слышится издевка.

Как будто то, что она встает перед охранником на колени, а он вливает в ее глотку семя, а в уши – бесполезную информацию, ставит ее выше меня.

Я усмехаюсь, но больше ничего не говорю, а Фигг, прихрамывая, выходит из-за стола. В ее пораженных артритом пальцах синее платье, цвет настолько глубокий, что кажет-

ся, будто его поцеловала ночь. Ее маленькие крылья, хрупкие на вид, больше напоминают придатки, вдруг приходят в движение – и, хоть и с трудом, но поднимают ее круглое тело в воздух, так что Фигг может примерить платье ко мне.

Из купальни доносится хихиканье, и новые и новые девушки вваливаются в и без того тесную уборную. Некоторые из моих подруг-дикарок, как любит называть нас Тиллео, выглядят так, словно они уже побывали в погребках с вином, к которым никто из нас не должен иметь доступа.

Я знаю, что все они просто взбудоражены тем, что должно произойти, скорыми переменами, тем, что у них появится шанс вырваться из этого места, но я смотрю на каждую из них и задаюсь вопросом: кто не выживет.

Нас было так много, когда я впервые попала сюда. Теперь нас осталось только шестнадцать: восемь женщин и восемь мужчин.

Я пробегаю глазами по лицам других девушек, с которыми я боролась и тренировалась последние шесть лет, и испытываю смешанные чувства – прямо как в купальне.

Я счастлива, что больше никогда не увижу их, и все же они – все, что я когда-либо по-настоящему знала. Их и это место.

В прошлом некоторые Ордена покупали у Тиллео множество рабов клинка, и я полагаю, что могу оказаться где-нибудь с одной из этих девушек или, что более вероятно, парней, однако, я не понимаю, успокаивает меня эта мысль или

беспокоит.

Было бы неплохо, если бы там, где я окажусь, будет кто-то знакомый. Но опять же – в вечной борьбе за выживание между мной и другими рабами не возникло привязанности. Почему мне важно, чтобы хоть одно лицо среди тех, что я увижу в своей новой жизни, было мне знакомо?

Фигг возится с металлическим ремешком, ее короткие ручки не могут обхватить мои бедра так, чтобы застегнуть его как положено.

Я смотрю вниз, чтобы разглядеть, во что учителя приказали ей одеть нас, и упираюсь взглядом в платье, которое состоит всего лишь из пары длинных полосок ткани. Темно-синий шелк мягко прилегает к моей коже, но его едва хватает, чтобы прикрыть наготу. В моих округлившихся глазах плещется беспокойство, я задерживаю взгляд на Фигг, и она предупреждающе смотрит на меня, не говоря ни слова.

Пока я рассматриваю наряд, по шее поднимается волна жара и разливается по щекам. V-образный отрез ткани свисает с плеч и едва прикрывает грудь, ниже пупка две полоски сливаются воедино, скрывая промежность. Сзади такой же V-образный отрез темно-синей ткани опускается до самой поясицы, а затем превращается в одну тонкую полоску, едва прикрывающую зад. Фигг наконец закрепляет металлический ремешок, который, кажется, нужен для того, чтобы удержать переднюю и заднюю полоски шелка и не оставить меня голой.

Мою промежность теперь венчает небольшой замочек, тонкие металлические цепочки соединяют его с собратом, крепящимся на моей заднице. Оба выполнены в форме герба Тиллео – голова кабана с двумя скрещенными мечами. Я не знаю, что он означает, но герб этот встречается тут повсюду. Подозреваю, этот герб выжгли бы и на нас тоже, если бы Тиллео не опасался, что он, если кого-то из его дикарей поймают во время охоты, приведет недругов прямо к нему.

Маленькие цепочки холодят голую кожу бедер, и я отчетливо понимаю: стоит мне слишком резко повернуться, или ветерку налететь, как некоторые части моего тела, что не предназначены никакому Ордену – что бы там ни воображали себе их члены, – окажутся у всех на виду. Некоторые учителя призывают нас предлагать себя целиком, чтобы получить место в Ордене. Другие, наоборот, уверены, что раздвигать ноги перед членами Орден – значит, проиграть на Торгах. В любом случае я никогда не посещала уроки соблазна, хотя обязана была на них присутствовать. И как бы сильно меня потом за это ни наказывали, я не смогла убедить себя в том, что моя вагина когда-нибудь сможет помочь мне в чем-то убийстве.

Остальные девушки молча рассматривают то, во что их оденут.

Тария дрожит, и Орит обхватывает маленькую фэйри за плечи, притягивая ближе к себе. В уборной царит атмосфера торжественности: хихиканье смолкает, возбуждение, секун-

ду назад искрившееся в воздухе, исчезает от осознания того, что нас ждет.

Вилик принимается колдовать над кем-то другим, а Фигг тянет и поправляет мое платье, пока оно не сядет так, как ей хочется. Она ворчит и наконец отстраняет меня от себя, и я выхожу из комнаты, прилагая все усилия, чтобы не начать сжимать и разжимать кулаки – гнев медленно вскипает и бурлит у меня в животе.

– Не смей усесться куда-нибудь – будут складки, и не прислоняйся ни к чему – испачкаешь платье! – окликает меня Фигг. – Марш напрямик в столовую и жди, когда тебя позовут. Через несколько часов начнут прибывать гости. И если на тебе будет хоть одна песчинка, я прикажу выпороть тебя, – грозит мне Фигг, но я лишь с досадой отмахиваюсь от ее угроз.

Приют находится где-то в Корозеанской пустыне, так что песок тут везде, особенно его много, когда ночью налетает ветер – он носится, словно стадо диких песчаных оленей.

Я не помню той жизни, в которой я не была бы вечно покрыта слоем песка и потом – или в которой Фигг не угрожает нам поркой за то, что мы испачкались. Но учитывая важность сегодняшнего дня, она действительно может сдержать обещание. Клянусь королями – ее терпение сегодня может лопнуть.

Я медленно и неуклюже продвигаюсь к столовой. Чувствую себя почти что нагой в этом наряде, и мне это не нра-

вится. Как я могу драться в этом?

Я постоянно проверяю, все ли прикрыто, и ненавижу горячий воздух, что касается меня там, где не должен. Он проникает между бедер, и меня раздражает такая открытость. Хотя я стараюсь не слишком переживать из-за этого. Вообще, мы частенько бывали голыми: например, когда ночью чересчур жарко, или потому что учителя приказали нам тренироваться голыми целый день.

Меня напрягает не отсутствие одежды – раздражает то, что нас вынуждают чувствовать себя еще более открытыми и уязвимыми перед членами Орденов. Как будто нам действительно нужно еще одно напоминание о том, что мы хуже, чем они, что мы – ничто.

Жизнь – и выживание – в Приюте учит тебя не питать иллюзий и многое замечать. Нас могут раздеть догола, и нужно знать, кто из охранников или учителей может воспользоваться своим положением. Время, проведенное здесь, показало, кто из твоих собратьев-дикарей ночью может пригласить тебя уединиться или, что хуже, не пригласить.

Жизнь тут жестока, но знать, что и кто таит в себе угрозу, полезно. Я научилась избегать опасностей, быстро поняв, кто и что может воспользоваться моментом, когда я уязвима. Но с Орденами все по-другому.

Мы все слышали истории о том-то и таком-то члене Ордена, но на самом деле никто из нас не знает, кто в действительности появится в Приюте через пару часов.

Представители Великих домов убийц придут к нам. Они представляют угрозу как друг для друга, так и для нас, и Тиллео хочет, чтобы мы прочувствовали этот момент, при этом беспокоясь еще и о том, что все наши прелести выставлены напоказ. И наша нагота может доставить нам еще больше неприятностей.

Полагаю, от торговца рабами другого ждать и не стоило. Он видит в нас лишь товар, подсчитывает нашу стоимость с каждым нашим вздохом. Я должна быть благодарна за то, что я вообще здесь, что меня не продали в бордель или не отправили какому-нибудь мерзкому коллекционеру. Но сейчас особой благодарности я к Тиллео не испытываю.

Я прохожу мимо кухонь, мой желудок урчит, но я не чувствую запахов, которые обычно сопровождают приготовленную для нас, рабов, пищу. На кухнях дым столбом, там много чего варится и печется, но я знаю, что все это – не для нас. Слишком уже вкусно пахнет. А нам никогда не дают ничего, что пахнет так аппетитно.

Я заглядываю в столовую и вижу, что все парни – рабы клинка – уже там. Они слоняются вокруг, настороженные и скучающие. На подготовку к сегодняшнему празднику у них ушло гораздо меньше времени, чем у нас, девушек.

Я сканирую взглядом Лето, опаленную пустынным солнцем громаду, с которой нужно считаться, и единственного мужчину, которому я когда-либо разрешала прикасаться к себе. Его, как и остальных парней, обрили наголо и одели

в темно-синие шаровары из такой же шелковистой ткани, что и мое платье. Серебряная цепочка с гербом Тиллео висит на груди. Всех мужчин растерли маслом, чтобы подчеркнуть мускулистую, крепкую грудь. Каждый из них смертельно опасен и талантлив – как я и еще семь девушек, что прошли этот путь.

Лето оказывается рядом со мной – как и всегда на тренировках. Он шутит, что я – солнце, к которому тянется луна, хотя, если учесть, как я выгляжу, смысла в его шутке немного. В любом случае я пресекаю подобные разговоры. Последний человек, которого они увидят перед смертью – вот единственное, кем я хочу быть для окружающих.

Я наблюдаю за легкой походкой Лето и замечая, что его брюки с драпировкой обтягивают бедра и лодыжки, но по бокам открыты, так что при ходьбе видны мускулистые ноги. Кажется, Тиллео пожелал представить парней такими же доступными, как и девушек.

Сверкающие глаза цвета коньяка оглядывают мое тело, а затем останавливаются на лице. На губах Лето появляется его обычная хитрая улыбка – мне всегда кажется, что он что-то задумал.

– Думаю, Тиллео хотел, чтобы тебе негде было спрятать клинок, – поддразнивает он, и я усмехаюсь.

– Ты же знаешь, он мне не нужен, если я действительно захочу кому-то навредить, – отвечаю я, и его улыбка становится еще шире.

– Встретимся вечером на крыше? В последний раз, прежде чем это место станет для нас лишь воспоминанием.

Его губы в нескольких сантиметрах от моего уха, его шепот танцует на моей шее. От этого мои соски твердеют, и я оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто из охранников на нас не смотрит. Затем скрещиваю руки на груди, пытаюсь скрыть реакцию тела.

Лето отступает назад, его глаза сканируют комнату в поисках угроз. Он единственный, кому я позволила приблизиться к себе за последние годы. Не знаю точно, что в нем было такого, что заставило меня хоть немного ослабить защиту. Наверное, виновато одиночество. Оно изматывает всех, независимо от того, как сильно мы сопротивляемся ему. Это не дружба – нет, конечно, это слишком опасно. Всего лишь близкий знакомый, слабая связь с кем-то, что в плохие дни остается единственным, что не дает сойти с ума.

– Я попробую вырваться, – тихо отвечаю ему. – Если меня позовут в один из шатров, хотя... – Я умолкаю, потому что Лето и так меня понял и кивнул.

В поместье неподалеку от Приюта можно с большим комфортом разместить множество гостей. Но нам сказали, что некоторые члены Орденов предпочитают нечто более уединенное, чем комнаты в поместье. Не знаю, кто из гостей с кем плохо ладит, но, по словам некоторых охранников, шатры так же уютны и роскошны, как и комнаты. Их поставили в пределах замковых стен, на огромной территории между

поместьем и Приютом.

В главном доме поместья я была всего лишь раз, но роскоши и уюта там припомнить не могу. Все, что осталось в памяти, – это теплый коричневый песчаник повсюду, ослепительный, волшебный свет и страх.

Учителя сказали нам, что мы будем обслуживать членов Орденов, пока они здесь. Вот почему нас собрали в зале для тренировок – чтобы дать задания. Если мне поручат прислуживать кому-то в шатре, улизнуть будет проблематично.

Лето кивает мне и подмигивает, а затем медленно отступает назад, скрываясь в толпе парней, словно призрак – умению тихо исчезать обучены все мы. Мои товарищи негромко переговариваются, но каждый раз, когда кому-то кажется, что к нам кто-то приближается, все замолкают. Учителя не любят, когда мы слишком много общаемся друг с другом или делаем что-то вместе: они боятся, что убийцы, которых они и тренируют, могут сплотиться против них. Но мы знаем, что этому не суждено случиться, и вооруженные арбалетами охранники, что постоянно ходят по внешней стене над нами, гарантируют, что никто из рабов не зайдет слишком далеко, даже если у него или у нее появится какая-то *идея*.

Постепенно к нам присоединяются другие девушки. Мы ждем все вместе, но не стоим слишком близко друг к другу, не выбираем удобных поз.

Вилик придумала для каждой рабыни другую, особенную прическу, и от этого я испытываю облегчение – большее, чем

хотелось бы признать. Я-то думала, что она хотела как-то выделить лишь меня, но нет.

Мы ждем, и каждая рабыня клинка теперь пытается поправить и уложить получше те жалкие лоскутки ткани, которые еле прикрывают тело. Я наблюдаю, как множество неловких девушек мечутся по комнате и несколько молчаливых приглашений уединиться передаются от раба к рабу.

Внезапно я чувствую, как атмосфера во всем Приюте меняется, словно моя кровь течет не только в моих венах, но и в мрачных стенах этого места.

На здание словно наваливается тяжесть, и я чувствую во рту привкус страха. Я выпрямляюсь, мгновенно напрягаясь – как и все дикари в зале. Я смотрю строго перед собой, мышцы словно камень. Я делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание.

Тиллео идет к нам, а его появление никогда не сулит ничего хорошего.

Стук ботинок по песчанику отдается барабанным боем у меня в голове, в нем слышится угроза. Краем глаза я вижу охранников, которые всегда входят в комнату перед Тиллео. Их колючие взгляды сканируют пространство в поисках угрозы, затем охранники отодвигают два из четырех длинных столов, за которыми мы обычно обедаем. Пот стекает по моей спине, и я проклинаю себя за то, что встала слишком близко к окну и лучам солнца.

Но, по крайней мере, я стою не так близко к нему, как Сеннет. Если Тиллео задержится в столовой, ей придется обратиться к лекарю – с ее бледной кожей ожоги ей гарантированы. Большинство из нас приспособились к окружающим нас условиям – у нас потемнела кожа, даже я загорела. Светлокожей рыжеволосой рабыне клинка приходится труднее. Похоже, кожа Сеннет так же упряма, как и ее обладательница: она отказывается приспособливаться и хоть как-то облегчить ей жизнь.

Над нами кружатся волшебные веера – их лопасти из листьев вертятся так быстро, что расплываются перед глазами. Они разгоняют горячий воздух, он играет с нашими шелковыми одеяниями, но никто из рабов клинка не шевелится. Каждый из нас неподвижен, словно статуя: мы ждем, пока тот, кто обрек нас на эту жизнь, почтит нас своим присут-

ствием.

Тиллео буквально бегает в столовую, но его глаза цвета какао внимательно осматривают нас – его дикарей. На нем – шелка и драгоценные камни, каждый его шаг сопровождается необычным перезвоном.

Он изящно проходит в центр комнаты и вновь горделиво оглядывает нас – свою собственность. Порывы ветерка осмеливаются потревожить пряди его длинных, небрежно уложенных каштановых волос, и он приглаживает их рукой – они точно такого же цвета, как песок в пустыне в полдень.

Он делает глубокий вдох, и украшенный драгоценными камнями жилет распахивается, обнажая кожу груди. В отличие от оружия, которое он точит ежедневно, доводя до совершенства, его тело мягкое – такое мягкое, какое бывает у тех, за кого другие вечно делают трудную и грязную работу. Он не толстый, как Фигг, но видно, что он не пропускает ни одного приема пищи, и ест он явно не ту кашу, на которой мы вынуждены выживать. Штаны на нем того же фасона, что и у парней-рабов клинка – как говорит Фигг, их носят жители пустынь и Полуденного Двора. Будто она хоть раз покидала эти стены!

Я вижу Тиллео, но не смотрю на него: взглянуть на него в упор – это преступление, за подобную дерзость тебя порежут на куски.

Мне подобное сошло с рук, когда я, закованная в цепи, впервые встретила его, лежа на полу в опустевшем кабине-

те Дорсина. Но когда мои глаза встретились с его глазами в следующий раз, мне потребовались недели, чтобы оправиться от последствий.

– Наши гости будут здесь в течение часа, – сообщает он нам. Его голос живой и звучит так уверенно, что нам мигом становится легче – хоть в авторитете Тиллео нам не придется сомневаться. – Вы поприветствуете их и проследуете в их покои, где будете делать все, что от вас потребуют. – Его взгляд скользит по нашим недвижимым фигурам, рассматривая каждого по отдельности.

Я чувствую, как его взгляд выхватывает рабов из шеренги, придирчиво изучает нас, выискивая недостатки или что-то, за что можно наказать.

Каждый из нас задерживает дыхание, когда взгляд Тиллео проходится по новой жертве – мы знаем, что любая мелочь может вмиг изменить наши судьбы, как это случилось со многими другими.

– Линэ, Кирид и Энси, вы свободны, – равнодушно бросает Тиллео – будто два его последних слова только что не похоронили все мечты и надежды этих троих фейри.

Не знаю, что именно вызвало его недовольство, но вышло вот так: их надеждам найти свое место в каком-нибудь Ордене и вырваться из жестоких лап Тиллео пришел конец.

– Нет! – умоляет Линэ, и у меня живот сводит от ее идиотизма.

Мне хочется прикрикнуть на нее, сказать, чтобы она за-

ткнулась. Ей было бы лучше молчать. Но я сдерживаю свой порыв, покорно застыв на месте, потому что я знаю – мне тоже лучше молчать. В моей голове крутятся мысли о том, что с ней сделают за то, что она раскрыла рот без разрешения.

Одно дело – пререкаться со стражниками или учителями, но Тиллео – это совсем другое. Кирид и Энси бесшумно выходят из столовой, покорно принимая судьбу и отдавая себя в руки Тиллео.

– Господин, пожалуйста, чего бы ты ни пожелал, я сделаю это! – продолжает умолять Линэ, и я слышу в ее голосе слезы – я даже уверена, что они текут сейчас по ее щекам.

С тем же успехом она могла бы вручить бездушному фейри перед нами свидетельство о своей смерти. В моей груди оживает тревога, но я пытаюсь поставить себя на место Линэ. Если бы меня вдруг отправили торговать телом, как ее, я бы, вероятно, тоже начала бы молить о пощаде. Но правда гонит эту ложь из моей головы прочь, словно ядовитого гада. Конечно, я была бы раздавлена, но я бы не совершила подобной глупости. Да, лучше умереть, чем провести остаток жизни, лежа на спине и разглядывая бесконечную вереницу членов, что будут тыкаться тебе меж бедер. Но открыть рот в присутствии Тиллео без разрешения не гарантирует тебе смерти. По крайней мере, это будет не быстрая смерть. Не тот легкий конец без страданий, которого каждый из нас втайне желает. Нет, поступок Линэ принесет ей лишь боль. Ей было бы лучше пойти отсюда прямо в оружейную и перерезать

себе горло, чем вытворять то, что она делает сейчас.

– О, ты сделаешь все, что угодно? – Голос Тиллео спокойный и ровный, но мне кажется, будто к моей спине прижалась плеть со стеклянным наконечником.

– Да, хозяин, я сделаю все, что пожелаешь. Пожалуйста, не отбирай у меня право быть здесь! Я – твой клинок, так повелевай мной, – продолжает Линэ, и эти последние ее слова... Так нам разрешено отвечать, только если учитель отдаст нам приказ.

– Джарва, отведи эту *рабу клинка* в парную. Я скоро подойду. – Одно слово Тиллео – и охранник слева от него хватается за Линэ и практически тащит ее прочь из столовой.

По моей коже прокатывается волна жара – словно это меня поволокли в этот каменный загон, который больше напоминает печь, чем комнату. Я гоню от себя воспоминания о наказаниях, о часах, проведенных в этом ужасном месте, и замечаю, что Линэ смотрит на меня с надеждой. Я не сомневаюсь, что и эта надежда скоро умрет.

Мою голову сдавливают от напряжения, словно клещами, но мы стоим совершенно неподвижно – так послушные рабы ждут, что еще скажет их хозяин. Но он не торопится закончить наши мучения – его взгляд вновь выискивает, за что бы зацепиться, желваки ходят ходуном.

Поначалу мне кажется, что он просто пытается успокоиться, но блеск в его глазах подсказывает – Тиллео, скорее всего, сейчас обдумывает наказание для Линэ. Если ей по-

везет, ее укусит что-то ядовитое, и она умрет до того, как Тиллео закончит с нами и займется ею. Хотя с иммунитетом к ядам, который учителя заставили нас выработать за эти годы, это маловероятно. В этой пустыне сейчас не найдется ни одной гадюки, паука или скорпиона, которые могли бы помочь Линэ.

– Час, которого вы все так ждали, близок, – говорит Тиллео. Сцепив руки за спиной, он принимается вышагивать перед нами. – Скоро за вами будут наблюдать лучшие охотники королевства. Они будут изучать вас, пока я буду атаковать вас и испытывать. В течение следующих нескольких дней они решат, достойны ли вы носить имя их Ордена. Я надеюсь, что каждый из вас соответствующе представит меня и Приют. Не каждая партия дикарей достойна того, чтобы их выставили на Торги. Вы же заслужили это, но я вас пока что не отпустил. В ближайшие дни, когда будете пытаться обеспечить себе будущее, которое я для вас сделал возможным, не забывайте об этом. Помните, что поставлено на кон, и не подведите меня. – Теперь его голос больше напоминает рычание, и я еле сдерживаюсь, чтобы не сжать руки в кулаки, чтобы хоть немного снять напряжение, разрывающее мое тело.

Вместо этого я в один голос с другими рабами кричу:

– Я – твой клинок, так повелевай мной!

Тиллео делает глубокий вдох и замедляет шаг, затем отводит руку в сторону, и один из его охранников спешит вло-

жить в его ладонь свиток. Медленно Тиллео разворачивает пергамент, и его хитрый взгляд скользит по написанному.

– Парин и Кабит, вы в Ордене Волков. Сеннет и Тария, Орден Лисиц. Йотта и Таур, вы отправляетесь в Орден Медведей, – Тиллео выкрикивает новые имена, а мой желудок сжимается, пока я жду, когда же он назовет мое имя. – Харш и Осет, вы переходите в Орден Скорпионов. Кин и Зиннон, вы будете служить Ордену Воронов.

Мое сердце замирает, и голос Тиллео звучит теперь словно издалека.

Орден Скорпионов? Неужели? Беспокойство засело в моей груди, отказываясь уходить, когда я пытаюсь от него отмахнуться. Скорпионы не участвуют в Торгах. Рабы дома рассказывают, что они приходят, когда их просят, молча наблюдают, изредка трахают рабынь, пьют и разговаривают в основном со своими собратьями-Скорпионами, а потом уходят. Они никогда и никого не покупают. Охранники говорят, что они чопорные и надменные и смотрят на всех, будто их окружает какая-то чернь.

Тиллео поручил мне прислуживать им во время Торгов – но это отнюдь не похвала с его стороны. Наоборот, это плохо. Теперь мне придется работать еще усерднее, чтобы привлечь внимание других орденов во время наших испытаний. А это значит, что я не смогу оставаться середнячком, как планировала. Мне придется показать все, на что я способна, что, как ни обидно признавать, может поднять мою цену.

Дерьмо.

Внезапно у моего лица появляется чья-то рука, и я загоняю все вбитые в меня инстинкты, чтобы не оттолкнуть ее. Костяшки пальцев врезаются в мою щеку с громким чавканьем, импульс удара отбрасывает меня назад. Годы тренировок – единственное, что удерживает меня на месте, и я не падаю на пол.

Боль вспыхивает в моей щеке, но тело давно научилось не реагировать на нее так, как это происходит у обычных фейри. Мои глаза не слезятся. Мой разум не мечется в смятении. Злость вспыхивает в груди, но не на охранника, Крита, который сейчас стоит передо мной, заглядывая в глаза.

Я злюсь на себя. Я потерялась в своих мыслях и потеряла бдительность, и, что хуже всего, это заметил Тиллео.

Черт возьми.

Я немедленно выпрямляюсь, загоняя пульсирующую боль в щеке поглубже. Я снова сосредоточена, снова настороже. Крит стоит очень близко, его доспехи из дубленой кожи трутся о мою укрытую шелком грудь, он смотрит на меня, и на его лице появляется жестокая ухмылка. Ему нравится ставить меня на место – и в его сверкающих темных глазах я вижу, насколько. Если бы не Тиллео, Крит вонзил бы в меня свой член прямо тут – и даже не потрудился бы отыскать сначала какой-нибудь укромный уголок. И он бы сделал все возможное, чтобы заставить меня кричать – и, увы, не от удовольствия.

Крит нечасто бывает в Приюте, так как он – личный охранник Тиллео. Но мы все знаем, что, когда он здесь, нужно быть очень осторожными и держаться подальше от теней, в которых этот ублюдок любит прятаться.

Крит отходит в сторону, его место занимает Тиллео – он нависает надо мной. Я смотрю на герб из чистого золота, лежащий на груди моего хозяина, и жду, когда он отлучит меня от Торгов или накажет за рассеянность.

Он протягивает руку, и я еле сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть. Однако он просовывает палец под темно-синий шелк на моей шее, скользит вниз по груди, касается соска и опускается еще ниже – я чувствую, как костяшки чужих пальцев касаются моего живота. И останавливается он только тогда, когда касается металлического замочка над моей промежностью.

Я хочу задержать дыхание, но останавливаю себя – заставляю воздух входить и выходить из легких равномерно, ожидая, что он будет делать дальше.

Кажется, вечность проходит, прежде чем Тиллео отрывает руку от моего платья, тянется вниз и расправляет полоску ткани, свисающую между моими бедрами, чтобы я прочувствовала этот унижительный миг. Его ладонь касается моей гладкой кожи, замирает на мгновение, и он, наконец, отстраняется.

Мне требуется все самообладание, чтобы не отреагировать на его нежелательное прикосновение. Я хочу отпрянуть,

но знаю, к чему это может привести. Некоторые любят боль больше, чем удовольствие. Кроме того, я уже знаю, что Тиллео нравится испытывать меня подобным образом. Это игра, которая приносит ему большое удовольствие, – особенно, учитывая мое поведение здесь.

Когда начались уроки соблазнения, я отказалась их посещать. Мастер Лайра набросилась на меня тогда и наказала так, что я думала, умру. Но, к моему удивлению, в дело вмешался Тиллео и позволил мне оставить эту часть нашего обучения. Мне было разрешено не учиться соблазнять, завлекать и терпеть прикосновения. Я думала, Тиллео не хотел тратить впустую то, что он уже вложил в меня. Я была готова скорее умереть, чем подчиниться. Но позже я узнала, что он задумал на самом деле.

Непрощенные воспоминания рвутся из клетки и пытаются наброситься на меня, но я умудряюсь запихнуть тревогу, подползающую к горлу, подальше. Я могу это вытерпеть, говорю я себе – до тех пор, пока Тиллео не захочет большего. Если он желает просто коснуться меня, я могу это пережить. И прошлое не утянет меня на дно, если он на этом остановится. Но если он попытается надавить, предупреждает мой разум, я знаю, что совершу какую-то глупость. Прямо как Линэ – и то, что Тиллео приготовил для нее – детская забава, по сравнению с тем, что он сделает со мной, если я попытаюсь применить навыки, которыми он меня обучил, против него.

Я дышу ровно и размеренно, внешне не показывая, что за буря мечется внутри меня. Кажется, в комнате становится жарче, все кругом ждут, что же будет дальше.

– Не знаю, где ты витаешь, Осет, но все остальные тут, со мной, – укоряет Тиллео, ущипнув меня за подбородок.

Он поворачивает мое лицо, рассматривает розовую кожу и припухлость от удара на щеке и у глазницы. Крит видит след своего кулака на моем лице и улыбается шире. Тиллео не может пропустить подобной реакции и пристально смотрит на охранника. А затем вновь вперяет жесткий взгляд в меня и угрожающе произносит:

– Хочешь, чтобы вместо умения владеть клинком мы выставили на Торги твои дырки?

Я ничего не говорю, зная, что он все еще играет со мной, как сучающий кот с мышью.

– Говори, – приказывает он, и я знаю, что сейчас он делает то же, что проделывал много раз с другими рабами.

– Нет, хозяин. – Мой голос звучит ровно, но сердце колотится в груди так сильно, что я боюсь, что он это почувствует.

– Может, мне сделать тебя домашней шлюхой, определить тебя в казармы, где ты можешь мечтать, сколько душе угодно, пока мои воины пользуют твою тугую дырочку и ломают твоё крепкое тело?

– Нет, хозяин, – повторяю я, хотя мой желудок сжимается от его угроз.

Он наклоняется ближе, его губы касаются мочки моего

уха, и я подавляю предательскую дрожь, что готова устремиться вверх по позвоночнику и прикончить меня.

– Я возлагаю на тебя большие надежды, рабыня, – шепчет он так, чтобы только я слышала его слова. – Я позволил тебе здесь задержаться. Я дал тебе свободу в обучении в благодарность за то, что ты расчистила мне путь и избавила от Дорсина, но на этом моя щедрость заканчивается. Ты меня понимаешь?

Я проглатываю свое несогласие. Тиллео может говорить, что хочет мне добра или каким-то странным образом возвращает долг, но это не так.

Я знаю этого монстра слишком хорошо. Ему что-то нужно от меня, и он хочет, чтобы я чувствовала себя обязанной, благодарной, чтобы я сама захотела дать ему все, чего он пожелает.

– Я – твой клинок, так повелевай мной, – покорно шепчу я, а в голове прокручиваю все, что он может от меня потребовать.

– Хорошая девочка, – мурлычет он, его глаза цвета какао горят жадностью, а рука скользит по обнаженной коже моих бедер. – В ближайшие пару дней кое-кто из другого Ордена потребует позволить поиграть с тобой. У него нюх на редких красавиц, которых еще не успели испортить. Он останется с тобой наедине, и, когда это случится, ты должна будешь убить его. Ясно?

От его слов я напрягаюсь, не в силах скрыть потрясение.

– Да, хозяин. Я – твой клинок, так повелевай мной, – я говорю это скорее по привычке, потому что каждая клеточка моего тела против того, что мне только что приказали сделать.

У меня нет проблем с убийством, нет, но Торги – это особые дни, они святы. Это значит, что члены Орденов не должны убивать или угрожать друг другу. Никакой охоты. Никаких хитростей. Никто не будет терпеть даже маленькую интригу, что нарушит правила и поставит под угрозу безопасность членов Орденов. Покуситься на священные Торги – значит, подписать себе смертный приговор. Нарушителя из Ордена ждет скорая расправа и легкая смерть. А вот раба клинка, вроде меня... меня будут медленно рвать на части за то, что нарушила священные правила. В конце концов, я просто выполняла приказ Тиллео, но моя смерть все равно будет кошмарной – до самого последнего вздоха.

Я хочу закричать, но не могу. Я готова умолять Тиллео отменить приказ, но знаю, что это бесполезно. Так же, как с Энси, Киридом и Линэ: моя жизнь закончилась, когда он прошептал всего пару слов. Тиллео приказывает мне убить члена Ордена за то, что тот прикоснется ко мне, рабу клинка. Он уже продумал мою казнь в мельчайших деталях, и по выражению его лица, когда он выпрямился передо мной, я поняла: Тиллео не намерен избавить меня от кошмара, на который сам меня и обрек. Он ни за что не признает, что это он заказал убийство члена Ордена. Нет – он скажет, что я

сумасшедшая, и оставит меня умирать и страдать ради него. Тиллео – мой жестокий хозяин, что подписал мне смертный приговор в ту секунду, как только увидел меня.

– Сходи к лекарю, пока синяк не потемнел, – нетерпеливо машет он рукой, указывая на мое лицо.

Словно дрессированный зверек, я сразу же подчиняюсь и обхожу Тиллео, едва не сталкиваюсь с Критом, уверенно выхожу из столовой и направляюсь в сторону того крыла, где работают целители.

Мое сердце колотится, а мысли скачут. Гнев распускается в моей груди, словно ядовитый цветок, а адреналин растекается по венам. Было время, когда подобные чувства заставляли меня чувствовать себя сильнее, но теперь я понимаю, что это не так.

Что хорошего в гневе? Находила ли я настоящую силу в своей ярости? Я хочу восстать, хочу сопротивляться, но в этом месте борьба невозможна – и победить здесь нельзя. Я всегда хотела только свободы, но она никогда не была и не будет моей. Сегодня я увидела это в лице Тиллео. Этот ублюдок никогда не позволит мне покинуть это место. Все это время я была чертовой идиоткой и теперь должна расплатиться за свою наивность.

Я двигаюсь на автомате, иду вниз по лабиринту арочных коридоров, что окружают большие тренировочные ямы в центре Приюта. Мои ноги двигаются сами по себе, в то время как остальная часть меня пытается смириться с немину-

емой гибелью и с тем, что вся моя жизнь вплоть до этой секунды была глупой шуткой.

Я думала, что вырвусь из Приюта. Я бы выплатила долг Ордену, купившему меня, думала, что однажды обрету жизнь и дом, что будут принадлежать только мне. Как глупо. Я надеялась и мечтала, хотя прекрасно знала, к чему это приведет.

Я могла бы попытаться сбежать, но я видела слишком много трупов рабов, утыканных стрелами охраны всего в паре метрах от дверей Приюта. Они умирали у ворот, ведущих из крепости Тиллео к жуткой, смертоносной пустыне.

Если я не могу сбежать и не могу не выполнить приказ об убийстве, то что мне остается?

Смерть.

Все ведет к смерти.

Вопрос только в том, от чьих рук. От моих собственных? От рук Тиллео? Охранников? Членов Ордена?

Я знала, что Мрачный жнец рано или поздно настигнет меня – но умереть сейчас... еще слишком рано!

Когда я наконец прохожу под аркой, ведущей к лекарям, полностью оцепенею, а внутри разливается пустота. Передо мной неизбежность, что уничтожит мое будущее, и с моих губ срывается беспомощный вздох – словно порыв ветерка в самый жаркий день в пустыне.

Я ожидаю, пока целитель обратит на меня внимание и исправит то, что Крит сделал с моим лицом, и в душе моей по-

селяется пугающая уверенность:

Через несколько дней я умру.

Я сжимаю и разжимаю кулаки всего лишь раз, заставляя тело расслабиться. Я ничего не смогу изменить, мне не победить Тиллео. Я никогда не узнаю, какова свобода на вкус, не узнаю, кем я была до того, как меня заставили стать дикаркой. Все годы тренировок. Все, что я делала, чтобы выжить – все было лишь затем, чтобы умереть на этом проклятом песке, у пропитанных кровью высоких стен, что держали меня в клетке столько, сколько я себя помню.

Я говорю себе, что лучше умереть, чем оказаться среди тех, кто торгует телом, но это не помогает забыть о горькой реальности. Я выросла в этой яме отчаяния, и теперь, несмотря на все мои усилия, я здесь и умру, так и не узнав другой жизни.

Надежда – это смертоносная гадюка, и ее яд наконец достиг своей цели.

От воя огромных костяных рогов на входе в крепость и в залах Приюта кровь стынет в жилах. Он раздается так внезапно, что лекарь, врачевавший мою щеку, подскакивает.

Я борюсь с импульсивным желанием тут же сорваться с места и поучаствовать в происходящем – как и должна была – но целитель еще не закончил сращивать ткани на моем разбитом лице.

Через несколько секунд раздается очередной трубный вой: значит, главные ворота открыли и гости наконец-то прибыли на Торги.

– Не двигайся, зверек. Я почти закончил, и тогда ты сможешь посмотреть, как процессия проезжает через ворота, – укоряет меня целитель.

Будто я ободранная *крия*, которой не терпится выскочить из люльки и посмотреть на это грандиозное событие.

К черту Ордены. К черту это место.

– Если вы не поторопитесь, я опоздаю на свой пост. И тогда я вновь вернусь к вам, но лечением одной щеки дело не ограничится, – ворчу я на тощего старика, но беспокойство все равно хватает мое сердце в охапку и уносится с ним прочь.

Пока я жду, когда лекарь наконец закончит свою работу, я перебираю в голове самые лучшие способы умереть. И от

этого я чувствую себя свободнее и веду себя более дерзко, чем когда-либо осмеливалась раньше. К счастью, лекаря, похоже, больше беспокоит моя травма, чем мой язвительный ответ.

Он досадливо вздыхает на то, что я его тороплю, но также понимает, что я не вру. Поэтому его магия начинает литься в меня с утроенной силой, и я пытаюсь отмахнуться от жжения в деснах, когда сила проникает в ткани. Все это время я заставляла себя сохранять спокойствие, но мое эмоциональное состояние и такой мощный прилив магии сводят мои усилия на нет – сложно противиться желанию наконец отреагировать на боль так, как я действительно хочу.

– Ну вот и все, мой маленький зверек совсем как новенький! – объявляет лекарь и тепло похлопывает меня по плечу, демонстрируя добродушную желтозубую улыбку.

Если бы только за этим жестом стояла настоящая доброта.

Я коротко киваю ему, не позволяя себе поверить в это лживое сострадание, и спешу прочь из крыла лекарей, мчусь через весь Приют к главным воротам. Волосы цвета лунного света и темно-синяя ткань летят за мной, я мчусь по жуткой жаре к тому месту, где я должна стоять, чтобы приветствовать прибывающих гостей.

Солнце начинает опускаться – когда сумерки начнут чувственный танец с ночью, это принесет хотя бы небольшое облегчение. Я прохожу через центральный вход в Приют, направляясь к открытым главным воротам. Они врезаны в ги-

гантские стены, окружающие обширные владения Тиллео.

Рабы клинка дважды в день пересекают пески, лежащие между Приютом и крепостными стенами. И, когда я нацелилась уже бежать к главным воротам – обычно я обхожу Приют по кругу, – меня вдруг охватило удивительное, радостное возбуждение.

Может быть, если я правильно рассчитаю время, то смогу скрыться в тени и проскользнуть через открытые ворота?

Но я тут же фыркаю, поражаясь нелепости этой мысли. Лучше найти быструю смерть на конце клинка, чем медленно поджариваться на песке – а это ждет всякого, кто отважится пересечь Корозеанскую пустыню пешком. И даже если бы Тиллео не приказал немедленно выследить меня и вернуть в Приют прежде, чем жар убьет меня, – все пустое. Ему не понадобилось бы много времени, чтобы понять, что меня нет, – не в такую ночь, как сегодня. Сегодня все охранники настороже и зорко следят за подопечными Тиллео.

Я быстро приближаюсь к собирающейся у ворот толпе. У меня в голове мелькала мысль о том, чтобы отказаться выполнить приказ Тиллео, но я все же пытаюсь найти выход из сложившейся ситуации. И единственный способ найти его – продолжать подыгрывать Тиллео, пока не разберусь, что делать дальше.

Заметив других рабов клинка, затесавшихся среди рабов дома и охранников, я тут же направляюсь к ним.

Я никогда не видела, чтобы главные ворота были распах-

нуты настежь – не за пределами Приюта уж точно. Все глаза выглядывают караваны, а я пробираюсь сквозь плотную толпу. Наконец, я останавливаюсь и смотрю на пейзаж за воротами.

Мне кажется, что передо мной оазис, а я умираю от жажды. Я вижу темнеющие небеса, пустынные холмы и дрожь горячего воздуха над землей – далеко, насколько хватает глаз. Вдалеке начинают медленно появляться силуэты песчаных оленей. Эти могучие животные наверняка тянут за собой широкие повозки с членами различных Орденов, и я спешу занять место в рядах своих собратьев-дикарей.

Тиллео приказал нам встать по обе стороны от дороги, по которой пройдет процессия. Я замечаю брешь между Кин и Орит и спешу втиснуться в нее. Кин кивает мне, а затем поворачивается, чтобы посмотреть, как ее будущее медленно приближается к широко распахнутым воротам. Я быстро расправляю полосы ткани, убеждаюсь, что все прикрыто, а платье на своем месте. Поправляю металлический пояс на бедрах, выравнивая гербы Тиллео над промежностью и задом. Приятный ветерок подхватывает пряди моих волос и зовет их присоединиться к его танцу. Но я спешу пригласить их и замираю, боясь, что кто-то заметит, что я двигаюсь.

Костяные рога снова ревут, глубокий звук отдается в моем теле. Первая группа песчаных оленей лениво проходит через ворота. Я восхищаюсь тем, как грациозно двигаются эти звери по плотному горячему песку. Я уже видела ста-

до, которым владеет Тиллео, но только издали. Из их голов торчат массивные рога, но на них растут странные, широкие и плоские отростки. Я рассматриваю их внимательнее и замечаю, что эти отростки отбрасывают тень перед животными. Их белая шерсть жесткая и короткая, и золотистый песок сыплется с нее крошечными водопадами при каждом шаге зверей. Они вдвое больше самых крупных фейри, которых я когда-либо видела. Они без труда тянут за собой большие повозки, и в их походке чувствуется величественная грация.

Первый песчаный олень издает глубокий и довольно пугающий звук, и я практически слышу в нем констатацию того, что он наконец дома и голоден. Олени, идущие за ним, режут в ответ, и я думаю о том, каково это – работать вместе, сообщая, как они?

Тиллео стоит у входа в свой огромный замок посреди пустыни, его окружает бесчисленное количество охраны и рабов дома. За его спиной возвышаются квадратные наверх стены из песчаника, и создается впечатление, будто поместье буквально выросло из песка – и только потому, что Тиллео повелел. Во множестве башен вырезаны ряды маленьких прямоугольных окошек – кажется, что они собрались тут случайно и образовали единое целое. Я уверена, что некоторые рабы дома сейчас украдкой выглядывают из них, чтобы увидеть хоть одним глазком, что творится внизу.

Проницательный взгляд Тиллео ничего не упускает, скользя от башен к нам и обратно. Первая из повозок оста-

наваливается перед ним. Рабы спешат открыть двери, и из них выходят четыре потрясающих женщины-фейри, усыпанных драгоценностями, их платья так причудливы, что я таких и вовек бы не придумала.

Они приветствуют Тиллео как старые друзья – тот целует им руки и лукаво улыбается. Тария и Сеннет придвигаются к ним ближе, ожидая, когда на них обратят внимание – значит, эти женщины из Ордена Лисиц, которым Тарии и Сеннет поручено прислуживать, пока идут Торги.

Снизу по горлу ползет паника: я понимаю, что не представляю, как выглядят члены Ордена Скорпионов.

Я смотрю на Харша и надеюсь, что Тиллео рассказал ему, как узнать наш Орден, пока я была у лекаря и рушилось мое будущее. Учителя объясняли, что на время Торгов члены Орденов будут носить чары – так они смогут скрыть свое лицо от других участников Торгов. Чары могут изображать чужое лицо или животное – талисман Ордена. Однако я все равно не представляю, легко ли будет определить, кто есть кто и из какого он Ордена.

Рабы дома забирают из повозки сундуки и чемоданы, перед Тиллео тут же останавливается следующая повозка, а членов Ордена Лисиц провожают в огромное поместье.

Из дверей следующей повозки выходят шесть огромных мужчин. На них поверх туник надеты жилеты, сзади к ним пришиты изображения головы медведя, разинувшей пасть в оскале. Значит, это представители Ордена Медведей – Орит

тут же вздрагивает у меня за спиной, и я вспоминаю, как один из учителей предупреждал нас о жестоком характере членов этого ордена.

К «медведям» подходят два раба клинка – Йотта и Таур, и до меня доходит: Тиллео не отправил девушек прислуживать этому Ордену. Это только укрепило меня во мнении: то, что говорят о «медведях» и об их отношении к слабому полу – правда.

Из следующей повозки выходят три крупных фейри – наполовину люди, наполовину волки. При виде них у меня невольно раскрывается рот, но я быстро прихожу в себя. Они стоят на двух ногах, на них замшевые брюки – но выше их тела покрыты густым, жестким мехом, а шеи их венчают волчьи головы.

В такой жаре им не позавидуешь – и к «волкам» тут же подскакивают рабы дома с опахалами. Фейри с волчьими головами приветствуют Тиллео так же весело, как и члены других Орденов.

Подъезжает еще больше повозок, а я внимательно слежу за Харшем, чтобы не пропустить прибытие нашего Ордена. Осталось еще две повозки, и песчаные олени нетерпеливо бьют копытами, ожидая, когда же их избавят от груза.

Я наблюдаю за занавешенными окнами предпоследней повозки, гадая, кто же там внутри. Но ткань, закрывающая окна, неподвижна, никто за ней не проявляет любопытства, не пытается отодвинуть ее и выглянуть наружу.

Очередной порыв ветерка влетает сквозь распахнутые ворота и холодит мою вспотевшую шею. Пот течет по загривку, я хочу вытереть его, но на мне нет ничего, кроме пары полос шелковой ткани.

Я представляю, как Фигг наблюдает за мной из башни и делает себе пометку – выпороть меня за то, что я посмела осквернить это нелепое платье своим мерзким потом. Я про себя молю ветер дуть посильнее – мне нужна хотя бы небольшая передышка от этой невыносимой жары, и вдруг вижу, что Харш направился к остановившейся повозке.

От волнения у меня защемило в груди, но я успела подстроиться и зашагала в ногу с Харшем. Дверь сбоку повозки открывается, и я, не отрываясь, смотрю в проем, готовая встретить членов Ордена, которым нам с Харшем поручено служить.

И тут мои ноги – и сердце – замерли. Из повозки изящно выступили три фигуры, и Тиллео им поклонился. Я вижу, как в его глазах цвета какао промелькнуло нечто похожее на страх. Еще бы – перед ним остановились три скелета.

Проклятые убудки.

На мужчинах костюмы цвета оникса – слишком роскошные для такой глуши. Все трое стоят неподвижно, только головы слегка поворачиваются, пока черные впадины глаз сканируют пространство вокруг.

Неожиданно понимаю: я остановилась как вкопанная и пялюсь на гостей. Тут же все выработанные инстинкты, обес-

печивавшие мое выживание, просыпаются, мозг словно перезагружается, и ноги приходят в движение. В несколько шагов я догоняю Харша и становлюсь рядом, ожидая, когда к нам обратятся.

Меня охватывает страх, я шокирована, стук сердца отдается в ушах грохотом боевых барабанов, а я смотрю, как три скелета обмениваются с Тиллео высокопарными приветствиями.

За все время, что я провела в Приюте, готовясь к Торгам, мне никогда не приходило в голову, что мужчины, перерезавшие Дорсину горло и похитившие что-то из сейфа в его комнате, были членами Ордена. Я чувствую себя полной идиоткой, потому что никогда не связывала Орден с теми событиями. Почему я была уверена, что никогда больше не увижу их? Я даже не знаю, те ли трое, что появились из ниоткуда той ночью, сейчас стоят передо мной, но вновь ощущаю страх.

Когда я впервые попала в это кошмарное место под названием Приют, меня постоянно преследовали воспоминания о Дорсине и о пробуждении в клетке. И я полагала, что мне до конца жизни придется бороться с этими кошмарами – но нет, их из моей памяти вытеснили новые.

Довольно скоро я перестала ломать голову над тем, как я тут оказалась. Какой в этом смысл? Попытки понять это лишь дразнили меня и вызывали только новые вопросы, на которые я не находила ответа. Все это никак не меняло мо-

его положения в Приюте – я стала рабом клинка. Сбежать отсюда было невозможно, так что мне пришлось сосредоточиться на том, чтобы просто выжить в окружении учителей, других дикарей и Тиллео.

Тиллео подзывает меня и Харша, и один из скелетов устремляет свой черный взгляд на меня. И тут же я чувствую сильный запах крови орков, смешанный с запахом крови Дорсина. Я чувствую, как сапоги бьют меня по ребрам и бедрам, как Дорсин выбивает остатки воздуха и надежды из моего хрупкого тела. Призрачный язык орка скользит по моему бедру... но мы с Харшем подходим ближе. Усилием я отбрасываю эти воспоминания подальше, стараясь сосредоточиться на том, что происходит вокруг меня – Тиллео не должен ничего заметить, и плевать, насколько я напугана и шокирована.

К счастью, мои ноги продолжают двигаться, когда меня настигает ужасная догадка: а знает ли Тиллео? Знает ли он об охоте, которую Орден Скорпионов устроил на его босса? Это он заказал убийство Дорсина?

Я быстро оглядываю Тиллео, пока он не смотрит, и вдруг начинаю сомневаться во всей своей приютской жизни.

Нет. Мы с Харшем останавливаемся рядом с Тиллео, словно безмолвные призраки, какими нас и учили быть, и о нас снова скоро забывают. Но зачем Тиллео привел меня сюда, если знал, кто на самом деле убил его хозяина? Дорсин должен был кому-то меня продать, и если бы Тиллео знал,

что он задумал, то просто продолжил бы начатое, прежде чем тому безжалостно перерезали горло. Не думаю, что Тиллео тогда знал, кто я. И потому я задумываюсь: а знает ли он правду сейчас?

Может, именно поэтому он поручил мне убить одного из членов Ордена на этих Торгах? Это расплата за то, что я, пусть и неосознанно, но хранила тайну Ордена Скорпионов?

Я стою и молча наблюдаю за тремя фейри в их магическом облачении. Они снова обмениваются любезностями с моим хозяином, и я прикидываю, за убийство кого из них мне придется умереть? Кому я перережу горло и нарушу священное правило Торгов? Тиллео наверняка жаждет отомстить. Убить двух зайцев одним выстрелом – он такое любит.

– Следуйте за моими людьми, они проводят вас в шатер и приготовят ванны, вам стоит немного освежиться. У вас будет время передохнуть до начала сегодняшних торжеств. – Голос Тиллео весел, и я стараюсь не сжимать кулаки от его дружелюбной, непринужденной болтовни.

Да что со мной такое?

Я хочу вернуть себе обычный контроль и здравомыслие. Обычно я не спотыкаюсь на ровном месте, мои мысли не блуждают и меня не ловят на том, что я витаю в облаках. Хочется потряхнуть головой, заставить мысли прекратить бешеную скачку, вновь стать тем твердым и расчетливым рабом клинка, коим я и являюсь, но я не могу. Похоже, даже я не застрахована от тревог и смятения, которые мучают всех во

время Торгов. И я не могу убежать от призраков своего прошлого, которых, как я считала, уже давно похоронила.

Скелеты кивают и на время прощаются с Тиллео. Я пытаюсь свернуть панику и растерянность в тугой клубок и запихнуть его поглубже в свое сознание.

Торги начались. И теперь меня окружают лучшие наемные убийцы, одного из которых я должна убить. Сейчас не время теряться в вопросах и распутывать неразрешимые загадки. Сейчас самое время доказать, что я не та испуганная маленькая девочка, которую нашли прикованной в углу, окруженной ужасом и смертью. Настало время показать им монстра, которого они создали.

– Я отдаю вам своих лучших рабов, – Тиллео указывает на нас с Харшем – мы стоим так же неподвижно, как поместье у нас за спиной. – Не стесняйтесь использовать их, как пожелаете, – бесстрастно продолжает он, и члены Ордена Скорпионов оборачиваются, чтобы нас рассмотреть.

Я дышу, но меня душит паника, волнами накатывающаяся на меня, и я вновь задаюсь тем же вопросом: те ли это фейри? Узнают ли они меня? А я их узнаю?

Я пытаюсь взглянуть глубже, разглядеть настоящие лица, заглянуть под чары, что раскрасили их тела в черно-белый. Но мне трудно сфокусироваться. Их взгляды скользят по моему телу, и кажется, будто их руки ласкают мою кожу. На Харше черные глаза скелетов даже не остановились – троица отвернулась и последовала за рабами дома к шатру.

Рабы несут их сундуки с вещами высоко над головой, мы идем прочь от Тиллео и поместья. Я смотрю на спины членов Ордена Скорпионов: ощущение такое, что они не просто идут, а прокладывают путь через пески. Харш и я идем по их следам, словно вода по руслу реки. От этой троицы веет силой, она шлейфом тянется за ними, развеваясь, словно плащ на пустынном ветру. Они темные, опасные, но по какой-то причине кажутся мне невероятно притягательными.

Может быть, какая-то часть меня все еще надеется получить ответы о той ночи, но даже если эти трое – те самые убийцы Дорсина, они ничего не узнают. Они не захотели помочь мне тогда, и я сомневаюсь, что сейчас что-то изменилось.

Харш смотрит на меня, словно проверяя, чувствую ли я яд в них, но я сохраняю привычную маску раба клинка и игнорирую его испытующий взгляд. Внутренне я посмеиваюсь над собой за то, что отгораживаюсь от Харша. Мы не совсем дружны, но мы и не враги с ним. Просто обычно я слишком серьезна и осторожна, хотя на самом деле сейчас мне нет нужды выстраивать вокруг себя дополнительные стены. Я умру раньше, чем выберусь из Приюта; может, пришло время немного отпустить контроль и пожить для себя до того, как за мной придет смерть?

Наконец, мы подходим к огромному шатру кремового цвета – его установили в западной части крепости. На южной стороне стоит точно такое же сооружение, но я не пыта-

юсь разглядеть, кто к нему направляется – занавес в наш шатер распахивают два охранника, словно только и ждали этого момента. Рабы дома минуют укрытый шкурами вход, спеша поставить сундуки и пристроить все вещи, что члены Ордена Скорпионов привезли с собой. Последние входят в шатер, и сразу видно – они – почетные гости. Плотные створки смыкаются за мной и Харшем.

Мы становимся по обе стороны от входа, и я пытаюсь подавить вздох восхищения: убранство шатра роскошно. Внутри просторно, высокие лампы излучают мерцающий волшебный свет, на пушистых коврах всевозможных цветов вышиты причудливые узоры. Они устилают весь пол, словно для скелетов ступить на что-то, кроме мягких ковров, – это большой грех. У задней стенки шатра стоят три кровати – подорожая, матрасы, что лежат на них, набиты самыми пушистыми перьями и соломой. Да и одеяла для скелетов выбрали самые мягкие – они во множестве набросаны на кровати, а на них лежит куча подушек. Меня удивляет, что ко всему этому Тиллео не добавил еще и рабынь плоти – или двух. Их тела, маняще раскинувшиеся на кроватях, гости встретили бы с воодушевлением.

Температура внутри шатра просто идеальна. Приходится подавить стон наслаждения, стоит мне вдохнуть этот прохладный, свежий воздух. Вентиляторов не видно, и я могу только догадываться, каким образом внутри шатра поддерживают комфортную температуру.

Мы с Харшем по-прежнему молча ожидаем приказа. Рабы расставляют сундуки в изножиях кроватей, одна рабыня отправляется греть воду в трех золоченых ваннах справа от меня. Должно быть, она – проводник, и меня так и подмывает спросить ее, как работает ее магия, а она молча переходит от одной ванны к другой. Я тоже молчу, но странное желание взбунтоваться и сделать наконец то, чего я хочу, посылает волны тепла под кожей.

Я никогда не подкармливала злобного зверя внутри себя – никогда не позволяла ярости и разочарованию высоко поднять свои головы. И если бы кто-то посмел открыто бросить Тиллео или учителям вызов, эту дурь из него бы выбили. Я годы потратила на то, чтобы давить в себе все опасные желания, но теперь я не думаю, что это необходимо. Какой смысл продолжать молчать и прокручивать в памяти каждый свой поступок, пока не затошнит? Я потратила бесконечное количество времени, вычисляя, кто может точить на меня зуб, избить, что привлечет ко мне излишнее внимание – или, наоборот, мало. Какой смысл во всем этом теперь?

Я оглядываюсь вокруг: безумная роскошь режет глаза. У Тиллео все это есть – и было всегда, а я прожила всю жизнь в голоде, в жестокости, спала на каменном полу.

Я смотрю на скелеты: они тоже осматривают покои, и я задаюсь вопросом: почему они заслуживают всего этого, а я – нет? Разве они не наемные убийцы, как и я? Были ли они рабами клинка, или же жажда убийства провела их сюда по

иному пути?

– Вы свободны, – приказывает один из скелетов, и я отвлекаюсь от своих мыслей, перестаю пристально смотреть перед собой. Рабы дома кланяются и быстро проскальзывают между мной и Харшем, устремляясь прочь. – И охрану с собой захватите! – кричит он им вслед, и я думаю: а может, мы с Харшем тоже должны уйти? Но Харш не шевелится, и я тоже остаюсь на месте.

– Я так вымотался. Сколько мне сидеть в этой палатке, пока я наконец смогу найти какую-нибудь жаждущую мокрую девку, а потом завалиться спать? – Один из скелетов опускается в кресло из черного клена ручной работы.

В шатре есть еще три настоящих произведения искусства, созданных исключительно для того, чтобы эти мужчины смогли усадить в них свои холеные задницы. Великолепные блестящие стулья окружают массивный стол из ценных пород дерева. Если его продать, Приют смог бы жить на эти деньги около года... или даже пяти лет?

Меня ошеломляет осознание: я знаю, из чего сделаны стол и стулья, не говоря уже о том, что они чрезвычайно редкие и дорогие. Я никогда не видела ничего подобного, пока была рабом клинка. Значит, это знание – откуда-то из моей прошлой жизни, пусть и давно забытой.

Другой скелет фыркает и проверяет температуру воды в одной из ванн.

– Ты храпел почти всю дорогу до этой забытой королями

лачуги. Тебе грех жаловаться, Ри... – Черные глаза скелета настороженно смотрят на меня и Харша. – Кость, – быстро исправляется он.

Кость тоже смотрит на нас с Харшем, и уголок его рта приподнимается в улыбке.

– У меня растущий организм, Череп, – хнычет он, намеренно выделяя имя товарища – явно вымышленное.

– Взрослые мальчишки не играют с красивыми шлюшками – они ложатся в постель пораньше и дрочат столько, пока простыни под ними колом не станут, – замечает третий скелет, снимая свой костюм и расстегивая черные кожаные доспехи.

Череп и Кость хихикают над его шуткой, и я слышу, как Харш тихонько, весело фыркнул.

– Ох, Скорпиус, ты – хромая кобыла в нашей тройке, – Кость поднимается с края кровати, на которой он успел расположиться, и принимается снимать с себя костюм и доспехи.

Он снимает наручи, затем развязывает и стягивает ремешки и прикрепленные к ним наплечники, методично расстегивает ремни, скрепляющие черный нагрудник из многих слоев кожи, затем снимает и его.

Меня увлекают его уверенные и быстрые движения. Я думала, что без слуги он не справится, но его движения ловкие и отработанные – значит, обычно он ухаживает за доспехами сам. Может, Орден Скорпионов не такой уж и ханжеский, –

и его члены не окружены толпой слуг, призванных сделать их жизнь удобной и приятной.

Кость вспотел под слоями доспехов – он стягивает с себя выкрашенную углем тунику и вздыхает с облегчением, а я не успеваю отвести взгляд. Под чарами я вижу его кожу, но ее укрывает тень – и она лишь подчеркивает образ белых костей там, где располагаются настоящие его кости. Я разглядываю контур мышц у него на животе, с жадностью, которой вообще-то не должна испытывать, прослеживаю линии его крепкого торса.

Нет. Эти трое не похожи на тех фейри, которых я видела той ночью.

В Кости нет мягкости и самодовольства, он жесткий, похож на заточенный кинжал, обтянутый гладкой кожей. Чары пытаются запутать меня, заставить видеть нечто иное, но даже несмотря на нарисованные кости и черные пятна, я вижу, какой он подтянутый, как мышцы оплетают его крепкое тело.

Я поднимаю глаза, разглядываю рельефные грудные мышцы и вижу маленькие темные соски – их вид почему-то вызывает у меня желание улыбнуться. У скелетов нет сосков; этим троим нужно поработать над своей маскировкой.

Вдруг я замечаю, что грудь Кости ходит ходуном. Я поднимаю голову и вижу, что его черные глаза смотрят прямо на меня. В их ониксовой глубине я вижу отблеск веселья и поспешно отворачиваюсь – и вижу, что остальные скелеты

тоже смотрят на меня.

– Как тебя зовут, *крия*? – спрашивает Скорпиус, и снисхождение в его голосе вызывает у меня лишь раздражение.

Криш – это детеныши домашних животных, которых фейри используют в самых разнообразных целях. Мы стрижем их шерсть и используем ее для изготовления различных тканей и вещей. Их мясо – основной продукт в рационе большинства фейри – но не рабов клинка, конечно, а их кости такие крепкие, что их используют для изготовления оружия и инструментов. Крией может ласково назвать мать своего ребенка, но прозвучавшее из уст скелета это имя заставляет меня чувствовать себя маленькой и бесполезной.

– Раба, – отвечаю я, на мгновение удивляясь наглости, что себе позволила.

Черные глаза Скорпиуса слегка сужаются, и я задерживаю дыхание, ожидая, что он разозлится и накажет меня за дерзость.

Как и в случае с лекарем, похоже, нахальство во мне и запретные желания подняли голову, а замок, на котором я должна держать рот, открылся.

Я пытаюсь успокоиться, переживая шок, а разум мой кричит о том, насколько глупо говорить с членом Ордена. Скелет так смотрит на меня, что смерть, обещанная Тиллео, теперь видится мне совсем неминуемой. Но по какой-то причине я не трясусь в своих шелковых тряпках, хотя буквально вчера так бы и было.

Какая-то часть меня даже рада угрозе, что я вижу в глазах скелета, а другая моя часть предупреждает – это только начало. Взгляд скелета по-прежнему прикован ко мне, но кровь не стынет в моих жилах, пот не катится по лбу, руки не дрожат. Все, о чем я могу думать, это о том, что умереть раньше, может, не так уж и плохо. А еще я прикидываю: скольких из них я успею убить, прежде чем меня прикончат?

Вокруг меня тугим узлом сворачивается беспокойство – но оно не мое, а Харша. Мне же больше любопытно, что за ящик Пандоры я только что открыла, и – что странно – я с нетерпением жду, чтобы увидеть, к чему это приведет.

Скорпиус смотрит на меня так, будто пытается испепелить взглядом. Но тут я понимаю, что сама смотрю на него точно так же. Я понимаю, что должна немедленно перестать, нужно остановиться – кажется, я откусила кусок пирога, который не в состоянии прожевать. Но есть одна проблема – я очень, очень голодна.

Вдруг раздается смех, и Скорпиус хмуро смотрит на Черепа. Тот глядит на нас обоих, с его губ вновь срывается смешок – он помогает разрядить нараставшее напряжение.

– Раба. Такое имя легко запомнить, – замечает он, легкая улыбка сглаживает жуткие черты его лица-маски.

Кость тоже наблюдает за происходящим, в его черных глазах искрится веселье. Скорпиус изучает меня, словно ожидая, что я покраснею от смущения или начну извиняться за столь грубый ответ. Но я ничего не делаю – только беззастенчиво смотрю в его глаза, и он моргает.

– Вымой меня, Раба, – приказывает Скорпиус, в его эбеновом взгляде сквозит вызов.

Такое распоряжение должно, по его мнению, поставить

меня на место. У него низкий голос, его уверенность и власть абсолютны, и все это пробуждает во мне жажду, о которой я даже не подозревала.

Без промедления я отправляюсь к позолоченной ванне, и Скорпиус в пару широких шагов нагоняет меня. Он тянется за спину и одним плавным движением снимает черную тунику, облежавшую и подчеркивавшую линии и изгибы его тела. Затем он бросает ее на пол, как будто этот предмет одежды ничего для него не значит. От подобного пренебрежения кровь вскипает во мне, и я изо всех сил стараюсь не показывать ярость, овладевшую мной.

Я – раб клинка, и мне ежегодно выдают только два комплекта тренировочной одежды, два комплекта нижнего белья и обмотки для груди, один плохонький комплект тренировочных доспехов – и все. Этот мужчина запросто выбросил то, что мне всегда доставалось с таким трудом – и мне хочется вклепить ему пощечину. Хотя... если он хочет, чтобы в позолоченной ванной с подогретой магией водой его мыл раб клинка – так чему я удивляюсь? Эти фейри не так изнежены, как мои учителя, но они явно такие же напыщенные и самодовольные. Снаружи – кремьень, а внутри они слабаки и привереды – и я не испытываю уважения ни к тем, ни к другим.

Скорпиус разводит руки в стороны, делая вид, что не в состоянии расстегнуть собственные брюки, и Кость, заметив уловку товарища по Ордену, усмехается.

Меня ему не запугать, так что придвигаюсь к нему и протягиваю руку к шнуровке на штанах, за которой скрывается его член. Тут я замечаю несколько клинков, что прячутся в тайных карманах его черных брюк, и, вместо того, чтобы развязать шнуровку, тянусь к ним.

И Скорпиус напрягается. Движение это настолько быстрое, что я бы ничего не заметила, не будь я так близко. Я прячу довольную улыбку, которая вот-вот украсит мои губы, и медленно берусь за ножи, обезоруживая его. В моем серебристом взгляде, устремленном в его соболиные глаза, сквозит надменность. Небрежно я собираю клинки в одну руку, двигаюсь ловко и легко, скорее инстинктивно, нахожу все его тайники.

В его черных глазах плещется презрение, но я вижу, что в то же время, он заинтригован. И чтобы убедиться, что этот подлец оценил мое представление, мне достаточно взглянуть на шнуровку его брюк. Но я не собираюсь этого делать – наклоняюсь, чтобы вытащить последние лезвия, спрятанные в районе икр, и замечаю, как его полные губы искажает ухмылка. Я практически вижу все гнусные мысли, что светятся в его глазах. Теперь он все будет делать нарочно – он пытается выбить меня из колеи, ищет слабое место.

На долю секунды я задумываюсь, а не предупредил ли их Тиллео о том, что подобные извращения вызывают у меня отвращение? Да и какая, собственно, разница? То, что этот высокомерный член Ордена сейчас так близко ко мне, меня

не беспокоит. Я не чувствую угрозы – скорее вызов, и я не собираюсь просто так сдаваться. Если этот «скорпион» хочет поиграть, что ж, поиграем. Я тоже могу ужалить.

Внезапно Харш оказывается рядом со мной, он протягивает руки, чтобы забрать оружие Скорпиуса. Я не заметила, как он подошел, может, я была слишком увлечена тем, что пыталась разглядеть настоящее лицо Скорпиуса под чарами, и не слышала, как кто-то приказал Харшу забрать его ножи. Может, Харш просто ловкий и тихий? Но я осторожно отдаю клинки ему, а сама продолжаю изучать чужое лицо под маской скелета.

– Осторожнее, Раба, – усмехается Скорпиус. – Будь на моем месте кто-то другой, то подумал бы, что ты пытаешься запомнить его лицо.

От этих слов я замираю. Помнит ли он меня с той ночи в комнате Дорсина? Знает ли он, что сейчас я действительно пыталась запомнить его лицо, чтобы сравнить его черты и голос с тем выцветшим, пыльным воспоминанием?

Заметив, как я внезапно окаменела, Скорпиус склоняет голову, и я вновь возвращаюсь в реальность, передаю Харшу последние клинки. Наконец я решаю, что просто неправильно все поняла – он не имел в виду мои воспоминания из прошлого. Скорпиус говорил о том, что я могу запомнить его и воспользоваться этим в будущем. То, что я смогу выследить его. Он еще не знает, что я собираюсь убить кого-то из его товарищей, не знает, что ему предстоит обезглавить

меня, так что запомню я его лицо или нет – на самом деле не так уж важно.

– Прошу прощения, хозяин. – Говоря это, я заставляю себя опустить глаза и изо всех сил стараюсь изобразить подобие смирения и раскаяния.

Ни того, ни другого я не чувствую, просто пытаюсь сбить его с толку. Он думает, что раскусил меня, но он ошибается. Я вспоминаю все тренировки и закрываюсь от реальности – я столько лет потратила на то, чтобы научиться контролировать свои эмоции, делать свое лицо непроницаемым. Пришло время использовать свои навыки, даже если они послужат не той цели, о которой я думала. Все стены, что я возвела вокруг себя, и маски, что я носила, не обеспечивали мне защиту – то была всего лишь иллюзия. И они никогда не приведут меня к свободе. Правда больно жалит, но, по мере того, как я отбрасываю сдержанность и открываю замки, под которыми так долго держала свои душу и мысли, я не чувствую себя обреченной – скорее освобожденной, и это, признаться, довольно неожиданно.

– М-м-м, «хозяин» звучит вполне неплохо, – мурлычет Скорпиус.

Но я поднимаю на него невозмутимый взгляд, гляжу в упор мгновение, прежде чем потянуться к шнуровке на брюках. Одну за другой я развязываю петли, будто мне нет до всего этого никакого дела.

Череп и Кость хихикают над репликой их товарища, но

я не обращаю на них внимания, стаскивая кожаные брюки с мощных бедер Скорпиуса. Я игнорирую и крупный член, что вырывается на свободу и теперь покачивается слишком близко от моего лица. Я наклоняюсь, чтобы стянуть штаны с икр и ступней мужчины, замечая, что чары укрывают все его тело.

Я стараюсь не смотреть на пропитанную чернилами кожу толстого члена или на темный мешочек, висящий прямо под ним. Даже волосы, покрывающие основание его пениса и поднимающиеся к пупку, черны, как вороново крыло.

Я поднимаюсь с земли, чувствую, как превращаюсь в уверенного в себе хищника, и передаю брюки Харшу – он тянет ко мне руки. Скорпиус ступает в ванну с теплой водой, а я подхожу к столику, на котором расставлены различные бутылочки с мылом, маслами и шампунями. Я беру в руки кусок ткани – самой мягкой, что мне когда-либо доводилось трогать – и склянку с выгравированными на ней очертаниями тела. Рабы клинка не должны уметь читать, так что нам обычно показывают картинки, чтобы помочь интерпретировать информацию. Я была удивлена, обнаружив, что я умею читать – и даже на нескольких языках, но это умение стало очередным секретом, который я унесу с собой в могилу.

– Итак, Раба. Поведай мне и моим братьям, почему на Торгах мы должны выбрать именно тебя? – При этих словах я поворачиваюсь к Скорпиусу с тряпицей и мылом.

Он не лег в ванну, как я того ожидала – вместо этого Скор-

пиус остался стоять по колено в воде, его тело выставлено напоказ и ждет, когда я отмою его дочиста.

Я беру золотой кувшин, чтобы ополоснуть его, и тут встречаюсь глазами со Скорпиусом – его черный взгляд хищный.

– Постарайся получше, Раба, – возможно, это твой единственный шанс произвести на нас впечатление, – говорит он мне, и его член дергается, словно расшалившийся за ужином малыш.

Я хочу хорошенько шлепнуть по его достоинству и посмеяться над попытками Скорпиуса запугать меня таким образом. Я тренировалась, мылась и спала рядом с мужчинами – рабами клинка всю свою жизнь. Да, я отказалась учиться трахаться, чтобы лучше убивать, но это не значит, что большой танцующий член может сбить меня с толку и привести в ужас. Очевидно, он понятия не имеет, что происходит под крышей Приюта Тиллео.

Я хватаю за член Скорпиуса у самого основания – словно мы старые знакомые, встретившиеся спустя много лет. Клянусь, я слышу удивленный вздох, что срывается с губ мужчины, прежде чем громкий смех Кости заглушает все звуки.

Я подтягиваю Скорпиуса ближе к краю ванной и только тогда отпускаю его достоинство – мне нужно намочить тряпицу и нанести на нее мыло. Затем я лью теплую воду на тело Скорпиуса из кувшина, а после принимаюсь методично намыливать его. Получается неплохо – будто я всю жизнь учи-

лась намыывать высокомерных фейри, а не убивать их.

Я так и не ответила на грубую, тонко завуалированную издевку в вопросе, что задал мне этот напыщенный мудак. Собиралась, но тут уверенный голос Харша разнесся по шатру:

– Я – лучший из всех рабов клинка, хозяева. Я владею клинками так, словно они – продолжение моих рук, я всегда убиваю точно, мастерски. Я буду служить Ордену Скорпионов с гордостью, принесу славу вам и вашему Ордену. Я один из лучших охотников, которых воспитал Приют, и заслужил это звание благодаря тренировкам и испытаниям, а не стоя на коленях... или лежа на спине.

Намек Харша очевиден, и я тут же устремляю серебряный взгляд на него. Мне нечем ему ответить, я лишь прищуриваюсь в ответ на такой дешевый трюк. Он прав, хвастаясь тем, что он – один из лучших здесь. Только Лето превосходит его в мастерстве и количестве убийств. Чего он не знает, так это того, что, когда я действительно стараюсь, даже Лето со мной не может сравниться. Но это еще один мой секрет. Думаю, для Харша даже лучше, что я не даю себе раскрыться в полную силу.

Я обещаю себе позже разобраться с клеветой и отмахиваюсь от Харша, снова сосредотачиваясь на теле фейри под моими руками. Жалкие его попытки вклинуться в разговор не имели успеха, и в шатре вновь воцаряется тишина. Мне хочется усмехнуться, но я сдерживаюсь: умолять этих троих поддержать тебя на Торгах – пустое сотрясение воздуха. Ес-

ли эти трое – те, что были в комнате Дорсина той ночью, то они – такие же бездушные, как и учителя в Приюте. Но даже если это не те самые «скелеты» из моих кошмаров, они все же члены Ордена Скорпионов. А они никогда не покупали рабов клинка на Торгах и вряд ли сделают это сейчас. Все это – пустая трата времени, а благодаря Тиллео, у меня его и так почти не осталось.

Мылом я рисую круги на коже Скорпиуса, его мышцы под моими пальцами очень твердые. Чары пытаются запутать меня, но мои руки читают его настоящую историю – Скорпионы могут быть по-настоящему смертоносными, если того захотят. Они играют со мной и Харшем, но, как и их тезка, они могут ужалить в любой момент, и я не сомневаюсь, что последствия такой стычки будут смертельны.

Я чувствую, что на меня устремлены все взоры, и я размазываю грязь по прессу Скорпиуса, а затем тянусь к нему сзади, раздвигаю его ягодичы, чтобы тщательно вымыть его задницу. Но он внезапно отшатывается и тяжело смотрит на меня.

– Прошу прощения, хозяин. Мне показалось, что мне приказано было вымыть вас? – Мой голос звучит бесцветно, в нем – притворное замешательство.

Череп и Кость оба закрывают рты костлявыми руками, чтобы скрыть веселье от Скорпиуса. Да, широкие ухмылки им удастся спрятать, но хихиканье все же доносится до моих ушей, и мне приходится приложить усилия, чтобы не дать

широкой ухмылке появиться на моем лице.

– Все в порядке, – огрызается Скорпиус, вновь оказываясь прямо передо мной, чтобы я могла закончить работу.

Когда я вновь принимаюсь тереть его, то думаю о Лето, сравниваю тело фейри с его. Может быть, потому что Лето – единственный фейри, к которому я прикасалась похожим образом? В любом случае думать о различиях между этими двумя мужчинами занятно.

Я быстро определила, что Скорпиус – выше и крупнее Лето, но у обоих под гладкой, не испорченной шрамами кожей, прячутся твердые мышцы. Так что я думаю о том, как тренируются члены Ордена Скорпионов, раз им удастся быть такими же крепкими, как рабы клинка. Удивительно, но эта мысль заставляет меня представить, как этот фейри будет вбиваться в мое скользкое нутро. Будет ли он таким же быстрым, нетерпеливым, как Лето, или же время и опыт научили его, что в сексе есть нечто большее, нежели просто спринт к финишу? Так, по крайней мере, говорила Парин – раз или два.

– А что насчет тебя, Раба? Ты тоже – лучшая из лучших? Почему мы должны поставить на тебя и принять в Орден Скорпионов? – спрашивает Череп, проходя мимо.

Он разделся догола и забрался в ванну позади меня. Я не знаю, когда он успел снять одежду, но мне хочется прикоснуться и к его телу – хотя бы для того, чтобы заметить различия между ним и Скорпиусом и, конечно, попытаться за-

глянуть под его чары.

Я опускаюсь на колени и начинаю намыливать напряженные, словно струна, бедра и икры Скорпиуса, делая все возможное, чтобы показать этим трем самодовольным убийцам шоу, которого они так долго добивались. Я никогда не встану на колени, чтобы осуществить то, чего всем им хочется. Но я вижу, как Скорпиус облизывает губы под чарами – так что сегодня вечером он точно будет представлять меня, стоящую перед ним на коленях.

Мечтай, таракашка.

Я обхватываю намыленными руками ствол Скорпиуса и начинаю сжимать его и оглаживать. Оглядываюсь и смотрю на Черепа: тот спокойно сидит в ванне, но его глаза жадно ловят каждое мое движение, будто я сейчас ублажаю его, а не его товарища. В этом есть какая-то сила, и я не ожидала ее почувствовать. Мне всегда нравилось играть с Лето и позволять ему играть со мной, но это другое.

Ощущения более сильные, пьянящие. Что еще более удивительно, не могу сказать, что меня тошнит от происходящего. Так много уязвимости в фейри, отдавших часть своей власти мне. Особенно если речь идет о таких, как эти трое. Они убийцы, они уничтожают жизни. Я знаю, что для них я – всего лишь добыча, но эта роль еще никогда не была столь упоительной и... многообещающей. Они играют – играю и я, и еще неизвестно, кто выйдет победителем.

Я наконец решаю ответить на вопрос Черепа, при этом

медленно вожу руками по члену Скорпиуса – вверх-вниз, вверх-вниз.

Мой голос звучит ровно и невозмутимо, и я чувствую раздражение Скорпиуса, когда он понимает, что в том, что я делаю с ним, нет ничего особенного, раз я как ни в чем не бывало болтаю с Черепом.

– Вы меня не выберете – как бы хорош ни был мой послужной список в Приюте, – говорю я и ловлю себя на мысли, что мне нравится видеть ухмылку на пухлых губах.

– И почему же? – хрипло спрашивает Кость.

Он лежит на своей кровати, торс обнажен.

Он что там, дрожит?

Я заметила что-то похожее только мельком, но проверять, верны ли мои подозрения, не стану. Вместо этого я отпускаю истекающий смазкой член Скорпиуса, тянусь к золотому кувшину, наполняю его и начинаю методично ополаскивать тело феяри.

Я поднимаюсь на ноги и дерзко смотрю на мужчину. С меня хватит того, что они считают меня какой-то мышью. Пришло время вырваться из кошачьих когтей и считать все произошедшее недоразумением, из которого я вышла победителем. Назвать всю эту чепуху победой.

Я перевожу взгляд на Черепа, что нежится в своей позолоченной ванне.

Сколько еды я смогу купить, если переплавлю хотя бы одну из этих иштуковин?

Череп так жадно на меня смотрит, словно пытается проглотить, но я надеюсь, что он подавится.

– Вы не выберете меня, потому что я буду мертва еще до того, как Торги начнутся, – бросаю я, с громким плеском опуская кувшин в ванну Скорпиуса.

В шатре становится тихо, и я тут же задаюсь вопросом, почему я только что это сказала. Это правда, но, судя по их реакции, это может открыть корзину со скорпионами, с которыми я не очень хочу иметь дело. Если кто-то из них является моей целью – а вполне возможно, что так оно и есть, – я не должна говорить ничего, что могло бы хотя бы намекнуть им, что задумал Тиллео. Но, к сожалению, мне сейчас на это глубоко наплевать. К черту Тиллео, к черту этих троих.

Я быстро отбрасываю сомнения и, повернувшись к Черепу, окидываю его презрительным взглядом.

– Хотите, натру и ваш член? – В моем голосе нет ни единой эмоции, и его обсидиановый взгляд темнеет. Его явно не забавляет неуважение, намек на которое он расслышал в моем вопросе.

– Нет, ты свободна, Раба. Вы оба, оставьте нас, – приказывает он, и я устремляюсь к выходу прежде, чем он успеет передумать и выместить свой гнев на мне, как я того и заслуживаю.

Я выхожу в жар новой пустынной ночи, чувствуя, как невидимая хватка сжимает горло. Я прижимаю ладони к шее, торопливо шагая в направлении Приюта.

Что, черт возьми, только что произошло?

Я смотрю вниз на пропитанный сумерками песок, как будто он может сказать мне, почему я повела себя так с представителями одного из самых почитаемых домов убийц. Тиллео отрезал бы мне язык, если бы узнал, как я только что разговаривала с членами Ордена Скорпионов. Он бы пытал меня до полусмерти, исцелял и мучил снова – бесконечно, и даже безумие бы не спасло меня от боли. И все же, зная все это, я до сих пор не могу найти внутри себя ничего, похожего на волнение – мне плевать.

Я тренировалась, работала, терпела жестокое обращение, меня мучили и использовали только для того, чтобы мое будущее разбилось о Тиллео и *его большие надежды на меня*.

Все было напрасно. Моя жизнь ничего не значит. И я хочу заставить их заплатить за все – за каждую зажившую отметину на моей коже, за каждую сломанную кость и шрам на моей душе. Это меньшее, что они могут сделать после того, как отобрали у меня все в самый последний момент.

– Что, во имя королей, ты только что творила там? – сзади меня послышался возмущенный рык Харша.

– Я? – защищаясь, огрызаюсь я – меня взбесило, что Харш посмел со мной заговорить после того, что сделал. – Это ты так спешил попасть в Орден, что решил перешагнуть через мой труп, а не наоборот, – бросаю я через плечо и широкими шагами иду прочь, чтобы оказаться как можно дальше от него.

Харш хватает меня за руку, чтобы я остановилась, и он смог выплеснуть на меня свое негодование. И это большая ошибка: миг – и Харш уже лежит на спине, задыхаясь, я наклоняюсь над ним с небольшим кинжалом в руке, который позаимствовала из арсенала Скорпиуса, и прижимаю лезвие к его горлу. Взгляд Харша мрачен, но голубые глаза расширяются от чистого шока, и на мгновение я чувствую какое-то извращенное удовлетворение. Но, спохватившись, оглядываюсь кругом, чтобы убедиться, что за нами никто не наблюдает.

Солнце оставило горизонту прощальный поцелуй, значит, удача на моей стороне – на нас с Харшем падает прохладная тень Приюта. Охранники на крыше сейчас не патрулируют эту сторону, а рабы дома далеко – суетятся у поместья Тиллео, носятся туда-сюда, неизвестно зачем. Некому даже взглянуть в нашу сторону.

Я приближаю свое лицо к лицу Харша, жестокая улыбка скользит по моим полным губам.

– Еще раз тронешь меня без разрешения, и я позабочусь о том, чтобы нас поставили в пару на предстоящих испытаниях. Я уничтожу тебя, так что Тиллео позаботится о том, чтобы ты встал раком в борделе еще до захода солнца. Ты слышишь меня? – рычу я, Харш пристально, яростно смотрит на меня, но потом до него все же доходит: я не шучу и нисколько не преувеличиваю.

– Понимаю, – хрипит он, задыхаясь, и я надавливаю на его

горло чуть сильнее.

– Держи рот на замке, а руки – при себе, и в итоге ты станешь членом Ордена, как и хотел. Только не испытывай мое терпение, Харш. – В моем голосе – яд, и Харш сдается.

Он поспешно кивает, лицо краснеет, а легкие наверняка вопят от боли, требуя воздуха. Я отталкиваю его и медленно поднимаюсь, а Харш жадно хватается воздух и трет шею.

– Да что с тобой такое? – спрашивает он между приступами кашля, его голос напоминает хруст гравия под сапогами.

Но я оставляю его лежать, распростертым на песке, а его вопрос – без ответа, и бросаюсь через задний вход в Приют. Быстро поднимаюсь по узкой лестнице, ведущей на второй этаж. Арочные входы, выстроившиеся вдоль изогнутой стены слева от меня, мрачные и темные, но в залах и покоях, куда они ведут, к счастью, тихо. Перила по другую сторону от меня, те, что призваны спасти нас от случайного падения в тренировочные ямы в центре, рисуют в лунном свете узоры на песке.

Я слежу за тем, чтобы не отбрасывать тень, чтобы мои шаги были бесшумны, и иду по изогнутому коридору дальше. Мысли скачут, и я ищу безопасное место, чтобы затаиться на некоторое время и попытаться снова взять себя в руки.

Вопрос Харша эхом отдается в моей голове, пока я пытаюсь осознать произошедшее.

Что со мной такое? Да то, что меня окончательно лишили будущего.

Вот, что происходит, когда больше не для чего жить, когда нечего терять.

Внезапно воздух наполнили отдаленные крики – я сразу понимаю, что доносятся они из парной. Кто-то занялся Линэ.

Я сворачиваю в коридор, который ведет к купальням, затем к уборной и заканчивается спальней рабынь клинка. Я нахожу свой тюфяк – он не толще листа пергамента, лежит прямо под щелью, что служит окном, укладываюсь на него и лежу, пока крики Линэ не усыпляют меня.

Я думаю о том, что бы сделала со мной Фигг, если бы увидела, какое неуважение я проявляю к шелковому платью, раз валяюсь в нем на полу, но я отмахиваюсь от этой мысли. Приятно не беспокоиться, не волноваться о том, чтобы быть на шаг впереди и все предусмотреть. Я закидываю руки за голову и изучаю трещины на потолке надо мной.

Я могу это сделать. Я могу найти выход из положения и получить то, что мне нужно, раньше, чем я умру.

Может, свобода – это не то, где ты живешь, и не то, что ты сможешь вернуть сумму, за которую тебя купили? Может, свобода – это принять себя, целиком, без страха и сомнений? Я могу взять все свои навыки, всю себя – настоящую – и использовать, чтобы разрушить это место. Даже если меня убьют прежде, чем я смогу нанести весомый ущерб, возможно, этого будет достаточно, чтобы помочь когда-нибудь развалить эту дыру. Мне придется быть умной, трудиться под

чужим надзором, но это даже лучше для дела – все ведь будут думать, что я у них под колпаком!

Да. Это будет неплохо.

Теперь надо понять, куда нанести первый удар. Они не должны его почувствовать поначалу – а потом будет уже слишком поздно.

Череп

– Какого королевского хрена, тут только что произошло? – спрашивает потрясенный Кость, пока мы наблюдаем, как покачиваются створки у входа в шатер – из них только что пулей вылетели эти два раба клинка.

– Я... я даже не знаю, – удивленно признается Скорпиус и смотрит на свой член так, будто в нем скрыты ответы, которые мы все ищем.

Я смотрю на брата и не знаю, тревожиться мне или посмеяться над тем, какое ошеломительное впечатление произвела на него эта рабыня клинка. Обычно он так спокоен и контролирует себя; видеть его сбитым с толку восхитительно.

– Мы уже давно посещаем подобные мероприятия, и я никогда не видел, чтобы дикари Тиллео так с нами обращались, – говорит Кость – будто нас с братом тут не было.

– Как думаете, что она имела в виду, говоря, что она умрет прежде, чем начнутся Торги? – глаза Кости устремлены на выход из шатра, а рука до сих пор прячется в штанах.

– Это значит, что Тиллео что-то замышляет, и нам нужно присматривать за ним, – замечает Скорпиус, и я что-то мычу

в знак согласия.

— Этот дурак всегда что-то замышляет. Я не волнуюсь, — пренебрежительно заявляю я, затем поднимаю брошенный Рабой бутылек с мылом — одна колбочка, а у нас уже мозг взорвался.

И дело не в том, что она использовала свои женские хитрости против нас. Все мы — отнюдь не неуклюжие девственники, и дни, когда мы бросались к каждой симпатичной шлюшке просто потому, что от отчаяния думали, будто ничего лучше с нами уже не случится, давно прошли. Нет. Штука в том, что, когда ты достигаешь того уровня, что достигли мы, когда репутация опасного убийцы сопровождает во всех делах, человек привыкает, что к нему относятся определенным образом.

По комнате — стоит в нее войти члену Ордена Скорпионов — всегда расплзается запах страха. И я привык к этому. Я наслаждаюсь при виде округляющихся глаз и обмоченных штанов фейри, что смотрят на наши костистые образы и знают, что мы — последнее, что они увидят в этой жизни.

Мне нравится наблюдать, как люди обходят стороной нашего членистого тезку и извиняются перед любым скорпионом, перебегающим дорогу, в надежде, что он ничего не расскажет нам, а мы — не разгневаемся. Но ничего подобного не было ни в тоне этой рабыни клинка, ни в ее потрясающих, диких серебряных глазах.

Она злилась, что с ней играют. Она удивила всех нас, ко-

гда показала, что была бы более чем счастлива укусить в ответ, когда мы лишь слегка оскалились.

Это было... захватывающе. Я давно не испытывал ничего подобного и, глядя на лица моих братьев, могу сказать, они чувствуют то же самое.

– Ее волосы поразительного цвета, – ворчит Скорпиус, неловко забираясь в ванну, чтобы вымыть голову.

Новые чары создают иллюзию, что у всех у нас идеально уложенные, короткие волосы, хотя на самом деле мои спускаются по спине, у Скорпиуса – до плеч, а Кость предпочитает стричься чуть ли не наголо.

Мне вдруг захотелось оказаться дома, в безопасности, там, где мы все можем сбросить маски и использовать наши настоящие имена вместо того, чтобы всегда оставаться настороже и придерживаться схемы, которую мы выработали для охоты.

Внезапно в моей голове возникает картинка: блестящие, цвета звездного света волосы рассыпались по моей кровати, я вылизываю промежность Рабы – от задницы до клитора. Мой член твердеет, я сжимаю основание и рассеянно начинаю ласкать себя.

– Ее волосы и глаза – это то, что я ожидал увидеть в Высшем Суде царства теней, а не здесь, посреди этой песчаной дыры, – бормочу я, соглашаясь с замечанием Скорпиуса.

– В ней есть что-то знакомое. – Кость скребет ногтями щетину на щеках и подбородке и насмешливо фыркает. – Я

бы поставил целый воз рабов на то, что один из ее родителей – высокородный фейри, а другой – бастард, настолько продажный, что готов отдать своих детей, лишь бы получить неплохие барыши. В конце концов, кому, как не нам, знать, как легко сбыть с рук незаконнорожденного бастарда.

– Я хочу трахнуть ее. Это все, что я знаю наверняка. – Я кладу голову на бортик маленькой позолоченной ванны и начинаю поглаживать член все сильнее и быстрее.

– Осторожнее, думаю, у этой промежности могут быть зубы, – предупреждает Скорпиус – в его усмешке, хоть и веселой, я замечаю раздражение.

Я улыбаюсь еще шире, от приближающейся разрядки напрыгаются яйца, в бедрах покалывает.

– Мы – Скорпионы, брат; если не будет немного больно, то секс коту под хвост, – мой голос дрожит на грани стога, и они с Костью хихикают.

Я кончаю, жемчужные струйки заливают живот, прилипают к мышцам торса и оседают в теплой воде. Я представляю, как маленькая рабыня клинка слизывает сперму с моего пресса, и член дергается в предвкушении чего-то большего, нежели быстрая дрочка в ванной. Я должен был согласиться, когда она предложила помыть мой член, но мне нужно было, чтобы это первое яркое впечатление, что она оставила, чуть померкло – как и всем нам. Она ворвалась в наш шатер, словно песчаная буря, и нам нужно время, чтобы стряхнуть пыль и перегруппироваться.

– Нужно понаблюдать за этой дерзкой лисицей, узнать о ней все, что сможем, прежде чем кто-то сунет свой член в ее капкан. Мы здесь ненадолго, и домашних зверюшек с собой не потащим, – объявляет Скорпиус, пристально глядя на Кость. – Давайте не будем повторять то, что случилось в Надице, – напоминает он, и мы с Костью морщимся.

– Она – по-настоящему юна, это точно. Она точно не может оказаться проклятой старой каргой в обличье красотицы, – защищает Кость, а я, скрывая смех кашлем, вылезаю из ванны, чтобы обсохнуть.

– Если она попытается съесть мою душу, как та последняя, виноват будешь ты, – предупреждаю я Кость, и на его лице возникает похотливая усмешка.

– Тогда я оставлю ее ротик для себя, раз ты боишься, что не сладишь с ним, – хихикает Кость, и Скорпиус стонет:

– Сосредоточься на деле, ладно? Не забывай, кто владеет этой рабыней, и что это значит. Если она думает, что будет мертва задолго до того, как один из Орденов сможет ее купить, то Тиллео или один из его приспешников хочет устроить беспорядки. Такую заварушку, в которую мы не хотим попасть – по крайней мере, со спущенными штанами. Мы Скорпионы и в их игры не играем, так что держите голову на плечах, а члены – в штанах. Для собственной же безопасности, – предупреждает он и оглядывает меня и Кость.

– Это говорит нам тот, по чьему хозяйству только что елозили ручки этой рабыни, – замечаю я и улыбаюсь в ответ на

его свирепый взгляд.

Скорпиус проводит рукой по лицу и вздыхает:

– Я ошибся. Думал, что возьму ее на слабо, и она отступит, – признается он, а я качаю головой и усмехаюсь. – Мы занимаемся этим ремеслом, наверное, раза в два дольше, чем Раба вообще живет на этом свете. Тем не менее такого развития событий я не ожидал.

– Поэтому это и весело, – говорит Кость, поигрывая бровями.

– В конце концов, приятно охотиться на тех, за чье убийство нам не платят, – признаюсь я, доставая чистую пару брюк из сундука и легкую жилетку до пола.

Но Скорпиус не согласен:

– Кто сказал, что, в конце концов, нам не придется ее резать?

– Не думаю, что она будет против, – вставляет Кость, в его черном взгляде сквозит жажда. – Ей нужна грубость, ей нужно быть на грани смерти, в ожидании катастрофы. Я вижу это в темных и развратных закоулках ее души, – заявляет он совершенно искренне, как будто за четверть часа, что она провела в нашем присутствии, он смог заглянуть в ее душу.

– Думаешь, она – сладкая конфетка с начинкой из цианида? – издеваюсь я, но Кость тут же кивает:

– Да, перец и шоколад отлично друг друга дополняют!

Я согласно мычу в ответ, заправляя свой вновь твердеющий член в штаны:

– Может, Скорпиус прав, насчет того, что мы должны быть осторожны в присутствии этой девицы? – признаю я нерешительно.

Я хочу поиграть с ней, но что, если мы ослабим бдительность и поплатимся за это? Тот факт, что этой хитрой кошке удалось заморочить головы сразу троим, говорит о том, что она может стать проблемой. А зная Тиллео, эта проблема может быть смертельно опасной.

– Может, гораздо безопаснее найти шлюшку из числа рабынь дома и трахать ее, пока мы здесь? – добавляю я, и Кость стонет в отчаянии.

Себя я успокаиваю тем, что в процессе можно будет представлять волосы цвета луны и глаза цвета звезд – и никто об этом не узнает. Мое семя будет в большей безопасности, вытекая из одной из домашних шлюх Тиллео, чем из какой-нибудь рабыни, которую ломали и исцеляли, которая пахнет смертью, а вместо рук у нее – клинки. Да и тайну моей личности никто не раскроет.

– А вы двое заметили, как она украла один из моих ножей? – рассеянно спрашивает Скорпиус, и я с удивлением слышу нотку веселья в его голосе.

Я был впечатлен ловкостью ее рук. Мне даже захотелось посмотреть, где в этом невесомом подобии платья она умудрилась спрятать нож.

– И ты не бросился на нее сразу? Что-то ты размяк, брат, – язвит Кость, и Скорпиус говорит:

– Мне просто было очень интересно, что она собирается с ним делать.

– Подставить тебя – самый вероятный вариант, – замечаю я.

– Возможно, – кивает Скорпиус. Его взгляд устремлен вдаль, словно он просчитывает все сценарии того, что может произойти. – Но Тиллео сто раз подумает, чем попытается на нас напасть. Я скорее перебую всех на Торгах, а потом сожгу это поместье дотла, чем буду плясать под его дудку. Он знает, что мы пришли за информацией и за тем, чтобы следить за нашими врагами. Это не Дорсин; Тиллео никогда не переходит дорогу не тем людям.

– Никогда не говори никогда, – укоряю я, и он хмуро смотрит на меня в ответ.

– Пойду поищу, с кем можно развлечься, – произносит Кость, поднимаясь с кровати.

– Держись подальше от этой рабыни клинка, – предупреждает Скорпиус – и он абсолютно серьезен.

Кость уже переступил порог шатра, и Скорпиусу приходится кричать:

– Будь осторожнее, пока мы не узнаем больше. И не смей оставлять никаких следов, Кость! Если тебе так невмоготу, то хотя бы приберись потом за собой и сотри память рабыне плоти.

– Это не первые мои Торги, папочка, – подначивает его Кость – он знает, как Скорпиуса бесит, когда его сравнива-

ют с теми, кто произвел нас на свет. И, конечно, эбеновый взгляд Скорпиуса темнеет еще больше.

– Так хотя бы не болтайся без дела, Кость. Иди поговори с Лисицами, посмотрим, может, сможешь что-то выяснить о той охоте в Рассветном Дворе, где погиб тот лорд и все его преемники. Мы знаем, что это сделали они, и ты знаешь, как Киффин болтлива после нескольких хороших оргазмов.

– Нам что, правда, это интересно? – любопытствую я, и Скорпиус кивает.

– Да, нам нужно понять, кто отдал приказ об этой охоте. Я улыбаюсь, зная, что Скорпиус только что помахал заманчиво пахнущей тряпкой перед носом гончей, которая живет только затем, чтобы выслеживать и приносить добычу хозяину. Теперь Кость будет занят выяснением того, что произошло в Рассветном Дворе, и, надеюсь, избежит неприятностей, в которые он так любит попадать.

С хищным блеском в черных глазах Кость выскользнул из шатра.

– Где она спрятала кинжал, который украла? – Скорпиус выбирается из ванны и достает свежую одежду из сундука у кровати.

На моих губах медленно расцветает улыбка, и я тихонько хихикаю от забавной мысли, что пришла мне на ум:

– Она взяла не только кинжал, но и ножны и спрятала уже не опасное лезвие между ягодицами.

Скорпиус словно бы неодобрительно качает головой, но

я-то вижу, как в его глазах вспыхивает огонь.

— У этой крошки задница налитая, как член моряка, что после плавания сходит на берег. И раз уж она смогла так долго сжимать нож ягодицами, значит, все остальное у нее там тоже крепкое и упругое...

Скорпиус стонет при мысли об этом потрясающем создании и ее тугой заднице, которую она сжимала все время, пока терла его член, и я смеюсь, но вдруг замечаю, как в его взгляде мелькнула искра безумия.

— Возможно, брат, тебе придется напомнить мне, что игра с острыми предметами — это верный способ перерезать себе горло, — произносит он, и я ошеломлен этим признанием.

Из нас троих Скорпиус наименее склонен терять голову и забывать, что то, над чем мы так долго работали, имеет первостепенное значение. Он не гоняется за сочными шлюшками и не теряет бдительности, зарываясь в их влажные складки, как Кость или, время от времени, я. У всех нас есть потребности, но для этого и существуют бордели. Мы подумывали приобрести себе рабу плоти на каком-нибудь рынке в округе, но никому из нас в итоге не пришла в голову идея трахать ту, что не будет по-настоящему предана и верна — ведь она будет постоянно находиться у нас под боком и узнает, кто мы и как выглядим на самом деле.

Такие мероприятия, как Торги, позволяют нам на время притвориться, что то, чем мы заняты, приемлемо и одобряемо в обществе, но нельзя обманываться вечно — нужно пом-

нить о кровавой, жестокой правде о том, что мы делаем и кто мы есть.

Мы убиваем за деньги. Ни одна смерть не может быть слишком серьезной или ничего не значащей. За определенное количество монет мы можем выполнить любое желание покупателя. Мы все здесь – бездушные, моральные уроды, торговцы смертью. Лучше не поддаваться блеску и шику Торгов и вспомнить, что за реальность нас окружает. Тиллео построил свою империю на рабах-фейри, а мы построили свою на костях.

– Ты действительно беспокоишься, что она тебя так привлекает? – спрашиваю я, изучая лицо Скорпиуса.

Трудно разглядеть его мысли и опасения сквозь защитный слой магии, который он носит, но после стольких лет я знаю его достаточно хорошо, чтобы понять: что-то в этой рабыне клинка его беспокоит – а он не из тех людей, которых легко можно взволновать... если такое вообще возможно.

– Я думаю, с ней возникнут проблемы. – Его голос звучит ровно, он подходит к стеклянному столику, уставленному бутылками со спиртным и бокалами.

Он наливает себе напиток и предлагает мне тоже, но я качаю головой и жду, пока он не выложит все, что его гложет, что беспокоит в этой таинственной рабыне.

– Я имею в виду, что подобные ей могут поставить мужчину на колени, как в лучшем смысле этого слова, так и для того, чтобы было легче отрубить ему голову. И мои инстинк-

ты подсказывают, что с этой фейри так и будет. Но проблема в том, что я не знаю, с какой целью она поставит на колени меня.

– Может, лучше не знать, – предполагаю я, и он недоверчиво фыркает:

– Разве ты не говорил, что хочешь трахнуть ее?

– Хочу, но ни одна щелка не стоит того, чтобы уничтожить все, что мы строили. Меня не волнует, что она вся окутана лунным светом и звездной пылью. Послушай, – я подхожу к нему и похлопываю по спине, беру бокал с подноса и наполняю его вином. Затем делаю большой глоток, чувствуя, как алкоголь льется в мое тело, наполняя ноющие, уставшие мышцы теплом. – Мы здесь меньше часа. Подобная поездка – это всегда мучительно, и мы оба знаем, что за эти несколько дней Тиллео придумает столько херни, что мы будем готовы отдать ему любые деньги, лишь бы сбежать. Мы профинансируем Приют тайно, как и всегда, и уедем домой одни – как и всегда. Нас поимела умная красотка, обернутая в одну полоску ткани. Мы увидим и других рабов клинка, позабудемся с рабой дома и поймем, что эта шлюшка вовсе не так привлекательна, как мы думали, – успокаиваю я его.

Он смеется, проводя ладонью по лицу.

– Ты прав. Мы все устали с дороги и чересчур возбуждены – не более того.

Я опрокидываю в себя еще один бокал кроваво-красного вина и по-товарищески хлопаю Скорпиуса по спине.

– Вот и отлично! Теперь немного выпьем, а затем отправимся на этот обязательный кошмарный ужин. Кости давно пора что-нибудь натворить, чтобы уберечь от неприятностей нас. – Я вновь поднимаю полный бокал, Скорпиус вздыхает, а затем чокается.

– За неприятности, – соглашается он и смеется низким смехом.

Мы оба пьем и расслабляемся, стены шатра идут волнами, и мы оба забываем о сочном теле и полных губах рабыни клинка, которая для нас больше ничего не значит.

Осет

Я пересекаю большую территорию между Приютом и поместьем Тиллео, песок под ногами пышет жаром. Харш постоянно оглядывается, словно ждет, что в любой момент я брошусь на него и перережу ему горло. Еще немного – и я зарычу на него из-за этого.

Стоит глубокая ночь, но солнце, что ласкало песок весь день, остается со мной и другими рабами клинка. Яркие звезды весело мерцают надо мной, словно они тоже готовы к празднику. Их прикосновение бодрит, наполняет меня спокойной силой, что остужает голову и помогает укрепиться в решениях, к которым я пришла ранее.

Чем ближе мы с Харшем подходим к поместью, тем громче становятся музыка и разговоры – они доносятся до нас из открытых окон частей дома, расположенных ближе всего ко входу. Я подозреваю, что там живут шлюхи Тиллео, но не знаю наверняка. У меня сводит живот при мысли о том, что члены всех Орденów собрались внутри, готовые пировать и трахаться с рабами. Беспокойство поселяется в моем животе при мысли о том, что я снова столкнусь лицом к лицу с

Орденом Скорпионов. Я все еще не могу заставить себя пожалеть о своем поведении, но я знаю, что мне нужно быть очень осторожной, играя с огнем, чтобы не превратиться в пепел раньше, чем я начну уничтожать это место.

Харш поворачивается и ведет остальных к задней части гигантского участка. Там мы спускаемся по небольшой лестнице, которая ведет нас ко входу для рабов. Там перед большой дверью стоят охранники и несколько поваров и другой прислуги с кухни – все курят трубки и вдыхают дым палочек с курительной смесью.

Мы беспрепятственно проходим мимо них, Харш открывает дверь, и мы оказываемся посреди самого настоящего хаоса.

Повара и обслуживающий персонал снуют туда-сюда, что-то выкрикивая и торопливо расставляя большие блюда с едой на подносы и раскладывая по мискам.

Пока я пробираюсь сквозь шумную толчею, мне кажется, что на меня накатывает плотная невидимая волна ароматов. Мои вкусовые рецепторы внезапно просыпаются, слюна скапливается во рту, а желудок урчит, требуя попробовать все яства на вкус.

Я никогда в жизни не чувствовала ничего подобного, а если и чувствовала, то не могу вспомнить. Пикантные ароматы дразнят, танцуют на языке и зовут меня найти их источник.

Мимо пробегает слуга с потрясающим тортом на подносе, и я бросаю Харша и товарищей и следую за кондитерским

изделием.

– Прочь с дороги, бестолковая дрянь, – кричит на меня долговязый фейри – он мчится к раковинам с большой кастрюлей.

Я отпрыгиваю, но успеваю поймать взгляд Харша – он жестом приглашает следовать за ним. Мы оставляем шум кухни позади, уворачиваемся от слуг – одни бегут по крутой лестнице вверх, другие несут пустые подносы вниз.

Мой желудок завистливо урчит, но я знаю, что для таких, как мы, не будет ничего, кроме каши по утрам. Этот пир – еще одна вещь, которая добавится к списку причин, почему все эти фейри должны умереть.

Мы пробираемся по темным коридорам. Очевидно, Тиллео не видит смысла переплачивать за то, чтобы рабы могли хоть что-то тут разглядеть. Хотя здесь довольно прохладно – в жаркой пустыне это роскошь.

Мы поднимаемся по другой лестнице, где нас встречают другие рабы клинка – нас собрал Тиллео. В душе поселяется тревога. Она похожа на дворнягу, скулящую, просящую, чтобы на нее обратили внимание. Я хочу увернуться от давления и беспокойства, но подавляю это желание, наблюдая, как мои собратья-дикари изучают наше окружение – с интересом или со скукой.

Мне любопытно, как они справляются со своими обязанностями при Орденах, но я держу рот на замке, не желая никого ни о чем расспрашивать, и просто наблюдаю.

Глаза цвета коньяка следят за каждым моим движением. Я чувствую, как взгляд Лето скользит по моему телу, он сосредоточенный, жаждущий, он молит меня окунуться в его глубины. Но я не желаю слишком скоро поддаться ему и отворачиваюсь.

Я всегда играла с ним в эту игру, и это позволяет мне почувствовать контроль над ситуацией – эта отстраненность помогала мне выжить здесь. Лето всегда ждет меня, позволяет приходить к нему на моих собственных условиях и тогда, когда я этого захочу. Его это устраивает.

Мы не близки – Приют быстро убивает все, что похоже на близость, но я чувствую, что увлеклась Лето так, как никогда не позволяла себе раньше. Я никогда не спрашивала, как он оказался здесь, мы не обмениваемся историями из нашего прошлого, и впервые в жизни меня это беспокоит. В его руках я чувствовала власть и удовольствие – в подобном месте о большем не приходится просить. Когда я была лишь тенью той, кем являюсь сейчас, он приглядывал за мной. И за это я отдала ему часть себя, которую, как мне казалось, никто не мог заслужить. Но на самом деле мы ничего не знаем друг о друге.

Изучив каждый сантиметр безвкусно обставленной комнаты, я уступаю и окидываю взглядом беспризорных дикарей. Наконец, мой серебристый взгляд встречается с голодными глазами Лето. Его мягкие губы изгибаются в соблазнительной улыбке – таковой она ему представляется, хотя на

самом деле кажется, будто он надышался травкой, что курил охранник. Эта глупая ухмылка почему-то вызывает у меня желание искренне улыбнуться – но я не улыбаюсь.

Лето поднимает глаза к потолку, а затем едва заметно дергает головой – кажется, он кивнул в сторону Приюта. Он просит меня встретиться с ним позже в нашем месте на крыше, и я смотрю на остальных рабов: «Как?»

Он поднимает брови, и я качаю головой – больно он самоуверенный, пожимаю плечами, что значит: «я попробую вырваться, но не стану подвергать себя риску из-за этого».

Его ухмылка становится шире, а затем нас отвлекает громкий стук – это Крит распахнул дверь в комнату, и она с грохотом ударилась о стену.

До этого момента все спокойно стояли и ждали, но столь агрессивное появление охранника Тиллео заставило нас напиться.

– Сегодня первая ночь празднеств в честь Торгов – и это единственное мероприятие, на которое вас позовут. Вы не должны есть, говорить или двигаться с места. Стойте у стен зала, пока вам не передаст что-нибудь подавальщик, не позовет Тиллео или один из членов Ордена. Держите спины прямо, смотреть можно только перед собой, или я лично накажу вас перед завтрашним испытанием, и вы будете истекать кровью, а не бороться за место среди элиты, – рявкает Крит, и я чувствую, что некоторые из рабов борются с желанием рассмеяться.

Чтобы подкрепить такую угрозу, нужен авторитет, а у Крита его нет – конечно, если только Тиллео не снимет с него намордник и не выпустит на свободу. Однако это не значит, что он не может найти другой способ навредить нам или вообще превратить нашу жизнь в кошмар.

– Следуйте за мной, – приказывает он, и мы немедленно становимся в строй – сначала девушки, потом парни, и Крит ведет нас по длинному коридору, через большую дверь и в огромную столовую.

Потолки тут такие же высокие, как и в самом поместье, с огромными кварцевыми люстрами, на верхушках которых пляшет волшебный свет. На четырех стенах из песчаника висят гобелены, размером с нашу комнату в Приюте. На каждом – детально прорисованные пейзажи четырех дворов фейри.

Изображение Летнего, или Полуденного, Двора висит над главным столом, за которым Тиллео и его гости будут проводить вечера. Слева, за длинным столом со скамьями, висит гобелен с изображением Осеннего, или Сумеречного, Двора. По всей поверхности столов расставлены изящные фарфоровые и хрустальные кубки, в центре слуги оставили место для всех аппетитных блюд, запахи которых я чувствовала внизу – их выставят перед гостями. Гобелен, изображающий Зимний, или Ночной, Двор, висит на дальней стене, а Весенний, или Рассветный, Двор повесили над еще одним столом.

Крит называет наши имена и указывает, где мы должны

встать. Я двигаюсь к своему месту – под самый центр гобелена с чудным изображением Сумеречного Двора, где я проведу ночь, наблюдая за тем, как члены Орденов едят и пьют.

Мой живот снова ворчит от недовольства – все, на чем мы живем, это каша по утрам. В дни изнурительных тренировок нас кормят кашей утром и кашей вечером. В ней достаточно мяса неизвестного происхождения, чтобы мы не ослабели от голода.

Тиллео, должно быть, решил, что сегодняшние мероприятия не относятся к категории напряженных, а значит, все, что нам дадут, это утренняя миска безвкусной каши.

Иногда, когда песчаный олень умирает, нам скармливают его мясо прежде, чем оно успевает сгнить. Но ничего подобного не случалось уже несколько месяцев, и единственное, что меняется в нашем рационе – это жучки в каше.

Когда я только прибыла сюда, мне снились тарелки с рыбой, запечённой в слоеном тесте, пироги, тарталетки, такие сладкие и нежные, что тают во рту. Я не могла вспомнить, кто я и откуда, но каким-то образом помнила еду.

Тоска по чему-то, чего я не могу вспомнить, сковывает мою грудь. Давно мне не было так больно – очевидно, все эти дивные ароматы вызывают воспоминания, которые я никак не могу ухватить, как бы ни старалась. Как будто целый отряд никси взялся очистить мой разум так, чтобы он стал пустым и сверкающим. Время от времени другие чувства во мне пытаются что-то туда положить, помочь вспомнить, но

ники всегда побеждают. Ничего не всплывает в памяти, все кругом бессмысленно. Не имея возможности понять причины произошедшего, я всегда чувствую себя опустошенной.

Внезапно передо мной встает Крит, и я усилием ослабляю мышцы, вместо того, чтобы напрячься от угрозы, что темными волнами исходит от его огромной фигуры. Он осматривает меня прямо, как Фигг, пытаюсь разглядеть хоть волосок или нить, что сейчас не на своем месте.

Он тянется вниз и поправляет герб Тиллео между моих ног, но я дышу ровно. Тонкая ткань – единственное, что отделяет его проворные пальцы от моей промежности. И пока он притворяется, что возится с моим платьем, а на самом деле пытается выбить меня из колеи, я безучастно смотрю на его кожаный нагрудник.

Рука Крита застыла там, где ему никогда не будут рады, и я уже подумываю – а не его ли я должна убить? Затем вспоминаю слова Тиллео, сказанные в столовой, и разочарование сочится из груди, как жидкая смола.

Сомнений быть не может – он говорил, что я должна убить члена Ордена, а не какого-то ничтожного охранника, который думает, что может унижить меня, если прикоснется ко мне там, где не следует.

С другой стороны, я же решила нести разрушения и хаос до тех пор, пока меня не убьют. Почему бы не начать с того, чтобы преподать развратному монстру урок о том, почему не стоит связываться с рабыней клинка?

При мысли об этом в моей груди растекается удовлетворение.

Смогу ли я потом выкрутиться?

И не все ли мне равно?

Я очень осторожно прижимаюсь к руке Крита – кто знает, как он отреагирует на этот внезапный контакт. Криту нравится причинять боль. Его возбуждают «нет» в наших глазах, «не трогай меня», что так и не смогло сорваться с наших губ, потому что мы боимся наказания. И если мне нужно было подходящее время, чтобы дать Криту отпор, то нужно было действовать сейчас – когда Приют и поместье стоят на ушах и здесь, кроме обычных рабов клинка, есть еще куча обученных убийц, готовых принять удар на себя.

Я осмеливаюсь поднять глаза на Крита. Мое сердце колотится от страха и возбуждения. Он может избить меня – выследить позже и заставить заплатить за то, что я сейчас собираюсь сделать. Или он может пожаловаться Тиллео и потребовать, чтобы меня выпороли, или, еще хуже, высекли. На его жажду отомстить, поставить меня на место я и рассчитываю.

У Крита расширяются зрачки – его пошлый взгляд скользит к моим губам: очевидно, он принял мое прикосновение за интерес. Но ему требуется лишь секунда, чтобы почувствовать, как лезвие упирается в его твердеющий член.

Видеть, как похоть испаряется из его взгляда, словно мираж в пустыне, довольно возбуждает. На ее место приходит

гнев, тело напрягается в ответ на угрозу, которую, как он теперь понимает, я для него представляю.

– Тронь меня еще раз, полудурок, посмотрим, к чему это приведет, – предупреждаю я, голос мой едва громче шепота.

– Тиллео за это с тебя шкуру снимет, – тихо рычит он в ответ.

И стоит ему понизить голос, как мое беспокойство тут же улетучивается. Если бы он хотел пожаловаться Тиллео, он бы уже вопил о том, что у меня есть нож, который мне, вообще-то, иметь не положено. Нет, он собирается разобраться со мной сам, и именно этого я от него и хочу.

– Может быть, – соглашаюсь я, хотя угроза явно пустая. – Но еще он отрубит твою голову за то, что ты позволил себе делать вещи, о которых тебя никто не просил, не так ли, Крит? Мы оба знаем, как хорошо он реагирует на проявление неуважения.

Я вижу, как начинает подрагивать его челюсть, еще крепче прижимаю лезвие к замше его брюк и шепчу сладко:

– А теперь проваливай.

Крит пристально смотрит на меня, но после напряженной паузы все же отступает назад. Как только между нами появляется пространство, нож возвращается в ножны. Движение такое быстрое, что Крит мог бы наблюдать за мной до конца жизни и так и не увидеть, где я его спрятала.

– Тебе конец, сука, – огрызается он, но я вновь опускаю взгляд на его нагрудник, расслабляю мышцы лица и притво-

ряюсь, что его там нет.

Мгновение я чувствую его нерешительность, но затем он внезапно яростно разворачивается и бросается прочь из зала. Если кто-нибудь из других рабов клинка и видел наш обмен любезностями, они ничем себя не выдадут. Все мы стоим неподвижно, все наготове, наши невидящие глаза устремлены в одну далекую точку.

В моей голове, однако, полная сумятица – ощущение, будто я очнулась от столетнего сна. С тех пор, как Тиллео привел меня сюда, я научилась скрывать свои мысли и эмоции. Я выполняла приказы и сдерживала гнев, что копился в моей душе. Я подавляла желание сопротивляться, хоть как-то на что-то реагировать и старалась подойти к пустой лодке смерти как можно ближе. Но все эмоции и порывы, что раньше считались подавленными, вырвались на волю. Я хочу убивать, сеять хаос, вернуть страдания, что я пережила за последние шесть лет, сторицей. Меня научили быть безжалостной убийцей, и все, чего я хочу, – это использовать свои умения против моих учителей.

И мне трудно вновь сдерживаться и стараться быть терпливой.

Я лелею всполохи пламени жажды мести, что пылает в моей груди, и напоминаю себе, что осторожность и скрытность сейчас важны, как никогда. Я могу забыться в жажде крови и вряд ли нанесу хоть какой-то урон империи Тиллео прежде, чем меня прирежут. Но, если буду разумной, я смогу тайно

подрубить ноги его глиняному колоссу. И, когда я наконец буду стоять над моим Хозяином и перережу его никчемное горло, он будет знать, что его империя, его наследие исчезнут вместе с ним.

Я размышляю над этим, но смех и громкие беседы отвлекают меня. Не знаю точно, сколько мы уже стоим здесь, но затекшие ноги подсказывают – уже порядочно.

Я переминаюсь с ноги на ногу, мои конечности колет словно иголками, и они просыпаются. Стоит мне наконец встать, как двери в банкетный зал распахиваются, и входит Тиллео под руку с одной из членов Ордена Лисиц. Она застенчиво хихикает над чем-то, что по пути говорит ей Тиллео. За ними следуют остальные члены ее Ордена, а также члены всех остальных Орденов.

Краем глаза я замечаю «скелетов», но, к счастью, на меня они не смотрят. Как будто рабы клинка – такая же часть декора, как мебель и гобелены, но меня это не волнует. Быть таким же ничтожным, как пыльная ваза на серванте, безопаснее.

Множество убийц и работоторговцев заняли свои места за длинными, богато украшенными столами. Члены Орденов держатся вместе, некоторые, похоже, дружат с членами определенного Ордена больше, чем с другими. Тиллео пробирается к главному столу, его сегодняшние гости – Орден Лисиц.

Лисицы, как их прозвали, – единственный Орден, состоя-

щий исключительно из женщин. Многие рабыни клинка желают оказаться в этом Ордене.

Я наблюдаю, как они изящно рассаживаются за столом Тиллео, и уже могу сказать, что среди нас есть лишь несколько избранных, которые могли бы стать «лисицами».

Четыре представительницы Ордена Лисиц выглядят великолепно – все они отличаются друг от друга, но каждая потрясающая. Платья, вероятно, стоят больше, чем любая из рабынь в этой комнате. Тела усыпаны драгоценностями, а щедро нанесенная косметика делает их щеки гладкими, губы – пухлыми и красными. Глаза «лисиц» подведены темным, в них – призыв и грех. Образы диковинны и изысканны, но их взгляды пронизательны, а все движения – выверены и отточены.

Слева от Тиллео сидит полная черноволосая красавица. Ее глаза светло-голубые, а губы пухлые, цвета терпкого мерло. Ее груди приподняты и туго перетянуты, и я думаю, может ли она вообще дышать в этом приспособлении? Кажется, оно сжимает ее крепкую талию под атласом светло-голубого платья.

Справа от Тиллео – потрясающая статная женщина с самой темной кожей, которую я когда-либо видела. Весь ее облик царственный и спокойный, а уложенные локоны так же пленительны, как и сверкающие бриллианты, вплетенные в густые пряди. Она берет хрустальный бокал с шипучим напитком, смеется над тем, что говорит Тиллео, а затем подно-

сит его к пунцовым губам.

У двух других красавиц, сидящих по краям главного стола, белоснежные волосы с розоватым отливом. Я быстро замечаю, что они – зеркальное отражение друг друга, должно быть, близнецы. Их глаза цвета листвы осматривают собравшихся за столами членов Орденов – они и правда, похожи на диких лисиц, выискивающих добычу.

Через заднюю дверь проходят рабы – они несут дымящиеся подносы с едой. Блюд и гарниров больше, чем я могу сосчитать, и длинные столы буквально ломаются от угощений.

Я вижу едва заметное движение среди других рабов клинка – их пустые желудки так же возмущены, как и мой. В зале стоит громкий гул голосов и звон смеха. Удивительно, но это сборище больше похоже на встречу давних друзей, чем на собрание профессиональных убийц и возможных врагов.

Я знаю, что Ордена соревнуются друг с другом за заказы, но происходящее кругом заставляет меня задуматься – а действительно ли их конкуренция так жестока, как нам рассказывали? Полагаю, отчасти это – обычная бравада и желание покрасоваться, но, конечно, лишь отчасти.

На тарелки постоянно выкладывают новые блюда, но они быстро исчезают. Стаканы опустошаются и наполняются вновь. Разговоры, кажется, никогда не стихнут, а я с каждым часом устаю все больше и больше.

Мой взгляд задерживается на Ордене Скорпионов и кружит по каждому члену – словно муха в поисках свежей ту-

ши. Они стоят ко мне спиной, и это к лучшему. Я не знаю, что бы делала, если бы один из них посмотрел на меня через весь зал.

Вдруг один из «скелетов» поворачивает голову и становится ко мне в профиль, словно почувствовав мой взгляд.

Я задерживаю дыхание и пытаюсь найти еще хоть одно тому подтверждение.

Я не могу отличить одного «скелета» от другого с такого расстояния и тем более со спины. Слишком мало времени было на знакомство, и я не особенно искала различия между членами Ордена. Никто из них не ищет меня глазами в толпе, и, что странно, я не знаю, успокаивает ли меня это или раздражает.

От одного из столов доносится громкий смех, но я не могу понять, откуда он доносится, не знаю я и его причины.

Ко мне подходит хрупкая рабыня дома и протягивает мне стеклянный графин.

– Тебе нужно спуститься в подвал и наполнить графин. – Звучит как приказ, но голос ее дрожит – отдавать распоряжения она явно не привыкла.

На мгновение я прихожу в замешательство и протягиваю графин обратно.

– Так иди и наполни. Мы должны стоять здесь, пока нас не отпустят. – В ответ на мои слова ее карий взгляд устремляется к задней двери, а потом вновь обращается ко мне.

От этого мурашки бегут по спине, и я смотрю мимо ра-

быни сначала на Тиллео, а затем на Скорпионов – не их ли это рук дело? Но никто из них не обращает внимания ни на меня, ни на девушку передо мной.

– Нет. Мне сказали, что мы можем задействовать тебя, если будем слишком заняты, – нерешительно возражает рабыня. – Я расставляю бокалы и слишком занята, чтобы идти за вином. Скоро оно закончится, так что тебе придется этим заняться.

Она снова изо всех сил старается казаться сильной и властной, подталкивает графин ко мне.

Я беру его и смотрю на заднюю дверь – там никого нет, но у меня есть догадки, кто мог дать задание этой рабыне.

– Отлично. Так куда мне идти?

Она заметно расслабляется, чем заставляет меня напрячься еще больше.

– Через двери направо, затем первая ниша слева. Погреб внизу лестницы, а вино уже стоит на столе. Ты увидишь, как спустишься, – инструктирует она, и прежде чем я успеваю еще хоть о чем-то спросить, отправляется восвояси.

Я наблюдаю, как она идет к боковой стойке, берет полный графин белого цветочного вина и начинает обходить столы.

Я вновь осматриваюсь, но, когда схожу со своего места и направляюсь к двери в дальнем конце зала, никто на меня не смотрит.

Следуя указаниям рабыни, я прохожу через двери – кровь стучит в ушах, я слышу тяжелые удары своего пульса, так что

стараюсь успокоить дыхание и тело, взбудораженное приливом адреналина.

На меня охотятся.

Проблема в том, что я не уверена, кто этот охотник. Неужели это Тиллео так подстегивает меня, чтобы я убила члена Ордена? Или «скорпионы» мстят мне за дерзость?

Инстинкты говорят, что это Крит, но есть вероятность, что существует еще кто-то, кого я не учла.

Все мои чувства обострены до предела. Я нахожу нишу слева, в ней начинается опутанная тенями лестница, ведущая вниз. Я крепче сжимаю пустой графин, стараясь не сломать его в судорожной хватке.

Я вздыхаю и спускаюсь по ступенькам. Тех, кто мог расставить эту ловушку, так много, что я уже сомневаюсь, характеризует ли меня это с хорошей или с плохой стороны. Полагаю, скоро узнаю. Хотя нет – это охотники скоро узнают, что шутки кончились.

Я бесшумно спускаюсь по винтовой каменной лестнице. Если внизу кто-то ждет меня, он должен дышать – а не слышу ничего, даже потрескивания огня в фонарях, кое-как освещающих путь.

Я двигаюсь осторожно: опасность может так же легко подкрадываться сзади, как и ждать впереди. Наконец передо мной открывается арочный вход в сам винный погреб.

Я быстро осматриваюсь в поисках ног, тени или еще чего-то, что может выдать моего охотника, но либо он достаточно хорош, чтобы не стоять прямо у входа наизготовку, либо здесь никого нет. Возможно, что просьба рабыни дома была совсем невинной, и ей действительно нужен был кто-то, кто принес бы вино, но я в этом почему-то сомневалась.

Неожиданно я спрыгиваю с нижней ступеньки, с бешеной скоростью проношусь по коридору и вбегаю в подвал. Я надеюсь, что мои резкие перемещения застанут затаившегося охотника – или охотников – врасплох. Перед длинным столом с пятнами от вина я останавливаюсь и резко поворачиваюсь вокруг своей оси, готовая к нападению с любой стороны.

Но ничего не происходит.

Я жду, молча, неподвижно. Я слушаю. Каждый мускул в моем теле напряжен и готов к действию, но одна секунда пе-

ретекает в другую – и ничего не случается.

Я ставлю пустой графин на длинный стол – там, где и сказала рабыня дома. Тут есть несколько открытых бутылок вина, но я не выбираю, какую из них мне следует откупорить. Вместо этого я сканирую ряды бутылок и бочек, что хранятся в темной прохладе. Нет, по-прежнему ничего – и мои чувства не улавливают чужого присутствия здесь, инстинкты ничего не говорят.

Я прохожу мимо стола и устремляюсь в самый темный угол. Оглядываюсь вокруг еще раз, а затем делаю то, о чем никто не знает. Я шагаю в черноту под перегоревшей лампой, становлюсь у высокого стеллажа со спиртным, и становлюсь единым целым с тенями.

Мрак обволакивает меня, все становится холоднее по мере того, как я погружаюсь в его темные объятия. Я обнаружила, что умею это, всего пару лет назад, когда меня чуть не поймали ночью при попытке проникнуть в столовую.

Меня наказали – не помню за что, но я не ела и не пила почти два дня. Без еды я могла прожить и дольше, но я знала, что, если я не попью в ближайшее время, я не выживу.

Меня снова заставили тренироваться в полдень, когда солнце стояло высоко, и с каждым моим шагом я становилась ближе к смерти – по крайней мере, если не найду флягу или стакан с водой.

Не знаю, почему я решила, что пробраться в столовую – самый лучший вариант. Вероятно, я начинала бредить от го-

лода и обезвоживания. Но я сразу пожалела об этом своем решении, когда услышала знакомые звуки ночного патруля, направляющегося в мою сторону.

Я запаниковала. Убежать и не попасться было нереально, поэтому я отступила как можно дальше в тень, умоляя любое божество, которое могло меня услышать, чтобы оно спрятало меня. В том состоянии я бы не пережила порку или другое наказание, и каждый шаг охранника ко мне звучал, как звон похоронного колокола.

Не знаю, что и как произошло, но в один момент меня охватило странное ощущение холода. В следующее мгновение я поняла, что больше не стою перед дверями столовой – я была в темноте, в углу задней части кухни. Каждое движение, казалось, забирало всю энергию из моего тела. Так что я сползла на землю и сидела, онемев от шока. Но я знала: что бы со мной ни произошло сейчас – отныне все изменится.

Я отмахнулась от воспоминаний и вновь принялась ждать в темноте. Мое дыхание выровнялось, биение сердца замедлилось. Я терпеливо осматриваю подвал, сосредоточившись на единственном пути, ведущем в эту мрачную комнату. Запах гнилых фруктов и перебродившего ячменя щекочет мне нос, и я думаю, как долго мне еще здесь прятаться.

Вдруг что-то в воздухе меняется. Я ничего не слышу, но чувствую: здесь, внизу, рядом со мной есть еще кто-то.

Я снова осматриваю подвал, изучая заставленные высокие полки и штабеля бочек. Кажется, что ничего здесь не из-

менилось, и все же мой взгляд останавливается на темном участке стены рядом с входом.

Я обратила внимание на этот затененный угол и окружающие его незажжённые фонари, еще когда только спустилась сюда. Не слишком хорошее место для укрытия – любой, у кого есть мозги, ожидал бы нападения прямо у входа. Место, где я прячусь, подходит гораздо больше подходит – будет эффект внезапности. Но я все равно не могу избавиться от ощущения, что кто-то наблюдает из этих теней за мной – прямо, как я.

Оставаясь в своем темном углу, я вглядываюсь в темноту напротив, как будто могу отодвинуть этот мрачный занавес и увидеть, что за ним скрывается.

Вдруг я улавливаю шарканье сапог по камню.

Я отрываюсь от скопления теней в углу и сосредотачиваюсь на арочном входе. Кто-то спускается по лестнице.

Я совершенно неподвижна. Затаив дыхание, я напряженно прислушиваюсь, нет ли еще каких звуков, что выдадут нового незваного гостя, но мне не приходится прислушиваться долго. Меньше чем через мгновение темная фигура спускается с нижней ступеньки и проскальзывает в подвал.

Крит расстегивает ремень и собирается стянуть его с бедер. Его злобный взгляд падает на длинный деревянный стол – около него, как он ожидает, должна к нему спиной стоять я и наполнять графин вином, как и было приказано.

Кретин.

Крит оглядывает комнату, костяшки его пальцев побелели на коричневой коже ремня. Он стоит перед единственным входом – и выходом – в этот подвал и хмурит лоб в замешательстве. Жуткие глаза голодно осматривают ряды полок – и угрожающая улыбка расползается по его тонким губам. Очевидно, он решил, что я прячусь среди них.

– Маленькая шлюшка, – нараспев произносит он, углубляясь в комнату. – От меня все равно не спрячешься. – Крит вновь осматривается и, намотав концы ремня на руки, словно огромную гарроту², заглядывает под стол.

Я молча тянусь за спину и выхватываю из ножен украденный нож, взгляд снова устремляется на затененный угол у входа, но я по-прежнему ничего там не вижу.

Я снова фокусируюсь на Крите: он подбирается все ближе, проверяет в поисках своей добычи каждую щель и каждый уголок. Я же внимательно осматриваю его, прикидываю рост и вес, подмечаю, как он двигается, какое оружие носит. Я знаю, что он искусный боец – Крит не был бы охранником Тиллео, если бы это было не так. Однако я не могу решить, тревожит ли меня его уверенность или смешит. Он знает, что такое раб клинка, знает, во что нас превращают, бросая в тренировочные ямы. И все же он здесь – в его голосе нет ни капли страха или сомнения, он издевается и угрожает мне. Он думает, что я не смогу постоять за себя? Сейчас он узна-

² Гаррота (исп. garrote, dar garrote «закручивание, затягивание») – инструмент для удушения человека, орудие казни и пыток.

ет, как ошибался.

Крит подходит к стеллажам с бутылками, заглядывает в самую глубину. Его возбужденное хихиканье отражается от стен подвала, и он проходит еще дальше – в затхлую комнатку, где, как он думает, и поймает меня в ловушку.

Я задумываюсь, часто ли он делает что-то подобное? Судя по его пружинящей походке и возбуждению, от которого подрагивают его мышцы, это происходит чаще, чем я полагала. Сколько моих товарищей, рабов клинка, пытались сбежать от его жестокости, но не смогли?

Крит тихонько свистит и похлопывает себя по обтянутому кожей бедру, словно подзывает домашнее животное. Гнев разливается по горлу, словно кислота, обжигает и льется в легкие.

Я хочу сделать ему больно. Я хочу, чтобы его крики стали песней, под которую я усну сегодня ночью. Я хочу ощутить тепло – оно разливается по телу, когда смотришь в его глазенки, и до него доходит, что охотник тут вовсе не он. Он – жертва. Я знаю, что ничего этого не будет – конечно, я убью его, но удовольствия мне это не доставит. Я не могу вернуться на ужин Тиллео вся в крови, пусть и полностью удовлетворенная. Никто знает, что я сделаю в этом подвале. Я должна быть быстрой, осторожной, всегда на шаг впереди.

Я представляю себе, куда я могу вонзить клинок так, чтобы убить его мгновенно. Это больше, чем Крит заслуживает, но, в конце концов, мертвец есть мертвец. Мне все только

спасибо скажут.

Я рассчитываю силу удара, который понадобится, чтобы покончить с этим ходячим куском дерьма, а затем скорее чувствую, чем слышу, как он приближается.

Он огибает конец стеллажа слева от меня, идет так, будто вышел на прогулку, а его глаза сканируют все возможные места, где я могла укрыться. Ухмылки больше нет у него на лице – в ищущем взгляде я замечаю блеск беспокойства, он хмурится.

Мой осуждающий взгляд устремлен на него, и сердце бьется ровно – словно механизм, оно послушно отсчитывает каждую секунду. Каждый удар в груди гудит, как колокол смерти, и я сдерживаю желание крепче сжать рукоять украденного клинка. От предвкушения во рту скапливается слюна, я задерживаю дыхание, карие глаза Крита блуждают по теням, защищающим меня. В них мелькают презрение и разочарование, Крит поворачивается к выходу.

И мой клинок бьет его прямо в ухо быстрее, чем яркая молния – в пески пустыни. С тщательно выверенной силой, отработанным смертоносным ударом я вонзаю тонкий нож в его ушной канал, проламываю череп и разрываю его мозг прежде, чем он, потрясенный, успевает выдохнуть воздух, который только что втянул носом.

Крит падает, и я следую за ним, прокручивая лезвие, чтобы нанести как можно больше внутренних повреждений.

Убийство дается мне легко и проходит гладко. Еще одно

свидетельство того, что Орден Скорпионов держит свое оружие в идеальном порядке – Крит умирает еще до того, как его голова успеет удариться о землю.

Кровь стекает с рукояти тонкого, гладкого кинжала и успевает согреть мою ладонь, прежде чем смерть заберет все тепло. Обошлось без беспорядка, как я и хотела.

Я выжидаю несколько секунд, а затем очищаю лезвие от содержимого черепа Крита. На всякий случай я отхожу от трупа – вдруг Крит автоматически попытается схватить меня, но этого не происходит. Кинжал и свою ладонь я вытираю о мундир охранника, которым тот так дорожил, и пристально смотрю на его безжизненное тело.

Я жду, что во мне вспыхнет паника или тревога, но нет. Я только что убила одного из личных охранников Тиллео во время несанкционированной охоты – подобное запрещено и карается пытками и смертью. Но я все равно ничего не чувствую. Никакого облегчения – или разочарования.

Я должна ощущать себя отмщенной и уверенной в своей правоте, но мертвец у моих ног лишь еще раз доказывает, что мои мечты превратились в пепел – как и моя жизнь.

Я тихонько ворчу и принимаюсь заталкивать тело Крита в тени, которые укрыли меня от него. Я не могу обернуть их вокруг него, но, надеюсь, Крита не найдут до тех пор, пока его не выдаст вонь.

Когда тело обнаружат, Тиллео может заподозрить, что Крита убил один из его рабов клинка, но доказательств у

него не будет. Обычно он наказывал всех нас, пока кто-нибудь не признавался, но Торги и присутствие членов Орденов должны оградить нас от возмездия Тиллео – иначе он рискует не продать нас. Не думаю, что он пойдет на такой риск. Думаю, его высокомерие заставит его хранить молчание – Тиллео не захочет, чтобы кто-то узнал, что он потерял контроль над ситуацией. Я ставлю на то, что он продаст нас всех по самой высокой цене. А с тем рабом, кто убил Крита, пусть разбирается его новый Орден.

Для верности я разок пинаю безжизненное тело Крита, а затем осматриваю себя, поправляя полоски платья и пояс, проверяю, нет ли на коже или голубом шелке и металлическом гербе свидетельств того, что здесь только что произошло – ничего.

Засунув тонкий кинжал обратно в ножны, я глубоко вздыхаю и иду к столу. Мне же дали пустой графин – надо его наполнить. Не думаю, что меня слишком долго не было, но не хочется, чтобы кто-то заметил мое отсутствие.

Я тянусь за вином и... вновь чувствую, что я здесь не одна, скребется по спине.

В своих инстинктах я не сомневаюсь, так что поворачиваюсь и швыряю кинжал прямо в тот подозрительный угол, беспокоивший меня раньше. Ничего, кроме темноты, я там не вижу, но, как только кинжал ударяется о камень стены, появляется чья-то рука и ловит его в воздухе.

Нет, не рука. Кости.

Я смотрю, как из тени выходит «скелет», и ужас сжимает мою грудь. Это шок – один из Ордена Скорпионов умеет то же, что и я!

В это время «скелет» искусно вертит в своих костяных пальцах кинжал, переводит взгляд с клинка на меня и улыбается.

– Плохая, плохая девочка, Раба! – Он прислонился спиной к каменной стене, и его черный взгляд оставляет мое лицо и устремляется туда, где спрятано тело Крита.

Я украдкой гляжу туда же и убеждаюсь, что Крит полностью скрыт в тени.

На языке у меня вертится миллион оправданий. А может, «скорпион» ничего не видел? Может, он просто пытается меня запугать?

Я начинаю дышать быстрее, воздух входит и выходит из моей груди в такт с бешено колотящимся сердцем. Черные глаза вновь смотрят на меня, и все надежды на то, что мне удастся избежать наказания за убийство, испаряются.

Он знает.

Я почувствовала его присутствие здесь, внизу, прежде чем Крит спустился в подвал. Я должна была догадаться, что то, что умею я, могут делать и другие. Но в тот момент такое предположение даже не пришло мне в голову – и за эту ошибку мне придется дорого заплатить.

Я глубоко вдыхаю, пытаюсь унять усиливающуюся тревогу.

Я все равно собиралась умереть. Просто это случится чуть позже.

– Вижу, ты играла с игрушками, которые тебе не принадлежат, – замечает «скелет».

Его пронизывающий взгляд устремлен на клинок в руке, и я на миг думаю, что говорит он не только об оружии, что я украдала, но и об охраннике, которого я этим оружием и убила.

– Возможно, вы захотите его помыть, – я киваю на кинжал, который он вертит в руках.

Я смотрю на это изысканное оружие, и во мне закипает зависть – кажется, будто оно было сделано специально для меня. У этих «скелетов» так много клинков, что они вряд ли представляют, как использовать хотя бы часть из них. А я могу только воображать, с какой тщательностью и осторожностью был выкован и обработан каждый из них. Интересно, каково бы это было – жить с таким арсеналом?

– Я держала его в...

– О, я знаю, где он был, – перебивает он, и на его скрытом чарами лице расплывается нахальная улыбка.

Хотела бы я знать, кто он из тех троих. Это его член я трогала? Или это тот, что лежал в ванной? Или тот, что был в кровати? Думаю, это Кость – он, не вставая с шелковых простыней, наслаждался шоу, что я устроила с другим членом его Ордена. Правда, я не уверена.

– И раз уж мы заговорили об этом, то почему бы тебе не отдать ножны... – это приказ, но его тон легкий и игривый.

Я сдерживаю тяжелый вздох, что готов вырваться из груди, тянусь за спину и вынимаю ножны, спрятанные меж ягодиц. Затем бросаю ему, и он ловко ловит их, неуловимо быстро – так, что невозможно заметить – он возвращает лезвие в карман жилета до пола.

Горловина его одеяния высоко поднята и застегнута под адамовым яблоком. Похоже, материал дорогой – он слегка поблескивает... или, может, это тусклый свет меня путает. Ряд пуговиц спускается от горловины до верха брюк, где длинный жилет разделяется спереди и по бокам, как будто это платье со вставками.

На любом другом человеке подобная одежда выглядела бы женственно, но на большом, крепком теле этого убийцы такой жилет был воплощением мужественности.

– Итак, – начинает он, – как бы мне ни хотелось раздеть тебя и посмотреть, как ты держишь этот кинжал своей тугой задницей, у нас есть более насущные дела. – В голосе его вновь звучат игривые нотки, но в глубине его ониксовых глаз я вижу тепло.

Мои соски напрягаются, мое тело реагирует на пульсирующую волну желания, которая внезапно заполнила пространство между нами. Я не чужаюсь подобного интереса со стороны мужчин, но никогда мое тело так не реагировало на простую пошлую фразочку, и меня это выбивает из колеи.

Прищурившись, я изучаю «скелет» и пытаюсь взять себя в руки. Я пытаюсь придать лицу выражение спокойствия, рас-

правляю плечи, ожидая, что сейчас он скажет, о каких таких неотложных делах шла речь. Все дела – не то чтобы у меня их было много – это охранник, которого я только что убила. Но, глядя на мое серьезное лицо, фейри, кажется, лишь больше развеселился.

– Откуда ты, Раба? – внезапно спрашивает он, и в его голосе сквозит странный интерес.

Меня смущает его вопрос. Мне приходится приложить усилия, чтобы не пялиться на тело Крита – такое чувство, что мое подсознание хочет напомнить «скелету», что есть более важные проблемы, чем выяснение моего происхождения. Я только что убила фейри. Какая разница, где я родилась?

– Кто твой отец? – продолжает он, и его черные глаза внимательно изучают мое лицо, как будто ответы на его вопросы скрыты в форме моего носа, щек и подбородка.

– Почему вы хотите это знать? – грубо отвечаю я, вместо того чтобы открыть ему мрачную правду о том, что я понятия не имею, кто я и кто мой отец.

– А Тиллео знает, что ты на такое способна? – парирует он, кивая подбородком в сторону тела Крита.

Я насмешливо смотрю на члена Ордена, напускная бравада помогает успокоиться и заглушить панику.

– Это то, чему он нас обучал, – усмехаюсь я.

«Скелет» смотрит на меня испытующе и машет рукой:

– Я не про убийство, я про хождение по теням.

Мой желудок одновременно проваливается вниз от ужаса и сжимается от возбуждения. Он знает, что это такое, а значит, может рассказать больше об этом. Есть ли что-то еще, что я могу делать, кроме пары трюков, которые я выучила по чистой случайности?

Я хочу спросить его об этом, вопрос вертится на кончике языка, но я останавливаю себя. Он может использовать это против меня. Как – не знаю, но может, иначе зачем еще ему это знать? Не похоже, что он и его товарищи по Ордену здесь, чтобы помочь мне. Они здесь, чтобы добывать информацию. Было бы глупо доверять этому незнакомцу хоть что-то настоящее, включая мое отчаянное любопытство.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – стоически вру я, и его улыбка быстро превращается в оскал.

– Я не собираюсь играть с тобой в игры, Раба, – предупреждает он, выпрямляясь.

Одно это движение выглядит угрожающе, но я не желаю сдаваться.

– Я – раб клинка, – напоминаю я ему. – Мы не играем в игры. Мы должны подчиниться, или умрем. Мы убиваем или нас убивают. Я не узнала бы игру, о которой вы говорите, даже если бы она меня за зад укусила.

Он делает шаг ко мне, но замирает – с лестницы доносится стук сапог. Его грозный взгляд скользит по мне – он словно раздумывает, помешают ли незваные гости на лестнице схватить меня. И мое сердце подпрыгивает от предвкуше-

ния, я вздрагиваю. И чувствую я, как ни странно, не страх. Это возбуждение, оно развязывает мне язык, когда нужно огрызнуться на этих «скорпионов» и не поддаваться на их провокации. Я была бессильна так долго и, как бы мне ни хотелось остаться в живых, стоит признать: мне понравилось вырывать свои честь и достоинство из лап властных ублюдков, которые воображают, что я не приду за их коррумпированными задницами и раздутым эго.

Я смотрю в сторону входа и размышляю, стоит ли мне спрятаться. К сожалению, в ближайшем подходящем темном углу стоит «скелет»... или стоял.

Я бросаю взгляд на то место, где только что был «скорпион» – но там нет ничего, кроме глухой темной стены. Я пытаюсь задействовать свои чувства, чтобы понять, замаскировался ли он или действительно исчез. Но, прежде чем я успеваю решить, что же он все-таки сделал, в поле моего зрения появляется пара сильных ног, обтянутых темно-синим шелком.

Лето спускается по оставшимся ступеням и проходит в подвал – и я чувствую, будто гора свалилась с плеч. В руках у него пустой графин, и, стоит нашим глазам встретиться, как его коньячный взгляд теплеет.

– Так вот, куда ты улизнула, – объявляет он, и в его глазах разгорается огонь.

Лето оглядывается на лестницу, а затем ставит графин на стол.

Прежде чем я успеваю понять, что он задумал, Лето быстро оказывается рядом. Его мозолистые руки обхватывают мое лицо, и он приникает губами к моим. Поцелуй неистовый, голодный, и я изучаю его закрытые глаза и приподнятую бровь, а затем отталкиваю его.

– Что ты делаешь? – Я задыхаюсь от волнения, взгляд мечется по теням на стене слева от входа. «Скорпион» все еще наблюдает за мной?

– Если Тиллео и его гости будут и дальше так веселиться, мы никогда не доберемся до крыши. – Лето наступает на меня, и наши тела соединяются в объятиях. – Но они пьяны и сейчас ничего не заметят. Я пользуюсь возможностью, – добавляет он, и его губы снова накрывают мои.

На этот раз он не дает мне времени передумать. Его язык толкается в мой рот, и поцелуй становится неожиданно глубоким. Между нами с Лето всегда было что-то особенное. Я бы не назвала это страстью или преданностью, скорее... Мы – уютный уголок в окружении кладбищ и пожарищ. Но то, как он целует меня сейчас, заставляет мой разум подкидывать мне неожиданные идеи.

Я поддаюсь, закрываю глаза и наслаждаюсь ощущением губ Лето на моих губах. Мы не должны делать этого, не должны рисковать, но мне почему-то плевать. Наверное, я должна беспокоиться, но не могу. У меня больше нет будущего, а вот у Лето все еще есть шанс. Я не должна быть эгоисткой, красть его перспективы и возможности, но это то же самое, что дер-

зять Ордену Скорпионов и убить Крита. Это освобождает, а все, чего я когда-либо хотела, – это быть свободной.

Лето хватает меня за задницу, сжимает ее и стонет мне в рот, поднимает меня и кладет на стол. Я притягиваю его к себе, провожу ладонью по затылку, щетина на его бритой голове шершавая. Я раздвигаю бедра, предлагая его крепкому телу улечься в шелковое ложе.

У Лето ловкие пальцы – он быстро снимает герб Тиллео и цепочки с моих бедер, и я еле удерживаю себя от того, чтобы провести ногтями по его спине. Не могу оставлять на нем никаких отметок, напоминая я себе. Пусть я буду тонуть в ощущениях, отметки и улики все равно под запретом. Я не сделаю его мишенью для Тиллео, чтобы он отнял у него будущее, как сделал это со мной.

Губы Лето отрываются от моих, он целует меня в шею, одной рукой проникая под шелковую полоску, прикрывающую мою левую грудь, и щиплет упругий сосок. Другая его рука тянется к кусочку ткани, скрывающей мою промежность: он оттягивает темно-синюю ткань на правое бедро, будто отодвигает занавеску, обнажая меня целиком. Все волосы на моем теле – кроме тех, что на голове – давно сбриты, как и у всех рабов клинка.

Мы ничего не говорим друг другу, Лето просто проводит подушечкой большого пальца по моей щелке. Я готова принять его, и он, чувствуя это, улыбается той хитрой улыбкой, которая так мне нравится.

– Ты мне должен еще за прошлый раз, – напоминаю я ему, и его улыбка становится еще шире.

Мы чуть не попались во время нашего последнего приключения на одной из крыш Приюта. Нам пришлось ускориться, так что больше наслаждения получил он, а не я. За все эти годы мы поняли, что мне требуется больше времени, чтобы достичь оргазма.

– Ах да, счет в мою пользу, как я мог забыть? – соглашается он, сует руку в шелковые штаны и начинает ласкать себя.

Я смотрю в его сверкающие глаза, на это лицо, вид которого доставляет мне гораздо больше удовольствия, чем я когда-либо соглашусь признать.

Я с жадностью наблюдаю, как это лицо опускается между моих бедер: взгляд Лето устремлен на меня, изо рта показывается язык и лижет мою щелку. Я раздвигаю ноги еще шире, и когда язык и губы ласкают клитор, голодный стон вырывается из моего горла. Он вбирает его в рот, его голова прижимается в моей промежности так, будто там для него приготовлено лучшее угощение.

Я хватаю его за затылок, бесстыдно прижимая к себе, трусь об него и запрокидываю голову. Задыхаюсь, пока он терзает мою плоть, изо всех сил стараюсь молчать, чтобы сохранить происходящее в тайне, а нас – в безопасности.

Лето проникает в меня пальцами, я слабо постанываю и приподнимаюсь, чтобы увидеть, как он меня вылизывает. Но мой взгляд внезапно останавливается на паре сверкающих

черных глаз.

Я напрягаюсь и резко вдыхаю, мой ошеломленный взгляд мечется по лицу под костяными чарами. В его глазах полыхает огонь, он оглядывает мое тело, взгляд скользит вниз и останавливается на Лето между моих бедер. Моя левая грудь обнажена, я хочу прикрыться, свести ноги, чтобы «скорпион» больше ничего не видел. Но почему-то я колеблюсь. Он наблюдает, как Лето ласкает меня, его плечи напряжены. Лето медленно добавляет еще один палец, теперь пара пальцев ритмично толкается во мне, пока его губы посасывают клитор.

Внезапно в голову приходит мысль: а на что бы это было похоже, если бы загорелые пальцы, что трахают меня сейчас все быстрее и быстрее, были похожи на кости?

Ядвигаю бедрами навстречу пальцам и языку Лето, подстегиваю его, но мои глаза по-прежнему прикованы к чернильному взгляду убийцы, притаившегося в тени.

Почему он здесь?

Я спрашиваю себя, а по рукам и ногам начинают пробегать мурашки. Или, что хуже – *почему я позволяю ему оставаться?*

Я могу выдать его. Я должна остановить Лето, привести себя в порядок и поспешить вернуться на вечеринку с полным графином вина, как и положено послушному рабу клинка.

Я даже могу попытаться убить «скорпиона» за подобную

наглость. Но все, что я делаю, это плююсь на него, пока Лето подводит меня к кульминации.

В самой моей сердцевине пульсирует белая горячая звезда. Еще несколько грубых толчков пальцев Лето – и звезда вспыхивает внутри меня. Я прикусываю губу и откидываю голову назад, я все еще смотрю в глаза «скелета», когда кончаю. Я беспощадно тычусь в лицо Лето, выжимаю удовольствие от его рта и пальцев до последней капли. Он стонет у меня между ног, и по тому, как он дрожит, он тоже близок к оргазму.

В голове мелькает мысль: узнают ли рабы дома о том, чем мы тут внизу занимались. Заметят ли лужицу спермы Лето под столом или почувствуют в воздухе запах запретного удовольствия? Сохранят они наш секрет или выдадут? И опять же – их может обеспокоить тело, спрятанное сейчас в тени – Крита, в конце концов, найдут.

Под белым оскалом скелета виднеется улыбка, и я понимаю, что у меня есть проблемы посерьезнее, чем рабы дома.

Я грубо надрачивала одному из членов Ордена Скорпионов, пока хамила остальным, а теперь я просто позволила таинственному незнакомцу смотреть, как я трахаюсь с другим рабом клинка.

Я почти уверена, что Тиллео говорил об убийстве одного из членов этого Ордена, и в очереди тех, кто захочет пытать меня и казнить, двое его друзей будут первыми.

Я так долго себя контролировала, что теперь абсолютно

собой не владею. Я играю с огнем, будто он не может сжечь меня дотла, но правда в том, что моя жизнь сейчас – это охалка хвороста.

Лето поднимается на ноги, берет со стола тряпку и вытирает ею с ног и лица следы нашей страсти. Я спрыгиваю со стола, возвращаю на место полоски платья и быстро застегиваю металлический пояс на бедрах. Когда я вновь поднимаю голову, «скелет» уже исчез.

Лето убирает член в штаны, а я наполняю наши графины вином. Не дожидаясь, пока он что-нибудь скажет, я поднимаюсь по лестнице, перепрыгиваю через две ступеньки за раз, и вновь попадаю на шумную вечеринку. С ворчанием слуга забирает у меня вино, но больше ничего не говорит – он слишком занят, наполняя пустые бокалы. Сердце колотится в груди, и я вновь встаю на свое место под гобеленом с изображением Сумеречного Двора.

Не в силах удержаться, я тут же перевожу взгляд на членов Ордена Скорпионов. Все трое стоят спиной ко мне, с ними оживленно беседует какой-то толстяк. Если бы все это не было правдой, я бы подумала, что присутствие одного из них в подвале мне привиделось. И стоит мне подумать об этом, как один из «скелетов» достает из внутреннего кармана своего длинного жилета тонкий, изящный кинжал. Затем он тянется к фруктовому пирогу на подносе справа, вонзает кинжал в него и подносит кусочек ко рту. Он смакует каждую крошку десерта.

Я наблюдаю за ним, и по моей коже бегут мурашки. Сколько времени пройдет, пока он не придумает использовать этот кинжал, чтобы вырезать мне сердце? Хотелось бы мне сказать «никогда», но внутренний голос уверяет – это произойдет совсем скоро. Все, чего я хочу, – это чтобы то, что сломалось во мне сейчас, не жаждало этого так сильно.

КОСТЬ

В тишине мы с братьями возвращаемся в шатер, прохлада ночи пытается обмануть нас и заставить думать, что пустыня – довольно приятное место, а не адская дыра, коей она становится днем. Звезды подмигивают нам, будто они – истинные правители этого мира, а мы – всего лишь насекомые, желающие казаться больше, чем мы есть на самом деле. И я, в общем-то, с ними согласен.

Мой взгляд блуждает по темной громаде Приюта слева от нас. Большое овальное здание впитало в себя боль и тени, но я не могу перестать думать о том, что там – она.

В какой части здания? Думает ли она обо мне или о моих братьях? Тот, другой раб, безжалостно долбит ее, погружая член по самые яйца в ее текущую киску, а она в ответ молит, встречая каждый его толчок?

Я раздраженно выдыхаю, член снова твердеет – а я всего лишь двадцать минут назад пытался унять свое хозяйство. Думал, что сойду с ума, сидя за этим столом с членом, твердым как камень, и чувствуя на себе ее взгляд. Это все, что я мог предпринять, – лишь бы не прижать ее к стене и не

начать трахать так, что она кричала бы мое имя.

Не будет ни тихих вздохов, ни приглушенных стонов, когда я буду внутри нее. Я покажу ей, на что способно ее тело – я впивался бы зубами в каждый сантиметр ее тела, помечая и упиваясь силой, которая, как я знаю, течет в ее венах.

Я был почти благодарен Тиллео, когда он отпустил рабов клинка отдохнуть, чтобы они подготовились к завтрашним испытаниям. Гартокс, грубиян из Ордена Медведей, был в бешенстве. Он пялился на рабыню клинка с алыми волосами на протяжении всего ужина. Ей повезло, что она не успела узнать, что за гнусные идеи блуждали в его проклятой голове. Сначала он пялился на мою Рабу, но одного моего взгляда хватило, чтобы он о ней забыл.

Ненавижу этого «медведя» – все, что делает его Орден, идет в разрез с принципами Ордена Скорпионов, и меня бесит, что мы не можем просто взять и уничтожить их.

Я вновь резко, яростно выдыхаю. Отныне никому из других Орденов лучше даже не смотреть на Рабу. И плевать на все соглашения – я нарушу все, стоит кому-то лишь подумать о ней.

Тарек – Скорпиус, тут же поправляю я себя – слышит мое раздраженное пыхтение и смотрит на меня. Но он ничего не говорит – ждет, пока мы не окажемся в шатре, но в его глазах я вижу немой вопрос.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь взять себя в руки. Эта рабыня и так уже достаточно меня отвлекла – я называю бра-

тьев настоящими именами вместо тех, что мы придумали, чтобы обезопасить себя во время охоты. Здесь нет магии достаточно сильной, чтобы пробить стены шатра и наш разум. Ну, или такая магия очень редко встречается. Однако, после того, как я увидел, как этот милый Лунный Лучик *ходит по тени* в подвале, я не могу исключать и такого варианта. Тиллео что-то скрывает, и нам нужно немедленно разобраться с его секретами.

Череп отбрасывает занавес у входа в шатер, и мы располагаемся на привычных за столько Торгов местах. Череп идет напрямик к сундуку в изножье его кровати и достает стеклянную сферу с плотным серым туманом, плавающим внутри. Затем, выйдя на середину шатра, он бросает шарик на землю – стекло разлетается вдребезги, немедленно выпуская серое облако. Оно поднимается по стенам шатра, а затем вверх и сходится над нашими головами.

– Этого нам хватит на ночь, – объявляет он, и они со Скорпиусом одновременно смотрят на меня. – Что тебя так взволновало? Что ты узнал?

– Лисицы не смогли поведать мне ничего интересного. – Я решаю начать с самой скучной части. – Они в состоянии повышенной готовности – другой, неизвестный Орден украл их печати и подставил их.

– Рассветный Двор? – спрашивает Череп, его взгляд мечется между мной и Скорпиусом.

– Я так это понял. Кто-то хочет, чтобы мы думали, что они

ответственны за бойню в Рассветном Дворе. Может, они пытаются сбить нас со следа, но никто из них не захотел со мной уединиться – даже Киффин, как ты знаешь, что она охоча до ласк. Я никогда не слышал, чтобы эта сучка кому-то говорила «нет». Но сегодня ей явно было не до того. Они очень злы и пытаются на Торгах выследить тех, кто их подставил.

Скорпиус и Череп задумчиво кивают, пытаясь переварить неожиданные вести. Мы думали, что это они устроили ту охоту, но если их печать подделали, то все еще хреновее, чем кажется.

– Что еще? – спрашивает Скорпиус, принимаясь расстегивать пуговицы жилета.

Я делаю глубокий вдох и говорю:

– Она умеет ходить по теням.

Стоит мне произнести это, как оба брата застывают на месте.

– Кто? – спрашивает Скорпиус, но я вижу, что он догадывается, о ком я говорю.

– Наша маленькая Раба, вот кто. – Я вижу изумление на их лицах – точно такое же, какое испытал сам, впервые увидев, как она проделывает этот трюк. – О, а еще я видел, как она пробила череп охраннику вот этим, как будто у того вместо головы была яичная скорлупа, – добавляю я, доставая из внутреннего кармана жилета кинжал Скорпиуса.

Я бросаю нож ему, и он смотрит на лезвие так, будто оно сейчас споет ему о своем последнем кровавом приключении.

– Значит, она тоже сильная. – Взгляд Скорпиуса становится отстраненным – как и всегда, когда тот пытается решить какую-то головоломку.

– Я так и знал, что она – какая-то высокородная шавка, – говорит Череп, и я киваю.

Она должна быть из знатного дворянского рода – только они способны передать такую силу ребенку, но как? Мы следим за бастардами, рожденными от правителей четырех дворов. Их не так много, как можно подумать, но время от времени такие дети появляются на свет. Мы трое – тому доказательство.

– Как думаешь, Тиллео метит в нас? – спрашивает Скорпиус, его обсидиановый взгляд мрачнеет.

– Не думаю, что Тиллео вообще знает о ее способностях, – отвечаю я и вижу, как на лицах Черепа и Скорпиуса мелькает удивление. – Она охотилась на охранника в винном погребе. Он бродил там, очевидно, думая, что она прячется в ящиках или за полками, а не в тенях. Он так и не увидел ее приближения. Если бы Тиллео знал, что у нее есть такая способность, его личная охрана тоже должна была знать. И не только затем, чтобы защитить хозяина – они бы скорее подслушали, как он этим хвастался кому-то. Мы все знаем, какой он – не может держать язык за зубами, когда думает, что у него есть что-то, что принесет ему состояние.

– Если только она – не особое оружие, с которым он собирается что-то провернуть, – размышляет Череп.

– Но что он задумал? Он никогда не стремился прыгнуть выше головы – лишь хотел занять место Дорсина и создать собственную империю, – возражаю я.

– Она умеет что-нибудь еще? – вставляет Скорпиус.

– Кроме того, что она может оттрахать другого раба клин-ка так, что мне всю жизнь придется ходить со стояком в штанах, нет. Не думаю, – отвечаю я и в подтверждение своих слов поправляю вновь налившийся член.

– Черт, я только о ней и думал с тех пор, как мы выгнали ее из шатра, – признается Череп, и я не могу сдерживать смех.

– Теперь я присоединюсь к тебе в этих мыслях, брат. Клянусь. – В отчаянии я провожу рукой по коротким волосам.

Я мог бы позвать рабыню плоти, чтобы она помогла снять внезапно нахлынувшее напряжение. Я знаю, что у Тиллео они есть и готовы принять всех его гостей, но, подозреваю, это не возымеет того эффекта, на который я рассчитываю.

Я хочу не просто мокрую щель, я хочу ее. Я спустился в тот подвал, намереваясь просто понаблюдать за ней, как Скорпиус и велел. Но я не был готов увидеть, как она выходит из тени и убивает так искусно и чисто.

Когда она нанесла удар, в ее глазах не было ничего – не то что у других рабов клинка, которых я видел в последние годы. В ее смертоносном взгляде не было сомнений, а искру возбуждения, мелькнувшую в нем, вызвало не безумие или жажда крови. Она вершила правосудие – это было написано у нее на лице. Не знаю уж, что сделал тот охранник, но не

нужно быть гением, чтобы представить десяток его жутких выходок. Как бы там ни было, прикончить его показалось ей праведным делом. За миллисекунду до того, как она нанесла удар, я увидел фейри, которая живет по тем же законам, что и мы с братьями. И эти законы воззвали ко мне. *Она* позвала меня.

– Ну, так и что будем делать с этой рабыней? – рассеянно спрашивает Скорпиус – видимо, он надеется, что ответ сам появится в воздухе и мы сами позабудем о странной притягательности этой девицы.

Я собираюсь ответить, но сдерживаюсь – не думаю, что Скорпиус готов услышать правду. Он слишком тщательно все анализирует и придумывает идеальные планы. Он рассматривает проблему со всех сторон и лишь затем бросается в атаку. И он еще не понял, кто такая эта Раба. Череп просто хочет трахнуть ее – он, очевидно, полагает, что стоит ему удовлетворить это свое желание, он сможет забыть о ней. И он, как и Скорпиус, тоже не видит очевидного – хотя обычно более проницателен и полагается на интуицию.

Эта девушка, эта Раба – она одна из нас. Она не такая, как те, которых Тиллео обычно выпускает из своего Приюта. Он не сумел сломать ее и превратить в бестолковую наемную убийцу.

Да, она убивает. Она, возможно, даже наслаждается убийством, когда у нее все выходит как надо – например, как с охранником в подвале, но это еще не все. Она хочет бороть-

ся с несправедливостью в этом мире, наказать недостойных и восстановить баланс.

Скорпиус сказал, что мы не будем брать с собой никаких домашних животных, но думаю, он скоро узнает, что я себе уже присмотрел зверушку. Она наша – и просто ждет, когда мы заявим на нее свои права. А я не могу дождаться, чтобы поставить на ней нашу метку.

Я иду к выходу, и мне в спину летит голос Скорпиуса:

– Куда ты направился?

– Нужно разобраться с телом, которое она после себя оставила. Не хочу, чтобы его кто-то обнаружил и вышел на нее – или узнал, что она использовала твой клинок, чтобы прикончить того типа, – бросаю я через плечо, отодвигаю створки у входа и вновь выхожу в удивительно свежую пустынную ночь.

Скорпионы всегда прикрывают друг друга. Череп и Скорпиус, возможно, еще не знают об этом, но наш дозор начинается сейчас.

Осет

– Не шевелись, маленькая дрянь. – Вилик сжимает в кулаке пряди моих волос, дергает их и дает мне пощечину.

Я скриплю зубами, но ничего не говорю, продолжая сидеть неподвижно – как и всегда. Вилик всегда вымещает свое недовольство на нас, но сегодня утром мне особенно трудно не повернуться и не вклепать ей по щеке в ответ. Не моя вина, что Тиллео приказал сделать сегодня всем рабыням клинка сложную укладку с косичками. Сегодня начало испытаний, и Тиллео ждет, что мы будем выглядеть достойно и представительно.

Моя голова снова дергается в сторону, и я думаю о том, что Фигг придет в ярость, если я испачкаю кровью свою кремовую тунику еще до состязаний. На кожаных штанах гранатового цвета пятен видно не будет, а вот полупрозрачная безрукавка обречена.

Решив, что этих двух рабынь, от которых я пока завишу, лучше не злить, я лишь недовольно ворчу. Вилик же обещает вырвать мне все волосы, добавляя финальные штрихи к последней косичке, которую осталось заплести.

Когда все наконец готово, я встаю прежде, чем она успевает выбить табурет из-под меня, и поспешно покидаю уборную.

Мое чувство самосохранения что-то барахлит и нельзя позволить ему втянуть меня в неприятности серьезнее тех, в которые я уже успела попасть. Хотела бы я сказать, что почти не спала прошлой ночью. Что в ужасе представляла, как проснусь от того, что надо мной угрожающе навис «скелет» и приставил кинжал к моему горлу. Или от того, что в Приюте подняли тревогу – кто-то нашел тело Крита в винном погребе.

Как ни странно, но я спала так крепко, словно мне было плевать на все в этом мире. И, что удивительно, прошлой ночью не было ни кинжалов у горла, ни сигнала тревоги.

Сегодня утром я ощущаю лишь легкое беспокойство по поводу того, что я вообще не беспокоюсь из-за всего происходящего. Простой ночью меня осенило: а вдруг Тиллео просто издевается надо мной? Я проговаривала про себя его туманные инструкции снова и снова. И, как бы я ни была уверена, что он подставил меня в надежде, что я провалюсь, теперь крошечная – но все же – часть меня засомневалась. А вдруг это – какой-то трюк, коварная игра Тиллео? Может, это и не так, но я и раньше ошибалась в его мотивах.

– Рабы клинка! Чтоб были в яме через десять минут, – кричит охранник, его громоподобный голос эхом отражается от стен.

Я провожу руками по тонкой ткани безрукавки, разглаживаю ее – хоть и не знаю зачем. Вероятно, к концу дня она изменится, порвется и окрасится красным. И это печально, потому что это вторая самая мягкая вещь, которая у меня была когда-либо.

Я пристраиваюсь позади Кина и Парин – они уверенно продвигаются к ямам с песком, устроенным в самом центре Приюта. К нашему шествию присоединяются другие рабы клинка, и мы вместе отправляемся к месту, в котором провели большую часть времени в Приюте.

Выйдя на открытое пространство самой большой ямы, я замечаю красную ткань – она развешена на перилах ограждений над нами. Кто-то попытался украсить этот круг песка и жестокости, сделать его элегантнее и ярче. А мне хочется сорвать эти декорации и сжечь их, потому что это – ложь.

Сейчас раннее утро, но песок уже нагрелся – значит, нас ждет полный жара и несчастья день. Солнечные лучи проникают в проем над нами, на ярком небе нет ни облачка. От этой бесконечной синевы мне хочется завывать, я готова вопрошать у неба, почему оно – такая задница, что постоянно отгоняет от себя наших белых, пушистых защитников. Но какой в этом толк? Небо ненавидит нас так же, как и песок под ним – больше нас ненавидят только наши учителя и другие рабы клинка.

Все рабы-мужчины стоят плечом к плечу справа, а женщины – слева. Я быстро занимаю свое место. Когда расста-

новка окончена, я наконец могу рассмотреть яму – и впервые вижу высокие толстые столбы, вбитые в песок.

У меня сжимается желудок, когда до меня доходит, что сейчас будет. Я видела подобное раньше, на себе я испытала эти столбы лишь однажды – но их обычно приберегали для наказаний и вкапывали в песок за пределами Приюта.

С одной стороны ямы установлен помост с деревянными скамьями, на которых разложены бархатные подушки. Мы должны устроить шоу для членов Орденов, и я чувствую досаду. Я знала, что нас будут проверять, но думала, что нас осмотрят, потребуют показать, как мы умеем обращаться с различным оружием, а затем будут смотреть, как мы сражаемся друг с другом врукопашную. Но столбы... это совсем другое.

Вдруг раздается хлопок кнута – и все мысли о том, каких страданий заслуживают учителя, и злое безоблачное небо – все катится в пустоту, словно валуны по крутому оврагу.

Я смотрю прямо перед собой, тело напряжено, мозг готов и ждет команды. Напротив нас, у столбов, стоит мастер Чен – его тело и взгляд – отражение наших взглядов и тел.

Мы вынуждены ждать появления Тиллео и сопровождающих его членов Орденов, но вскоре до нас начинают долетать обрывки возбужденных бесед. Гости неторопливо занимают места на скамьях, слуги поспешно раскрывают над ними большие зонты, предлагая прохладную тень и спасение от солнца. Из ниш, расположенных по краям ямы, выходят

рабы с большими листьями – они обмахивают ими гостей, пока те не найдут подходящую бархатную подушку и не опустят на нее свои изнеженные задницы.

«Скелеты» устраиваются в самом последнем ряду, прямо в центре, и мое сердце начинает учащенно биться – их черные взгляды устремлены прямо на меня. Я заставляю свои глаза не фокусироваться на отдельных чертах их напряженных костяных лиц. Сегодня и так будет тяжело, не стоит усугублять положение назойливыми мыслями и тревогой, что «скелеты» могут сделать со мной за мою дерзость. Нужно сохранять спокойствие и спрятаться в собственном разуме – там есть место, куда боль не сможет добраться; это мой единственный шанс выстоять в том испытании, которое нам предстоит.

Яма затихает в предвкушении, члены Орденов оглядывают нас, замерших перед ними. Тиллео кивает, и мастер Чен хлопает кнутом в воздухе, а затем обвязывает его, словно ремень, вокруг талии.

– У вас есть ровно пять минут, чтобы выбрать себе столб, вырвать из песка меч, закопанный рядом с ним, взобраться на него и стоять наверху до тех пор, пока я не разрешу слезть. Вперед! – внезапно кричит он, и мы, словно стрекочущие муравьи, понеслись к столбам.

Харш и горстка других рабов клинка, что всегда борются за первое место, бросаются к первой линии столбов. Я же выбираю другой вариант – столб прямо посередине второй

линии, где я смогу частично спрятаться от посторонних глаз. Другие рабы клинка уже начали взбираться на свои столбы, но кое-кто планирует все наперед – зная, что за жаркий денек нам предстоит.

Я выбираюсь из штанов и бросаю их на рукоятку меча, все еще торчащую из песка. Ненавижу, когда меня выставляют напоказ в одном нижнем белье, но эти штаны будут забирать у меня силы: я буду потеть в них, так что обезвоживание начнется быстрее. Если бы меня заставили стоять под палящим солнцем, когда я только оказалась в этой пустыне, у меня бы были такие ожоги, что понадобилась бы помощь лекаря. Однако за долгие годы солнце подчинило мою кожу себе – бледная и нежная раньше, она приобрела теплый оттенок бронзы. Затем я стягиваю с себя безрукавку и быстро повязываю на голову: так пот не будет течь в глаза – хотя бы временно.

Я вырываю меч из песка и хватаю штаны как раз вовремя – мастер Чен уже кричит мне:

– У тебя осталось две минуты!

Я спешу взобраться на столб высотой в три моих роста и ругаюсь про себя – на вершине я обнаруживаю, что в ширину он всего на пару пальцев больше, чем одна моя ступня. Я ставлю ногу на место, с силой подтягиваюсь и тут же нахожу равновесие – навык, отточенный за годы жизни в Приюте, а потом быстро оборачиваю меч кожаными штанами. Да, так он будет тяжелее, но кожа не даст металлу жечь мне руки,

когда беспощадное солнце пустыни раскалит его докрасна.

Я оглядываюсь вокруг и вижу, что слишком много рабов клинка остались в одежде. Разделись немногие, и лишь один догадался проделать с мечом и штанами то же, что и я – это был Кин.

Мне хочется привлечь его внимание, чтобы он подтвердил, что мы все сделали правильно, но я сомневаюсь. Тиллео может выпороть нас за то, что мы разрушили идеальный образ, который он, похоже, хотел создать с помощью нашей одежды и причесок – ну, или он может похвалить и наградить нас за изобретательность. Когда имеешь дело с Тиллео, никогда не знаешь, что взбредет ему в голову.

Очередной удар кнута эхом отражается от стен вокруг ямы. Я стою на одной ноге на вершине столба и пытаюсь расслабиться.

– Мечи – вперед! Держите руки прямо и не опускайте их, пока не получите разрешения, – рявкает мастер Чен, и все рабы клинка выполняют приказ.

В яме вновь воцаряется тишина, начинается испытание. Мы будем стоять на этих столбах до тех пор, пока не упадем. Тот, кто рухнет вниз первым, будет наказан. За ним последуют и другие, и лишь несколько рабов клинка смогут перебороть себя и получают право сказать, что выстояли до конца. А члены Орденгов будут за нами наблюдать, пока им не надоест – имя победителя им, вероятно, назовут, когда они уже будут отдыхать в охлажденных магами комнатах, окру-

женные тарелками с едой и сплетнями о королевстве.

Хотелось бы мне больше злиться, чем завидовать. Гнев может быть топливом, а зависть истощает.

Сконцентрировавшись на дыхании, я делаю все возможное, чтобы отключиться от своего тела и нырнуть в мысли, словно в пруд с прохладной водой. Я представляю, что я невесома, представляю, как я вгрызаюсь в сочное мясо, кладу в рот сладкие ягоды и запиваю все это вином, что заставляет меня почувствовать себя живой и непобедимой. Не помню, чтобы хоть раз пробовала что-то из этого, и все же я чувствую вкус мяса, ягод и вина на своих губах, как будто они реальны. Я не могу объяснить, откуда у меня эти странные воспоминания, но я позволяю им кружить мне голову и уводить все дальше от реальности.

Уже далеко за полдень, когда мое тело требует, чтобы я вернулась на землю. В реальность меня буквально выдергивают, и в ней мои мышцы вопят от боли, а нога требует, чтобы с нее сняли этот груз.

Оглянувшись вокруг, я вижу, что все рабы клинка еще балансируют на жердочках, но, судя по виду нескольких из них, это ненадолго. Впервые с начала испытания я меняю позу, меняю и руку, держащую меч. Это приносит небольшое, но все же облегчение – а это лучше, чем ничего. С великой осторожностью я переставляю одну ногу, чтобы освободить место для другой.

Я наконец переношу вес на другую ногу и замечаю, что

все скамьи пусты. Я уже собираюсь позлорадствовать, что члены Орденов сдались так быстро, но вдруг знакомый громкий голос привлекает мое внимание. В нескольких столбах от моего мастер Чен стоит под напряженной рабыней клинка и что-то громко объясняет собравшимся вокруг него членам Орденов. Тиллео стоит позади него, жадно наблюдая за происходящим, а раб дома яростно машет опахалом из листьев, пытаясь смахнуть пот, медленно скапливающийся на лбу его хозяина.

– Она отлично взламывает замки и может распутать самые распространенные узлы, обучена владению всеми необходимыми видами оружия, но лучше всего владеет гномьей киркой для ближнего боя и ассегаем³ – для дальнего. Как и у всех рабов клинка, у нее выработалась толерантность к большинству токсинов, но она по-прежнему восприимчива к цветкам лиственницы и укусам *саркаров*. Она заняла первое место на тренировках по соблазнению, доказав, что весьма искусна в удовлетворении как мужчин, так и женщин. У нее более хрупкое телосложение, чем у некоторых других рабынь в этой партии, но нехватку мышц она компенсирует гибкостью. Мастер Дарроу говорит, что нет такой позы, которую бы она не могла принять – а это довольно полезный навык.

Члены Орденов кивают, глядя на Орит, как на какую-то

³ Ассегай (или ассагай) – название разновидности копья, применявшегося у народов Южной и Юго-Восточной Африки.

скотину — только скот бьют по ногам, гнут и проверяют суставы, чтобы убедиться в его пригодности. Пот стекает по ее покрасневшему лицу, руки трясутся, пытаюсь удержать меч прямо.

Мастер Чен переходит от основания шеста Орит к Харик, который, кажется, справляется немного лучше. Его рубашка промокла от пота и прилипла к телу, и, хотя дрожь в его руках менее заметна, чем у Орит, я замечаю, что подрагивает все его тело — и это заставляет меня изменить свое мнение. Возможно, Харик потеряет сознание раньше, чем Орит.

Мастер Чен начинает перечислять умения Харика и говорит о его эффективности, как бойца. Я удивляюсь наблюдениям, которые собрали учителя, — хотя, наверное, и не должна, ведь это поможет продать нас. Однако детальность этих наблюдений нервирует.

Как и Орит, Харик держит голову высоко поднятой, его взгляд устремлен в пустоту. А мастер Чен говорит о нем так, словно он — не более чем товар.

Интересно, что творится в голове у раба клинка, когда членам Орденов рассказывают, что он хорош в освобождении от пут, но слаб перед ядами, выбирает в качестве метода убийства обезглавливание, даже когда предпочтителен более деликатный подход.

От рассказа мастера Чена меня отвлекают капли пота, свободно скользящие по моей спине. И я вновь переключаю внимание на жуткий дискомфорт во всем теле. Мышцы рук

затекли и затвердели, нога, на которую я только переступила, уже заныла, и только безрукавка, что я повязала на голову, справляется со своей задачей – жгучий пот не льется мне в глаза. Так что я сосредоточилась на том, с чем не возникло проблем, и отмахиваюсь от желания пошевелиться и размять затекшие мышцы. Снова смотрю на толпу членов Орденов, собравшихся рядом со мной. В ту же секунду голова какого-то «волка» чуть сдвигается в сторону, и мой взгляд падает прямо на лицо одного из «скелетов».

Почему мне никак не удастся отделаться от их высасывающих душу взглядов?

Странный жар разливается в моей груди, но я не могу заставить себя отвести взгляд. Благодаря их мастерски сотканным чарам, я вновь не могу сообразить, на кого из троицы я смотрю. Однако я изображаю покорность – которой он, к слову, не заслуживает, – и опускаю глаза.

Он, в свою очередь, следит за бисеринкой пота, что бежит по моей шее вниз, меж грудей, прокладывает себе путь по прессу и исчезает, впитавшись в ткань нижнего белья.

Мои соски тут же напрягаются от такого внимания – реакция, которую тонкая обмотка на моей груди скрыть не в состоянии.

Просто идеально – вся толпа членов Орденов медленно перемещается по площадке и собирается под моим столбом. На лице «скелета» я замечаю намек на улыбку, а затем его от меня закрывает какой-то бородач. Возможно, это неразум-

но, но теперь вместо «скорпиона» я принимаюсь разглядывать члена Ордена Воронов – скорее всего, он из них, так как вплел в волосы перья. Он не обращает внимания на вызов в моем взгляде, но, думаю, счет в мою пользу – он сдался мне.

Мастер Чен начинает говорить, а я по очереди встречаюсь глазами с каждым из членов Орденов, стоящих вокруг:

– Осет попала к нам позже остальных из этой партии, однако, это не помешало ей развить потрясающее мастерство. На самом деле, многие из учителей были впечатлены тем, с каким усердием эта рабыня принялась за учебу и тренировки – и с какой скоростью начала овладевать знаниями. Она превосходно владеет всеми видами оружия, а однажды она сразила противника с пустым колчаном в руках. Стрел не хватило, чтобы покончить с ним: так она разорвала колчан на части и задушила противника куском замши, – продолжает мастер Чен, и обладатель волчьей головы, с которым я только что встретилась взглядом, с интересом слушает моего учителя.

– Хотел бы я на это посмотреть, – рычит «волк», и мастер Чен кивает так, будто он – джинн, и с радостью исполнит любое желание гостя.

– Ум этой рабыни такой же острый, как и ее оружие. Она расчетлива, но полагается на инстинкты, часто сознательно преуменьшает свои способности, чтобы избежать любых трудностей, которые могут возникнуть в социальном плане из-за ее нового высокого положения, – добавляет мастер, а я

хочу броситься на него за то, что он объявил о таком в яме, полной рабов клинка. С другой стороны, мне хочется обручать себя – как я не поняла, что у меня не слишком хорошо получается скрывать свои намерения?

– Важно отметить, что эта рабыня не обучалась соблазнению. Вместо этого она достигла превосходного уровня сопротивляемости любым пыткам и наказаниям. У нее высокая терпимость к боли и тело, способное исцеляться быстрее и качественнее, чем у большинства. Она справится с ролью приманки лучше, чем любой раб клинка, что когда-либо бывал в нашем Приюте.

От этого заявления я впадаю в ступор и пораженно смотрю на мастера Чена. Он что, действительно только что сказал собранию лучших наемных убийц, что я буду идеальной приманкой? Чтобы меня ловили и пытали снова и снова, просто потому, что мое тело способно будет исцелиться после этого?

Я в упор смотрю на ублюдка, и он тут же хватается за рукоятку кнута, обмотанного на талии. Впервые я задумываюсь – а не был ли приказ Тиллео об убийстве скорее милосердием ко мне, чем наказанием? Если мне суждено бесконечно играть роль приманки, то смерть, несомненно, благо для меня.

Я смотрю на учителя: подозреваю, он ждет не дожидается, когда ему выпадет шанс поквитаться со мной за мою непокорность, что я демонстрировала все эти годы. То, что меня

освободили от уроков соблазнения, учителя никогда не забудут – и плевать, что это был приказ Тиллео. И до сих пор я не догадывалась, что задумали учителя – до этой секунды. Они подняли мою цену, описали способности так, словно я – идеальный раб клинка. А потом всего лишь несколькими сказанными в нужный момент словами подписали мне приговор – остаток жизни я буду выть от боли.

Ублюдки.

– Двигаемся дальше, – объявляет мастер Чен так, будто моя судьба решена.

Я смотрю на Тиллео, но он уже идет прочь от меня к следующему столбу.

Я начинаю терять равновесие, и мне требуется собрать все силы, чтобы сдержать гнев и изумление. Я должна была догадаться, но не догадалась. Учителя изменили свое мнение обо мне в тот день, когда Тиллео отказался выгнать меня из Приюта. Я знала, что последнее слово за ним, что он защитит меня – в некотором роде. Но теперь я поняла, как ошибалась, и мне хотелось заорать от осознания собственной глупости. Однако благодаря тому же Тиллео, я уже смирилась с тем, что моя жизнь закончится еще до завершения Торгов.

Они не могут причинить мне боль. Больше нет. Так я себя уговариваю, пока пытаюсь вновь забыться, а мое тело, сжигаемое палящим солнцем, пытается удержаться на верхушке узкого столба. И во мне нет ничего, кроме жажды мести, что течет по моим венам.

Тревога охватывает меня целиком, я шагаю назад и прячусь в тень настолько глубоко, насколько позволяет стена у меня за спиной.

Шаги, из-за которых я и запаниковала, стихают вдали, но облегчения это не приносит, и я не смею вздохнуть. Я проникла в алхимическую комнату и теперь оглядываю полки и копаюсь на той, что уставлена баночками с целебными настоячками и травами.

Наконец, я нахожу яды, которыми лекари пичкают рабов клинка. Нам говорили, что это нужно, чтобы мы стали устойчивы к распространенным среди наемных убийц ядам, и однажды это может спасти нам жизнь. Однако слишком многие лекари и охранники наслаждаются страданиями, которые причиняет содержимое этих невинных на вид склянок. И тогда вся их доброта тут же испаряется, как утренний туман.

Все флаконы и мешочки аккуратно подписаны и разложены по порядку. Предполагается, что я не смогу ничего прочесть; аккуратный список с названиями ядов не должен представлять угрозу для лекарей и охранников, которые держат нас в ежовых рукавицах.

Но сегодня все изменится. Я придвигаюсь ближе к полке, отбрасывая этикетку за этикеткой, пока не нахожу то, что

мне нужно.

Лекари называют его *покойн*. Я не знаю, как они его готовят или где собирают, зато я знаю, что, если принять его слишком много за раз, он вызовет ужасное истощение. Яд проникает в ткани медленно, разъедая фейри изнутри, и убивает чаще, чем спасает. На второй год пребывания в Приюте наша группа получила этот самый *покойн*, и он убил больше половины из нас. Думаю, самое время охранникам и лекарям испытать его действие на себе.

Я засовываю светло-желтый пузырек за пояс штанов и осторожно возвращаюсь в тень. Пузырек в относительной безопасности – главное, чтобы он не разбился, когда я шагну в тень, что впустила меня сюда, а затем выйду в темный коридор с другой стороны.

Напустив на себя беззаботный вид, я выхожу из крыла лекарей, что занимает целую сторону первого этажа Приюта, и направляюсь к столовой.

Наконец я останавливаюсь и с бесстрастным лицом прислоняюсь к темной стене – как будто просто наслаждаюсь утром. Однако сердце колотится в груди как сумасшедшее.

Мимо проходят другие рабы клинка, но никто даже не смотрит в мою сторону. Еще рано, и основная часть рабов все еще лежит в комнатах, пытаюсь урвать еще несколько секунд сна перед началом сегодняшних испытаний.

Я жду, пока коридор опустеет, а затем прохожу через стену и попадаю в кладовую в задней части кухни.

В помещении, кроме меня и мешков с зерном, никого нет, я гулко выдыхаю, и на меня накатывает облегчение. Если бы я не знала, как эта сука ненавидит меня, я бы сказала, что удача сегодня на моей стороне – но лучше ей не доверять. Эту комнату я нашла случайно, когда бродила голодная по коридорам и провалилась сквозь стену. В ту же ночь я поняла, что лекарям и охранникам не приходится есть прогорклую кашу, как рабам клинка.

Я подкрадываюсь к холодильнику и открываю дверь. Как и всегда, там стоят бутылки с чем-то похожим на молоко. Я хватаю одну бутыль, быстро откупориваю ее и вливаю половину склянки *покойна*. Затем засовываю пробку обратно, взбалтываю и вновь ставлю бутыль на полку холодильника. Оставшуюся часть яда я выливаю в другую бутылку и тоже возвращаю ее на место.

В кладовую я наведываюсь лишь время от времени, когда уверена, что мне это сойдет с рук – и я всегда тщательно выбираю, что взять. Повара внимательно следят за всем, что тут лежит, но обычное беспокойство, которое всегда сопровождает меня в подобных вылазках, сегодня притупляется тем фактом, что в этот раз я ничего не краду. Я выберусь отсюда незамеченной, и никто ничего не заподозрит, пока все кругом не заболеют – но будет уже слишком поздно. Так что я осторожно закрываю дверцу холодильника и возвращаюсь к темной стене.

Я делаю глубокий вдох и готовлюсь ступить в тень – из

нее я выйду в коридор на центральном этаже, и если меня кто-то увидит, мне конец. Но я же все равно умру, просто так я встречу со смертью чуть раньше.

И тут меня осеняет: я же должна где-то спрятать пустой пузырек! Я собиралась вернуть его в алхимическую комнату на случай, если лекари заметили пропажу, но, вероятно, было бы разумнее не попадаться им сейчас на глаза – вдруг меня сейчас кто-то заметит?

Я бросаюсь в сторону и прячу склянку в темном углу за большим мешком на нижней полке. Он пыльный, и я надеюсь, это пользуются им нечасто, так что какое-то время пузырек из-под яда не найдут.

Не успев опомниться, я шагаю сквозь стену и высовываюсь наружу, чтобы убедиться, что песчаные ямы и коридор пусты. Я никого не вижу, но все равно задерживаю дыхание, выходя в затемненный коридор.

Поспешно, но так, чтобы не вызвать подозрений, я иду к столовой. На мгновение я решаю вернуться в спальню, но утром я уже была у Фигг и Вилик, так что идти мне туда незачем. Так что я решаю, что разумнее отправиться на завтрак. Мой желудок согласно урчит, и мне бы хотелось, чтобы в столовой меня ждало что-то, кроме каши. Однако мысль о том, что сейчас лекари и охрана как раз начинают свою утреннюю трапезу, доставляет мне куда больше удовлетворения, чем еда.

Они годами наслаждались нашими криками, и я не могу

дождаться, когда смогу пуститься в пляс уже под их вопли.

Стоя в очереди за утренней порцией гадости, я ухмыляюсь и, чтобы успокоиться, обдумываю сегодняшнее испытание. Если я выйду в яму слишком взбудораженной тем, что только что сделала, это вызовет любопытство – и кто-то задумается, что же происходит в моей голове, а я этого не хочу.

К счастью, сегодняшнее испытание для меня не секрет. Фигг выдала мне кожаные доспехи, а Вилик заплела боевые косы. Видимо, сегодня мы продемонстрируем Орденам, на что способны: мы будем биться друг с другом. Рабов клинка в столовой собралось гораздо больше, чем я ожидала. В комнате царит напряжение, на всех – одинаковые боевые доспехи.

Я беру миску с кашей и сажусь на место, которое занимаю с момента моего появления здесь. Тария сидит слева – она уже наполовину покончила со своей безвкусной жижей. Я же зачерпываю только первую ложку и наблюдаю, как медленно заполняются другие столы вокруг. Справа от меня усаживается Лето и шумно вздыхает. Я не знала, что все это время он был так близко ко мне.

С минуту я изучаю его лицо – будто надеюсь, что оно выдаст его, если он видел, как я вышла из теней на стене. Но он выглядит совершенно обычно. Харш устраивается напротив Лето, а Йотта опускается на край скамьи с моей стороны.

Все напряжены, все чего-то ожидают, но никто не выглядит так, будто увидел что-то необычное. Я приказываю сво-

ему сердцу успокоиться и не искать больше никаких признаков того, что меня заметили. Это не так – просто все знают, что от следующего испытания зависит очень многое. И только я знаю: что бы я сегодня ни показала в яме, это никак не повлияет на мою приближающуюся смерть.

– Ты сегодня ужасно веселая, – замечает Лето, игриво толкает меня в плечо и набивает рот кашей.

– Не то чтобы веселая – скорее, смирившаяся, – возражаю я, и Харш ворчит в ответ.

Я не знаю, что означает его ворчание, но мне все равно, что думает Харш о чем бы то ни было, так что я не пытаюсь ничего выяснять.

– Ты ведь с Орденом Скорпионов, верно? – спрашивает Тария, и я киваю. – Какие они? – В ее голосе нетерпение, и я вспоминаю, что еще до того, как Торги начались, она упоминала, как жаждет привлечь их внимание.

– Да, Осет, какие они? – поддакивает Харш – он явно считает, что мне есть что сказать по этому вопросу.

Я бросаю на него свирепый взгляд, и это, кажется, напоминает ему о моем обещании – о том, которое я намерена выполнить, если он не заткнется. Он опускает глаза в миску с кашей и больше старается взгляда от нее не отрывать.

Лето бросает на меня любопытный взгляд, но я игнорирую вопрос, написанный у него на лице, и оглядываюсь по сторонам. Сегодня на кухне Сораг, и обычно его не волнует, что мы переговариваемся за столом.

Я смотрю на Тарию – она взволнованно уставилась на меня. Я стараюсь не поежиться от нетерпения, блестящего в ее ясных карих глазах.

Я хочу сказать ей, что «скорпионы» такие же, как и другие хозяева здесь, они властны и жестоки, но я не хочу убивать в ней надежду. В этом ужасном месте достаточно вещей, которые отлично справляются с этим – и я не хочу им в этом помогать. Мнение о том, что приятное волнение – не то чувство, что стоит позволять себе испытывать в месте, вроде Приюта, я тоже постаралась проглотить.

Вместо этого пожимаю плечами. Я не совсем уверена, что вообще можно сказать о трех «скелетах», которые, кажется, теперь следуют за мной повсюду.

– Я не так много общалась с ними, – начинаю я, давая понять, что я не эксперт по части Ордена Скорпионов, хотя Тария явно надеется, что это не так. – У них множество талантов, – звучит довольно туманно, но что сказать о хождении по теням и ловле кинжалов на лету в подвале. – Когда учителя сказали нам, что они лучшие, они не ошиблись. Да, «скорпионы» выглядят такими же изнеженными, высокомерными засранцами, как и члены других Орденов. Но они более независимы и умны, чем я думала. – Я вспомнила первую ночь в их шатре: они сами сняли доспехи и сами же оделись перед вечеринкой Тиллео. – Вот и все, что я о них узнала.

Я решаю умолчать о вуайеризме, которым увлекается по крайней мере один из «скорпионов», а еще скрываю интим-

ные подробности, которые я знаю о члене Скорпиуса. Полагаю, Тарию не интересует дикая сторона притягательности Ордена Скорпионов, поэтому я держусь профессионально и не упоминаю о перечне соблазнительных достоинств, скрытых под их чарами, который я составляю.

– Как думаешь, они ищут кого-то в Орден в этом году? – спрашивает она: скрыть свою горячность у нее не выходит.

Я запихиваю в рот ложку каши, чтобы не пришлось отвечать сразу. Я жую и с непринужденным видом наблюдаю за ней, пока она терпеливо ждет ответа.

Она выглядит такой юной, такой маленькой. Она – самая миниатюрная из рабынь клинка, но не менее искусна и неумолима. Ее кожа цвета эбенового дерева безупречна, а ее яркие карие глаза большие и красивые. Она из тех красавиц, которых так и тянет защитить, довериться им, что делает ей подобных еще опаснее и смертоноснее. Если бы члены Ордена Скорпионов наконец перестали страдать херней, Тария могла бы стать отличным вариантом для них. Но я подозреваю, что Тария сработается с Орденом Лисиц – хотя сейчас ей явно не хочется слышать об этом.

– Я замолвлю за тебя словечко, – предлагаю я ей – будто мое слово что-то значит для членов лучшего из Орден. Тария должна это понимать, но ее улыбка вспыхивает еще ярче, и она застенчиво склоняет голову в знак благодарности.

– Спасибо, Осет. Я очень ценю это, – говорит она, и я игриво подталкиваю ее плечом, прямо как Лето.

Не знаю, что ей говорит мое касание. Я вообще чувствую себя неловко, когда внезапно прикасаюсь к кому-то, хотя обычно этого не делаю...

Да и к черту! Я умру не сегодня – завтра. И даже если мой жест показался ей странным, я никогда об этом не узнаю. Я не сомневаюсь, что этот год будет таким же, как и все предыдущие, – Орден Скорпионов не делает ставки на рабов клинка. Но я все равно расскажу им о Тарии. Уверена, это будет хорошим поводом, чтобы сменить тему, когда кто-нибудь из них прикажет мне снова вымыть его член.

За столом становится тихо, остальные едят и, кажется, обдумывают свои шансы на этих Торгах. У меня же шансов нет, и внезапно тишина начинает меня нервировать.

– А как насчет Ордена Змей? Вы же с Хариком должны прислуживать им? – спросила я и повернулась к Лето.

Это на меня не похоже: на мгновение он выглядит озадаченным вопросом. Или, может быть, дело в том, что я спрашиваю его о чем-то, кроме того, не хочет ли он встретиться вечером.

– Какие они? – подталкиваю я его к рассуждению, и весь стол затихает, поворачиваясь к нему. Все ждут любой информации, которая поможет лучше разбираться во всех этих хитросплетениях Орден.

– Они очень тихие, тише, чем я думал. Они почти не разговаривают друг с другом, не говоря уже о других орденах, – делится он, и тут же кто-то говорит об Ордене Волков и их

склонности метить свою территорию.

– То есть их волчьи штучки – это не просто чары? – смеюсь, спрашивает Парин и изображает отвращение.

Я думаю о людях-волках, которые не приучены к горшку, и улыбаюсь. Но при звуке тяжелых шагов, раздающихся из коридора, улыбка с моего лица тут же пропадает, в столовой мгновенно воцаряется молчание.

В комнату входит мастер Вильде, и мы тут же вскакиваем на ноги. Скрип ножек скамей о камень пронзает воздух. Все молчат, но я практически слышу, как, заведя жестокого учителя, каждый раб клинка надрывно стонет про себя. Вильде есть в моем списке тех, кого я хочу убить, – он идет сразу после Тиллео.

– Сегодня вы будете сражаться в яме до тех пор, пока на ногах не останется лишь один из вас, – рычит он, его серые, будто подернутые плесенью, глаза жаждут боли и крови, что сегодня окрасит песок ямы. – Вам будет назначен противник, но как только он будет повержен, вы можете атаковать любого. Вам разрешается пользоваться только назначенным вам оружием. Вам все ясно?

– Я – твой клинок, так повелевай мной!

Мы мгновенно отвечаем в унисон, демонстрируя наше полное подчинение, и по лицу Вильде расползается безжалостная улыбка. Я вижу, как вздымается его грудь, а глаза темнеют – это власть бьет ему в голову, и я уже знаю, что сегодняшний день будет очень неудачным для слишком мно-

гих из нас. Он начинает называть пары и назначать оружие.

Я напоминаю себе, что для меня все это не имеет значения. Моя судьба уже решена. Но в желудке все равно оседает тяжелый камень – составляется все больше и больше пар, и я понимаю, кто достанется мне, еще до того, как мастер Вильде назовет его имя.

Таур. Я могу разглядеть этот коварный ход учителей с расстояния в несколько километров. Таур огромный – он самый большой в нашей партии рабов. Он быстрее, чем можно подумать, учитывая его габариты, и его можно победить, если только я смогу оставаться вне его досягаемости, измотать его.

– Таур, тебе назначен хаудеген⁴. Осет, а тебя просили показать, как ты умеешь обращаться с луком.

Лицо мастера Вильде расплывается в злобной усмешке, и мне требуется пара секунд, чтобы понять, почему он усмехается. Он сказал «лук», а не «лук и стрелы». Они хотят, чтобы я одолела этого огромного зверя бесполезным луком и ничем больше.

Отлично. Просто, на хрен, замечательно.

– Ах да. Тиллео разрешил убить двоих в этом испытании. Ничто так не возбуждает Ордена, как запахи крови и смерти, витающие в воздухе.

⁴ Хаудеген – (англ. Mortuary sword, нем. Haudegen) – тяжелый кавалерийский меч, «покойнический», применявшийся с 1620-х годов кавалерией по всей Европе, особенно в Англии.

Гнилой серый взгляд Вильде устремлен на меня, и посыл его мне совершенно ясен. Два фейри умрут сегодня, и не нужно быть тактическим гением, чтобы догадаться, кого кровожадный учитель хочет видеть в их числе.

Чем дальше, тем лучше.

Часть меня хочет крикнуть Вильде, что у Тиллео большие планы на меня, так что убить меня сегодня – не самая лучшая идея. Но никто не знает об этом, кроме меня и него... и, возможно, Ордена Скорпионов. Да и это зависит от того, к какому выводу они пришли после моего загадочного заявления в ту первую ночь в их шатре. И я вспоминаю, что отныне я могу больше не сдерживаться.

Конечно, мне не стоит рисковать и раскрывать все свои секреты, но я точно могу дать волю своей жажде крови, как я всегда и мечтала.

Медленно ужас, охвативший меня, вытесняет предвкушение, и я принимаюсь изучать Таура, оценивать его. Мне не нужно усмирять свои инстинкты в этом бою.

По моему лицу скользит улыбка. Мастер Вильде замечает, что я улыбаюсь, и блеск в его глазах тускнеет от сомнений.

Моя улыбка становится еще шире. Два тела будут лежать на песке, а я должна остаться в живых. Я могу это сделать. К черту Вильде и всех остальных, кто думает иначе. Скоро они будут плевать и обсирать все вокруг, и я не могу дождаться, чтобы посмотреть, как они будут медленно и очень мучительно умирать.

Тяжело дыша, я ускользаю от очередного жестокого удара смертоносного длинного меча Таура. Горячий песок оседает на моих ступнях при каждом тяжелом шаге, но я игнорирую жгучую боль и концентрируюсь на ублюдке передо мной.

Тауру в два раза проще дотянуться до соперника, чем мне – с его-то ростом, но учителя пошли еще дальше и вручили ему самое длинное оружие, с которым мы тренируемся. Длиннее только копье. Ох, я бы сейчас все отдала за копье. Колокол звенел несколько часов назад – значит, двое уже погибли, и нам разрешено только калечить, но не убивать. Но Таур, похоже, этого не понял.

Он вновь замахивается, и я отпрыгиваю в сторону – в этот раз меч едва меня не задел. Я вижу, что этот бегемот устал, но я не могу не признать – план вымотать его занял гораздо больше времени, чем я думала. Мои мышцы вопят от боли, требуя передышки, но Таур продолжает наступать. Я изучаю его лицо, пытаюсь понять, каким будет его следующий шаг, когда мы снова начнем кружить вокруг. Мой взгляд мечется между яйцеподобными шишками, которые растут теперь у него на голове, словно рога. Я очень надеялась, что один из моих ударов луком по его черепушке вырубит его, но он оказался живучим сукиным сыном. Похоже, не я одна сдерживалась на тренировках.

– Можешь бегать от меня сколько угодно, я все равно разрежу тебя пополам, – рычит Таур, но оба не спешим, пытаюсь анализировать и решить, как лучше действовать дальше.

– Победители не говорят о том, как они собираются тебя убить, Таур. Они просто убивают. Угрозы – для слабаков, – отвечаю я.

Челюсти Таура раздраженно сжимаются, и в груди теплеет от удовлетворения.

Не знаю, что я такого сделала этому здоровяку, чтобы заслужить его неустанные попытки отделить мою голову от остальной части меня, но с этим пора кончать. Здесь жарко, как в жерле вулкана, и этот изнуряющий жар истощает мои силы. Плавающий песок работает рука об руку с солнцем и гребаными учителями, желая поставить меня на колени. Упрямство и воля – вот единственное, благодаря чему я еще держусь, но этого более чем достаточно. И Приют в этом скоро убедится.

Таур бросается на меня, словно бык, я бью луком по его левому бедру, уворачиваюсь от удара и мгновенно ухожу с траектории крученого замаха, который, как я чувствую, Таур задумал. Я работаю над бедром Таура уже сорок минут и знаю, что мне осталась всего пара ударов, чтобы превратить его ногу в бесполезный придаток, слишком разбитый, чтобы выдержать его вес. Больше всего я беспокоюсь, что один из ударов сломает древко моего чертова лука, и тогда мне нечем будет защищаться. И тогда останется использо-

вать лишь смекалку и кулаки.

Таур пытается зацепить меня, спотыкается и открывается, и я этим пользуюсь: бью по руке, держащей меч. Я не ожидаю многого от своей атаки, поэтому, когда меч внезапно вылетает из его ладони, я потрясена. Мне требуется время, чтобы осознать, что только что произошло, но я скольжу по песку и хватаю оружие еще до того, как оно успевает упасть на землю.

Я обхватываю ладонью рукоятку длинного клинка, и меня охватывает восторг. Он тяжелый, но мое тело точно знает, что делать. Мышечная память срабатывает и помогает мне перенаправить клинок. Я делаю плавный замах и устремляюсь к Тауру. Я двигаюсь быстро – гораздо быстрее с этим тяжелым мечом, чем думал Таур. В его глазах шок и страх, лезвие клинка скользит, желая вонзиться в его руку.

Я знаю, что если я убью его, учителя не дадут мне уйти – и плевать, что мою смерть они бы приветствовали, будь клинок в руках Таура, так что мне все равно. Я просто собираюсь причинить этому уроду боль за то, что он пытался выслужиться перед учителями и убить меня. Посмотрим, как ему понравится переживать исцеление почти отрубленной конечности.

Из ниоткуда возникает кнут и бьет меня по руке. Его плетеный кончик с такой силой впивается в мое запястье, что пальцы тут же немеют, а меч вылетает из ладони. Лезвие, вращаясь, пролетает мимо Таура, с громким лязгом бьется о

стену и падает на землю.

Мы с Тауром оба вскидываем головы и смотрим на ухмыляющихся учителей. Мастер Вильде крутит кнут в руках и презрительно смотрит на меня.

– Прикасаюсь к оружию, которое не было вам назначено, запрещено, – усмехается он, и как бы мне ни хотелось зарычать от досады, я знаю, что это ничего не даст. Я должна победить этих ублюдков в их же игре.

Я игнорирую насмешки учителей и вместо этого бросаюсь на Таура – он все еще глядит на них так, будто они подсказут ему, что делать дальше. От удара кнута мой лук ломается пополам, но меня это не останавливает: я сжимаю оставшийся у меня кусок и бью Таура в висок изо всех сил.

Удар был такой сильный, что кожа Таура треснула, из раны брызнула кровь. Он вскрикивает и поднимает руки, чтобы защитить лицо, а я бросаю теперь уже бесполезный кусок дерева и начинаю молотить его кулаками. Учителя выкрикивают команды, чтобы помочь огромному, окровавленному рабу клинка отразить мою атаку, и во мне закипает ярость.

Гребаные трусы.

Глаза застилает красным, я наношу удар за ударом по ребрам Таура. Шум вокруг меня стихает, и я отчетливо слышу восхитительный треск костей, за которым следует скулеж боли моего противника. Это подстегивает меня, и я тянусь к руке, которой Таур пытается защититься, прокручиваю ее так, чтобы сломать или вообще выдернуть сустав из гнезда.

Таур вопит, а я краем глаза вижу, как мастер Лайра протягивает мастеру Вильде свернутую веревку. И я сразу понимаю, что они попытаются сделать – так что я быстро ищу на огромном теле Таура еще что-то, что успею сломать прежде, чем они обвяжут меня веревкой, чтобы мне было еще труднее победить в этом поединке.

Это все, что я могу сделать. Я хочу развернуться и броситься на подлых учителей за то, что они пытаются сделать, но я заглушаю это жгучее желание. Скоро они за все заплатят – в этом я уверена.

Скорпиус

Лишь одним бесполезным луком, что ей дали для самозащиты, она умудрилась выбить меч из рук здоровяка. Рабыне даже стрел не дали – только лук, чтобы она использовала его в рукопашном бою в яме. И все это лишь потому, что Таос вскользь заметил, что хотел бы посмотреть, на что она способна, будучи безоружной. За это мне хочется снять с «волка» шкуру и бросить эту зачарованную тряпку на пороге нашего дома, чтобы мы каждый день могли вытирать ноги о его задницу.

В самом большом круге перед нашими зрительскими местами творится настоящий хаос. Идет уже третий день испытаний – два с половиной из них я мучаюсь от их бессмысленности. Подобные мероприятия мне никогда не нравились: если их устроить правильно, то они могут быть довольно полезны, но эти Торги другие.

Я начинаю терять терпение и постепенно зверею от происходящего. Первое испытание, где я и мои братья наконец-то узнали настоящее имя Рабы и слышали об издевательствах со стороны учителей, дни бесполезных соревнований и ночи,

где членам Орденов приходится притворяться, будто они не хотят переубивать друг друга – все это меня раздражает.

Хуже всего то, что я знаю, что творится в этом Приюте. Я знаю, каков Тиллео на самом деле – так почему же меня так волнует, что Осет здесь? Почему нас так тянет к ней? Меня всегда тянуло к нахальным девицам, и я понял, что оказался на крючке с первых секунд, как эта рабыня клинка появилась у нас в шатре. Но Череп и Кость тоже пришли от нее в восторг. Она не такая, как нам показалось вначале, и теперь я спрашиваю сам себя: как, во имя всех Королей, мы умудрились так влипнуть?

Я вновь ищу глазами ее удивительную серебристую шевелюру в беспорядочной возне в яме. Она покачивается и вновь уворачивается от нападающего, ее загорелая кожа блестит от пота. Этот маленький Лунный Лучик умудряется бороться со всем, что ей противостоит – и я задумываюсь еще глубже. Ее учителя не преувеличивали, когда рассказывали о ее мастерстве и умениях – она здесь лучшая. Лучшая, даже когда работает в полсилы, чтобы не вырваться в лидеры. Однако если Тиллео думает, что я и мои братья настолько глупы, чтобы не заметить такую ловушку, то он, видимо, забыл, на что способны Скорпионы.

Она слишком совершенна, слишком хороша для этого места. Она – идеальная кандидатура для Ордена Скорпионов, и я не доверяю ей. Очевидно, что она из знати, хоть и бастард. И если по ее внешности нельзя сказать наверняка, то ее сила

и способности буквально кричат о том, из какого она рода. У нее идеальная история – бедная, несчастная овечка, и учителя из Приюта чересчур настойчиво пытаются нас убедить, что она правдива. Более того – они решили сделать все, чтобы она провалилась в каждом испытании для рабов клинка. И, конечно, она ни разу не проиграла – она всегда находит способ справиться с поставленной ей задачей.

Это сводит с ума и впечатляет.

Нахмурившись, я наблюдаю, как она бежит, грациозно скользит по песку, словно по водной глади, и подхватывает оброненный противником меч. Теперь уже она идет в атаку: лук в одной руке и с трудом добытый меч в другой. Ее противник на две головы выше и толще, чем она могла бы быть, даже если бы ее нормально кормили – а я сомневаюсь, что она слышала о нормальной пище. В ее серебристом взгляде мелькает жажда возмездия – и она валит на землю самого крупного парня в этой партии рабов клинка.

Я качаю головой: она – идеальный аутсайдер. Ее история и обстоятельства, в которых она выросла – это хитроумно сплетенная сеть, в которую нас пытаются заманить. Как будто мои братья и я настолько просты.

Я бросаю взгляд на разодетого учителя этих рабов: он наблюдает за испытанием со скучающим видом. В одной руке у него бокал с кроваво-красным вином, другой он щиплет грудь рабыне дома. Она обмахивала его опахалом, но он нашел ей другое применение.

Мгновение я смотрю на него, но вновь переключая внимание на нашу рабыню клинка. Учитель раскрыл секрет своего хозяина и даже не заметил. Я уверен, он думает, что все у него под контролем, но то, что есть у меня и братьев, нельзя ни купить, ни выведать – это не выйдет даже у такой соблазнительной штучки, как Осет. Она – подсадная утка, что-то вроде информатора. Я это уже понял – но я не знаю, что она ищет.

Наши отношения с Тиллео были довольно теплыми с тех пор, как он решил продолжить дело Дорсина. Конечно, он не подозревает, что именно я и мои братья ответственны за то, что дело Дорсина вообще понадобилось кому-то продолжать. Но ему это знать и не нужно.

Так почему Тиллео решил воспользоваться этой своей приманкой сейчас? Какова его конечная цель? Я сомневаюсь, что он захочет отомстить, если узнает о Дорсине и той роли, которую мы сыграли в его смерти. Мы также финансируем его Приют в обмен на информацию, которую можно собрать на Торгах и продолжить собирать еще долго после них. Зачем все портить? Единственный вывод, напрашивающийся мне на ум – кто-то заплатил ему, чтобы один из его рабов клинка проник в наш Орден.

Я пытаюсь сдержать рык разочарования, который вот-вот вырвется из горла, и не начать зло ерошить гладко зачесанные, укрытые чарами волосы. Разглядывая зрителей кругом, я размышляю – а не стоит ли за этим один из других Орде-

нов, но тут же отбрасываю эту мысль. Для подобного дела нужны очень большие деньги – больше, чем у Ордена Скорпионов. А этим могут похвастаться лишь члены королевских семей.

Мысленно я подсчитываю врагов, которых мы нажили в королевских домах за эти годы. Но я не могу никого выделить особо. И даже если кто-то был достаточно терпелив, чтобы придумать подобный план, им не заполучить денег на его реализацию без того, чтобы хоть одна королевская семья о нем не узнала. К счастью для нас, у наших отцов есть причины, по которым мы делаем то, что делаем, и поводы сохранить наш Орден. Может, мы и бастарды королей, но мы доказывали нашим отцам, что достойны – снова и снова, на протяжении многих лет.

Череп шипит рядом со мной, и я вновь сосредотачиваю внимание на битве в яме – правда, она не настоящая. Однако схватки становятся все более жаркими и жестокими, красные пятна покрывают песок, и он жадно впитывает алые брызги. Грозное ворчание и рык отражаются от стен Приюта. Учителя ругают и подбадривают рабов с одинаковым неистовством – легко понять, на кого или против кого они поставили деньги.

Не знаю, почему Тиллео считает это безумие полезным. Мы убийцы, мастера уловок, тайн, мы тихо подбираемся к жертве и убиваем. Зачем нам знать, на что способны рабы клинка в бою? Это же просто нелепо! То, что разворачива-

ется сейчас у меня на глазах – не более чем спортивные состязания.

Я смотрю, как легко движется Осет, собираясь убить своего противника. Тот оставил живот открытым, и, не успев глазом моргнуть, как она бросается на него с кулаками.

Рассматривая ее волосы, я задаюсь вопросом: может, она из Зимнего Двора? Я пытаюсь вспомнить кого-нибудь из благородных семей с похожими чертами, но мы не так часто бываем на Зимнем Дворе, а моя память не так хороша.

Ночной Двор – единственный королевский дом, членам которого не рады за нашим столом. Может, это их заказ? И все же у них нет причин стремиться проникнуть в наш Орден. У короля Корвена не может быть детей, и трон пустует с тех пор, как королева Акиру умерла. Значит, единственный наследник – это ее бестолковый племянник, Лейев.

Он породил парочку бастардов, но никто из них не достиг необходимого возраста, чтобы влиться в наши ряды. Будущий наследник проводит свои дни, напиваясь вином и зарываясь меж ног всех желающих. Его самое большое беспокойство в жизни – это думать, что надеть на следующую помпезную вечеринку. Больше от него ничего не требуется, и его это устраивает. Ему и в голову не придет выступить против нас. Король и носа из замка не кажет, его королевством управляют по большей части его советники, а не он сам. У нас нет проблем ни с ним, ни с его двором, так что вопрос остается открытым: кто, черт возьми, такая Осет, и, что еще важнее,

на кого она работает и зачем?

Кость напрягается рядом со мной, я выныриваю из мыслей и понимаю, что схватка еще не окончена. Я подумал, что Осет переключилась на другого раба клинка, но ее нынешний соперник-здоровяк поднялся на ноги и теперь, пошатываясь, ковыляет к ней. Его лицо – месиво из синяков и крови, он припадает на левую ногу, но, не обращая внимания на собственные раны, он вдруг с диким воплем бросается на Рабу. Он во всех отношениях проигрывает этой потрясающей рабыне клинка, но, похоже, кто-то забыл ему об этом рассказать.

Невозможно отрицать: тот, кто обучал Осет, создал шедевр – и притом смертоносный. Возможно, когда все тайны и имена в этой игре будут раскрыты, мы убьем Тиллео и передадим Приют тому, кто обучал эту рабыню и заставил ее сверкать так, как сейчас.

Во имя королей, нашему Ордену нужны такие, как она. Она – ужас, поцелованный луной, и от нее ее добыче не будет спасения.

Вдруг, словно из ниоткуда, появляется веревка: ее набрасывают на одну из лодыжек Осет, и она теряет равновесие. И только тут я замечаю, почему Кость так взбешен: сразу несколько учителей пытаются сделать все, чтобы дать противнику Осет преимущество.

Они смеются, а она борется, бьется и извивается, уворачивается от неуклюжих нападков другого раба клинка и пыта-

ется освободиться от веревки. Заканчивается еще один бой, за которым следили другие Ордена, и вокруг раздаются ликующие возгласы. Но я не могу оторвать взгляда от Осет.

Она высвобождает ногу, а учителя быстро сматывают веревку, готовясь вновь набросить ее на рабыню. Она что-то прорычала им, но вокруг слишком шумно, чтобы что-то слышать. И прежде чем учителя успевают вновь вмешаться, Осет прыгает на своего противника. Она атакует его бесстрашно, сбивает с ног и бьет, бьет до тех пор, пока тот не перестает шевелиться. Ее никто не поздравляет, когда она, наконец, тяжело дыша, поднимается. Она вся в крови. Вдруг ее рука совершает какое-то молниеносное движение – я не успеваю проследить за ним, а обломок лука, с которым ей пришлось бороться, взлетает в воздух. Обломок врезается в учителя с веревкой в руках с такой силой, что тот падает прямо на задницу.

В глазах Осет горит удовлетворение – но через секунду к ней приходит осознание того, что она наделала.

Приют мгновенно погружается в безмолвие. Страх и напряжение сгущают и без того тяжелый воздух, атмосфера становится еще более неприятной с каждым ударом сердца.

Хозяину, на которого только что напала Осет, помогают подняться на ноги. Смущение и ярость плещутся в его глазах, он встает и потирает грудь.

Он что-то пролаял – какой-то приказ, больше похожий на лай бешеной собаки, нежели на слова. Но что бы он ни ска-

зал, это заставляет Осет выпрямиться. Не говоря ни слова, она поворачивается и идет к большому бревну, вбитому в песок за пределами ринга, на котором она только что сражалась. Ее лицо пылает от ярости, но она быстро берет себя в руки: лицо превращается в маску, и она поднимает руки в ожидании.

Череп и Кость оба напряглись, мы все затаили дыхание. В вытянутых руках Осет заметна легкая дрожь от усталости – но она тут же исчезает, когда другой учитель перехватывает их кожаным ремнем, прикрепляя к столбу для порки. Он что-то говорит ей, и она переводит взгляд на столб и делает глубокий вдох, готовя свое тело к тому, что сейчас произойдет.

Как часто с ней вытворяют такое?

Учитель, связавший ей руки, достает кинжал с пояса и проводит лезвием по задней части ее хлипкой брони, затем срезает тунику под ней и обнажает спину. Она крепкая, гладкая, на ней нет ни единого шрама – да их и не может быть, если знать, какие лекари работают у Тиллео.

В животе у меня все переворачивается: фейри оставляет Осет одну, уязвимую, стоять у столба, пока учитель, тот, что шлепнулся на задницу, подходит к ней сзади. Он крепко сжимает жесткий кнут, и даже со своего места я могу разглядеть, какое бешеное у него лицо.

От наслаждения чужой болью, написанной на его роже, мое сердце сжимается от ярости и отвращения. Я знаю, что

этому ублюдку происходящее доставляет удовольствие, и я хочу разорвать его пополам – оторвать его голову голыми руками, плевать на его изрыгающее кровь тело, топтать сердце ногами. Мне хочется закричать, потребовать, чтобы они сейчас же прекратили. Но я знаю, что не могу. Я должен сидеть здесь и молчать, пока эти уроды пытаются уничтожить что-то слишком дикое и прекрасное для их жестокого мира. Если я попытаюсь что-то сделать, это расценят как слабость, а мы не можем ее себе позволить.

Громкий треск разрывает воздух. Я сдерживаю дрожь, что пронзает меня, когда кнут врежется в спину Осет – быстрый, словно атака змеи. Но она не двигается – образец силы и мощи. Не дергается, не вздыхает, не шипит от боли, когда кожаные плети рассекают ее кожу и мышцы. И я чувствую ненависть за то, что она на такое способна – значит, знает, чего ожидать, значит, переживала жестокую порку слишком много раз. Понимание этого падает в мое сердце, как камень на дно, пугая и тревожа какие-то струны моей души, о которых я не хочу сейчас думать.

Я сжимаю кулаки так крепко, что ногти впиваются в ладони, сжимаю крепче с каждым ударом и звонким треском. Они сыплются на рабыню беспрестанно, выбивая собственный, выверенный ритм боли, но страдание Осет выдают лишь побелевшие костяшки пальцев, впившихся в кожаные ремни.

Я перестаю считать удары: все мои силы уходят на то, что-

бы сдержаться, не вскочить с места и не закричать: «Хватит!» Кровь льется по ее дрожащим ногам, она старается остаться стоять – несмотря на пытки, которым ее подвергают подлые учителя.

Члены других Орденов снова возвращаются к разговорам и выпивке, как будто все, что сейчас происходит, – просто часть самого обычного дня. Для некоторых из них, так, возможно, и есть, но меня это не устраивает. Одно дело – держать подопечных в узде, другое – мучить и вымещать свой гнев на тех, кто не может тебе ответить. Мы убийцы, и многие думают, что нам нет дела до морали, но Ордену Скорпионов не все равно. Тиллео когда-то тоже было не плевать.

Я наблюдаю за хозяином рабов клинка: он опрокидывает в себя бокал вина и от души смеется с членом Ордена Воронов. Ему совершенно безразлично, что на спину Осет вновь и вновь обрушиваются удары кнута. Похоже, Тиллео потерял бдительность – и не только в отношении своих рабов.

Череп подается вперед, готовясь броситься к Осет, но Кость вскидывает руку, чтобы остановить его. Череп бросает на меня взгляд, полный муки, я еще крепче сжимаю челюсти и кулаки.

Я смотрю на Осет и с удивлением обнаруживаю – ее серебристый взгляд направлен прямо на меня. Еще один удар плетью – в окружении ямы и стен Приюта он разносится над нами громким эхом, дразня и ужасая.

Осет смотрит на меня. Ее лицо и тело застыли от боли, но

взгляд говорит совсем о другом. Как серебряные кинжалы, ее глаза вгрызаются в мою душу в поисках защиты и утешения, и как бы я ни колебался, думая о том, кто она и что сделает со мной и братьями, я не могу найти в себе силы отвергнуть ее. Мой черный взгляд останавливается на ее лунно-серых глазах, и я предлагаю ей то небольшое, что могу дать, – странную связь, протянувшуюся между нами. Внезапно беспокойство и недоверие к ней исчезают: теперь я вижу в ней не угрозу, а фейри, который заслуживает большего, чем *это*.

Мы смотрим друг на друга, все кругом медленно отступает и затихает. В ее глазах я вдруг увидел себя. Уличного вора, который был в шаге от того, чтобы нарваться на какого-нибудь внимательного торговца, лишиться руки или отправиться на всю оставшуюся жизнь в Королевскую тюрьму за воровство.

Я был молод. Мать недавно умерла, пытаясь произвести на свет еще одного бастарда, и в борделе – в единственном доме, который у меня был, – решили: либо я буду сам себе зарабатывать на жизнь, либо мне придется уйти. Я отчаянно нуждался в помощи, в том, кто за перепачканным лицом и измученным взглядом разглядывал бы мальчика, который может добиться большего, нежели того, что его ждало в сложившихся обстоятельствах. Я нашел своего спасителя и теперь, глядя в яростные серебристые глаза Осет, я подумал – не пора ли мне стать спасителем для кого-то?

Скорее всего, она шпионка, но даже если так – что за

жизнь у нее была, раз она попала сюда? А теперь она привязана к столбу для порки, истекает кровью на песке, приказывая своему телу не показывать боли, и все это затем, чтобы шпионить за Орденом, члены которого убьют тебя при первом же намеке на предательство. Люди, у которых есть выбор, не попадают в такой кошмар. Люди, у которых есть надежда и будущее, не подписываются на то, что творится в Приюте. Нет, что-то с ней произошло, что-то еще происходит в Приюте, и я должен знать что.

Когда учитель прекращает пытку, ее взгляд абсолютно пуст. Пустота в ее глазах вгрызается в мою душу, но я продолжаю беспомощно смотреть, как учитель наматывает кнут на руку. Другие рабы подходят и отвязывают Осет от столба. Она едва держится, чтобы не упасть в обморок, и все же ее взгляд не отрывается от меня. И я наблюдаю за ней, пока ее не заносят в Приют. Ощущение, будто на мою грудь уселось какое-то чудовище и отказывается уходить, но я не показываю эмоций.

Череп и Кость смотрят на меня, их стиснутые челюсти – единственный признак того, что они в ярости. Со стороны мы выглядим смертельно спокойными, как и всегда, но я могу сказать, что мои братья кипят внутри так же, как и я.

Рабы убирают кровь с песка, а Тиллео беззаботно объявляет, во сколько сегодня начнется пиршество. Члены Орденов расходятся по своим покоем, а мы с братьями встаем и непринужденно шагаем прочь – подальше от сегодняшней-

го бестолкового испытания и демонстрации ужасной, ненужной жестокости. Нам вслед смотрят чьи-то глаза, но я не обращаю внимания и не ищу их обладателя.

Мы идем по песку, солнце стоит высоко, и оно не знает жалости. Будто даже небесное тело над нами разгневано увиденным. Цитадель Тиллео будто подрагивает в жарком воздухе, кажется: стоит моргнуть – и огромное поместье исчезнет. Если бы от этого места так просто было избавиться.

Череп идет впереди и яростно откидывает створки у входа в шатер. Внутри он принимается возводить заслоны, чтобы никто нас не услышал. Кость прислонился к большому сундуку у изножья кровати и наблюдает за Черепом: руки скрещены на груди, глаза горят. Я беру бокал и опрокидываю в себя выпивку – может, это поможет справиться с яростью и хаосом в голове?

Череп не успевает прошептать последнее, наполненное силой слово заклинания, как Кость отталкивается от сундука и рычит:

– Что это, во имя блядских фейри, сейчас было? – Он вытянул руки перед собой, лицо, спрятанное под чарами, пылает от гнева.

– Мы уже видели, как наказывают рабов, – замечаю я.

Ненавижу, что мне приходится изображать непринужденность, хотя чувствую прямо противоположное. Я знаю: я тут – голос разума, я должен быть спокоен. Если мы все потеряем голову, случится катастрофа, а мы слишком мно-

го работали, чтобы все потерять. Я опрокидываю в себя еще бокал и стараюсь не обращать внимания на то, как от ярости дрожат руки.

– Ничего подобного! Мы никогда не видели, чтобы учителя вмешивались в испытания или подсуживали любимчику! – возражает Кость.

– Но мы также никогда не видели, чтобы раб клинка выходил за рамки дозволенного, как это сделала она, – возражаю я и мысленно отмахиваюсь от жара, что поднимается по моим бедрам при мысли об этом ее маленьком акте бунтарства.

– Хватит притворства, Скорпиус! Ты, как и мы, обеспокоен тем, что сейчас случилось, – огрызается Череп.

Я снова наполняю свой бокал до краев и делаю большой глоток, а затем хмуро смотрю на Черепу.

– Так и есть, и это часть проблемы, – признаю я, глядя вниз на янтарную жидкость, плещущуюся в бокале. – Нас всех тянет к ней. Тиллео и учителя, похоже, настроены против нее, что только поможет втянуть нас в эту игру. Она беспомощна, и я сочувствую ей. – «Больше, чем следовало бы», – думаю я, но продолжаю: – Но мы должны быть осторожны.

Слова вылетают из моего рта и звучат так правильно, но я едва верю себе. Братья недовольны, они задумчиво молчат.

– Мы можем перетянуть ее на нашу сторону. Покажем ей, что верность нам принесет ей больше, нежели работа на тех, кому она подчиняется сейчас, – бросает Череп, и я киваю –

я думаю о том же.

– Мы должны понять, что поставлено на карту в этой игре. Не только для нас – для нее тоже. Кто-то проделал огромную работу, чтобы все это устроить; и мы сначала должны убедиться, что видим всю картину, целиком.

Кость качает головой и рассеянно смотрит на дальнюю стену шатра.

– Я знаю, ты видишь угрозы и врагов за каждым углом, и это не раз спасало наши задницы, но сейчас я не вижу того, что видишь ты, Скорпиус. – Кость вздыхает и потирает виски, глядя на меня. – Она мне знакома, я не могу объяснить, откуда, но я знаю ее. И я не вижу в ней шпиона – только рабыню, которая устала быть таковой. Я вижу безнадежность и фейри, которой больше нечего терять.

– Ты понимал нас еще до того, как Икон нас нашла, – добавляет Череп, его взгляд становится задумчивым, будто он погрузился в воспоминания.

Я удивлен, что то, что только что произошло с рабыней, оживило воспоминания Кости и Черепа о нашем прошлом, хотя, наверное, удивляться этому не стоит. Между нами существовала связь еще до того, как мы вообще встретились. Мы глубоко понимали друг друга.

– Может, это то же самое, – соглашается Кость, хотя вид у него все еще обеспокоенный. – Я просто не могу избавиться от ощущения, что мы знаем ее. И что мы здесь ради нее. Что она одна из нас.

Его слова заставили меня по-другому взглянуть на собственные мысли и чувства по отношению к рабыне клинка. Вдруг влечение к ней – это своего рода узнавание? Может быть, мы знали ее раньше?

Я отмахиваюсь от этих вопросов и осушаю бокал.

– Что бы это ни было, мы должны разобраться – и быстро. До начала Торгов остался день, и нам нужно узнать, что происходит, до того, как уедем. Грядут перемены – я чувствую, и мы должны сделать все, чтобы не проиграть.

Оба согласно кивают, но Череп решает меня поддразнить:

– Перемены? Твой нюх, должно быть, лучше моего – я-то чувствую лишь слабость этих фейри и их раздутое эго.

Кость наигранно весело фыркает.

– Я же чувствую только песок, – говорит он, с отвращением оглядывая шатер. – Ненавижу пустыню.

Я хрипло смеюсь и вытираю ладонью лицо, чувствуя себя абсолютно измученным. Не могу не согласиться с Костью – раньше это место служило какой-то цели, но теперь наши приезды сюда – это просто обязанность, и не самая приятная. И если мои подозрения верны, то это могут быть наши последние Торги, а если Тиллео не расскажет о своей роли во всем этом, он скоро узнает, что сделал Дорсин. Не связывайся с Орденом Скорпионов – если только не любишь вкус смерти.

ОСЕТ

Моя спина горит огнем, тепло и боль накатывают волнами, пока я медленно прихожу в себя. Резкий терпкий запах, смешанный с ароматом травы и земли, подсказывает, где я – я у лекарей. Жесткое полотно койки неприятно ощущается под грудью, но стоит мне пошевелиться, чтобы устроиться поудобнее, как я тут же жалею об этом. Острая боль пронзает меня насквозь, я шиплю, не в силах ничего сделать – мне остается только лежать и терпеть, пока эта агония не превратится в более приемлемую версию пытки. Похоже, меня оставили тут на ночь, и лекарь не придет до утра – и это тоже часть моего наказания.

Я осторожно, но глубоко вдыхаю, и меня всю передергивает при воспоминании о том, что произошло. Я хочу злиться на учителей, и я злюсь, но больше всего я зла на себя. Не знаю, чем я думала, когда отпустила контроль. Можно свалить это на адреналин, на опьянение от поединка и ослепляющую ярость из-за всего, что там случилось. Но во всем виноват мой длинный язык и небрежность, которую я позволила себе в последнюю пару дней. Я почувствовала себя слиш-

ком комфортно, и мне пришлось за это поплатиться. Повезло, что мне не перерезали горло... или, в данном случае, не повезло – это как посмотреть. Так у меня была бы возможность быстро умереть. Бесспорно, это было бы гуманнее, чем это медленное умирание на костре, разожженном Тиллео.

Отчаяние кружит в моей груди, устраивается поудобнее, оплетает сердце – очевидно, оно поселится там навсегда.

Я прижимаюсь щекой к жесткой койке, вижу, как полоска лунного света льется через окно, но никак не могу до него добраться. Слезы застилают глаза, и в тишине этой глубокой ночи я позволяю себе пролить парочку. Только так я могу избавиться от яда этого места, что течет в моих венах. Тянуться к лицу и смахивать слезы слишком больно, так что я позволяю крошечным ручейкам стекать по грязным щекам.

Не могу поверить, что *это* – все, что я увижу в этой жизни. Все, за что я боролась, чему сопротивлялась, выживание, за которое я билась, – все это в конечном итоге ничего не стоило. Я твержу себе, что даже если моя жизнь ничего не стоила, то хотя бы моя смерть не должна быть жалкой – но кого я обманываю? Я даже не смогла помешать учителям сегодня. Они превращали меня в смертоносное оружие, а чувствовала я себя не лучше, чем в той клетке ночью шесть лет назад.

Печаль вновь течет по моим щекам, я позволяю себе секунду слабости, а потом беру себя в руки. Из груди вырывается тяжелый, дрожащий вздох, и я молюсь, чтобы ко мне

вновь пришло забвение. Или, может, мне лучше молить о смерти? Я встречу с ней совсем скоро. Я вздыхаю слишком глубоко и вздрагиваю – моя исполосованная спина протестует.

– Тридцать ударов плетью, а она даже не вскрикнула от боли. А теперь она тут одна... плачет. – Теплый, ясный голос разрывает тишину, я вздрагиваю от неожиданности и тут же замираю от боли, что прокатывается по спине.

В поле моего зрения появляется Скорпиус, он медленно приседает, пока наши глаза не оказываются на одном уровне. Он оглядывает меня с головы до ног.

– Они сломали тебя, Раба?

Я недовольно вздыхаю и замечаю, что Череп и Кость тоже тут. Кость прислонился к стене, подогнув ногу, он небрежно окидывает меня взглядом, но я замечаю гнев в его черных глазах. И это меня удивляет – как будто он протестует против того, что со мной сделали. Но это ведь не может быть правдой?

– Дайте мне время до рассвета, и я покажу, что значит «сломать», – ворчу я в ответ, притворяясь, что в моем голосе нет пораженческих ноток.

Это ужасно, но я явно не поняла, что значит «держать рот на замке». Хотя – это не мой длинный язык привел меня сюда с окровавленной спиной. Так что пока мне под руку не попадется ничего, чем можно было бы запустить в кого-нибудь из Ордена Скорпионов, я в безопасности.

От моей угрозы на губах Скорпиуса появляется широкая улыбка. Он все еще выглядит как скелет, но даже магия не способна скрыть то, как она преображает его лицо. Такое утонченное.

Хотя, возможно, это болевой шок виноват.

– Оу, посмотрите: перочинный ножик думает, что может справиться с мечом, – поддразнивает Скорпиус, затем поднимается и подходит к Кости.

Пытаясь проследить за его перемещениями, я совершаю глупость – поворачиваю голову. С губ срывается стон, и мне приходится извиниться перед собственными плечами и спиной.

Улыбка тут же покидает лицо Скорпиуса – как будто облако скрыло солнце, в восхитительно теплых лучах которого я грелась.

– Если мне не изменяет память, я уже забрала ваш меч, – напоминаю я ему, и меня снова греет его улыбка.

– Ты с ним поиграла, а не забрала, – возражает он. И если бы мое тело не было так измучено и искалечено, то его уже пронзало бы молниями от вызова, скрытого в глазах «скелета».

– Разве к тебе не заходил лекарь? – спрашивает Череп, и его вопрос прерывает нашу со Скорпиусом битву взглядов.

Я не знаю, что делать с теплом, что сворачивается внизу моего живота. Взгляд Черепа блуждает по палате, он, очевидно, озадачен тем, что, кроме меня и них самих, тут ни-

кого нет.

Я подумываю просить их перенести меня поближе к окну, чтобы луна и силы ночи хоть немного облегчили мои страдания, но я не могу себе этого позволить, как бы заманчива ни была идея.

Новая волна ноющей боли проходит сквозь тело, я пытаюсь дышать неглубоко, пока она не пройдет, но состояние, в котором меня оставили учителя, не позволит мне полностью избавиться от боли.

Это будет долгая ночь.

– Они подождут до утра, – наконец отвечаю я – боль не так сильна, и я могу выдавить из себя что-то, помимо жалких стонов. – Сегодня ночью я буду бороться с болевым шоком и инфекцией. В Приюте к наказаниям подходят творчески. – Я шучу, но небольшая дрожь пробегает по рукам и бедрам. Борьба с болевым шоком, несомненно, будет больше похожа на войну.

– Кость поможет тебе с этим, – заявляет Скорпиус, и, как послушный маленький «скорпион», Кость тут же отталкивается от стены и идет ко мне.

– Не исцеляй меня, – судорожно заикаюсь я, безуспешно пытаюсь подвинуться, но боль пронзает меня насквозь, и я прижимаюсь лбом к койке.

Перед глазами пляшут черные пятна, кажется, что страдает каждая клеточка в теле. Я пытаюсь оставаться в сознании и не отключиться от боли и издаю жалкое мяуканье –

лишь бы Кость не подходил близко.

– Если ты исцелишь меня, то меня выпорют снова – и вдвое сильнее – за то, что я не выдержала своего *наказания* до конца, – выдавливаю я и сдаюсь, погружаясь в озеро муки и боли, что плещется вокруг.

Несмотря на все мои усилия, слезы вновь текут по щекам. В комнате растет какое-то странное напряжение, и я закрываю глаза, ошеломленная и полностью опустошенная.

– Он не исцелит тебя, он просто снимет сильную боль, – нерешительно предлагает Череп. Я не могу его видеть, но чувствую, что он машет в воздухе руками, отчаянно желая сделать хоть что-то. – И мы не сделаем ничего, что могло бы причинить тебе еще большую боль, – заверяет он.

Мне слишком больно открывать глаза, но звучит так, будто он говорит это сквозь стиснутые зубы, как будто я не единственная, кому сегодня в этой палате больно.

Я изнываю от любопытства, перебирая в голове все возможные варианты того, где Череп мог заработать свое ранение, как вдруг на мою изуродованную спину льется что-то теплое. И все, на чем я могу сосредоточиться теперь – это на пульсации и облегчении, которое это что-то приносит.

Я боюсь, что то, что делает Кость, принесет мне в итоге лишь еще больше боли, когда учителя узнают о чьем-то вмешательстве. Я хнычу, но он мягко меня успокаивает, убирает волосы с лица и продолжает лить что-то волшебное на мою истерзанную спину.

– Я держу тебя, Осет, – успокаивает он, и при звуке моего имени на его губах глубоко внутри меня вспыхивает искра тепла.

Эти капли действительно помогают прогнать боль, и по мере того, как агония отступает, туман в моем сознании постепенно рассеивается. Все теплые, нежные чувства от неожиданных улыбок и доброты гонит жесткая метла реальности.

Почему они здесь?

Почему Орден Скорпионов хочет помочь какому-то ничтожному рабу клинка, вроде меня?

Не знаю, чувствует ли Кость мое напряжение, но атмосфера в комнате сразу же меняется.

– Что происходит? – Требую я ответа и слышу, что голос мой окреп – эффект от манипуляций Кости с моей спиной мгновенный.

– Именно это мы и хотим тут выяснить, – отвечает Скорпиус, и я тут же настораживаюсь. – Кто ты, Перочинный Ножик?

Голос Скорпиуса мягкий, ровный, требовательный, но все, что я чувствую, – это замешательство.

– Я чего-то не понимаю? – спрашиваю я и открываю глаза. Все три «скорпиона» смотрят на меня.

Кость потирает запястье, а я сразу вспоминаю, что это уже не первый раз, когда эти трое нависают надо мной и играют с моей судьбой.

Скорпиус подходит ближе, я смотрю на него и быстро прикидываю, что в этой комнате можно использовать в качестве оружия. Так же быстро я отбрасываю все варианты, которые приходят мне в голову. Возможно, мне больше не придется корчиться в агонии, благодаря лекарству Кости, но я все еще не могу подняться с койки – как и противостоять чему-то сильнее легкого бриза в полдень.

«Скорпионы» молчат, словно ожидая, что я первая нарушу тишину, а я вспоминаю, что в худшую ночь в моей жизни эти трое тоже были рядом со мной.

Я пробегаю взглядом по лицу Скорпиуса под чарами, изучаю его и понимаю – это он первым вылез в окно кабинета Дорсина в ту ночь.

– Что? В этот раз даже не предложишь убить меня?

Скорпиус хмурит брови и смотрит на меня так, словно то, что я только что сказала, обретет смысл, если он будет смотреть на меня достаточно долго. Никто из них не уловил связи, никто не вспомнил, что нечто похожее уже видел. Хотя, чего я ожидала? Я не была достаточно значима для них, чтобы они помогли мне тогда, – так почему я думала, что буду достаточно значима сейчас, чтобы они обо мне вспомнили?

– Зачем нам убивать тебя? – спрашивает Кость.

Звучит так, будто само предположение ему кажется смешным.

– Причин нет, просто мне пару раз говорили, что было бы лучше, если бы меня прикончили. – Я внимательно наблю-

даю за «скелетами» в поисках малейшего намека на узнавание.

Ничего.

Я будто съеживаюсь под тяжестью их пустых взглядов. Внезапно веки тяжелеют, на душе и в теле ощущение такой пустоты, какой я никогда прежде не испытывала.

– Я устала, – шепчу я и тяжело вздыхаю. – Зачем бы вы ни пришли, просто сделайте это, чтобы я и дальше могла погрязать в своих страданиях и одиночестве. – Я машу рукой – отказываюсь говорить, но благодарю, что теперь не так больно, как раньше.

– Почему ты думаешь, что мы здесь для того, чтобы что-то делать? – начинает Скорпиус, но я выпускаю разочарованный стон.

– Да хреновы на хрен звезды! Ты что, тролль под мостом? Со всеми этими загадками и бессмысленными вопросами? – Я раздраженно рычу. – Что вам нужно, Орден Скорпионов? Бесить меня до самой смерти?

В ответ на мою вспышку гнева Скорпиус лишь слабо улыбается, но я не обманусь. Улыбка становится шире, и я закатываю глаза – похоже, мое раздражение нравится этому гаду. Оно радует его. Кость смеется над моим маленьким срывом, а Череп откидывает голову назад и трясет волосами, будто все происходящее его очень веселит.

Улыбка исчезает с лица Скорпиуса так же быстро, как и появилась, и его взгляд снова становится напряженным.

– Кто ты, Осет? Кто твои родители? Почему ты здесь и зачем пытаешься проникнуть в наш Орден?

Вопросы вылетали из его рта, как болты из автоматического арбалета. Каждый из них попадал в цель, но чего он хочет, я не знаю.

Я щурюсь и смотрю в лицо «скелета», пытаюсь понять, чего он хочет.

– Я – рабыня клинка, – отвечаю я ровно, как будто это все, что я могу сказать. По правде говоря, так и должно быть. – Я принадлежу Тиллео. Меня привезли в Приют из места, о котором я ничего не помню – как и о родителях. И, несмотря на ваше раздутое эго и деланное превосходство, я не интересуюсь вашим Орденом, – говорю я ему совершенно искренне. – В ваш Орден меня отправил мой хозяин, и знаете ли вы или нет, как здесь все устроено, но спорить с приказами здесь невозможно.

Во взгляде Скорпиуса поселяются сомнение и осуждение, а в моем горит гнев.

– Почему Тиллео послал тебя к нам? Почему он так уверен, что мы заинтересуемся тобой?

Я раздраженно хмыкаю и стараюсь не закатывать глаза.

– Откуда мне знать?

– О, ты *что-то* знаешь, Ножичек, и мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не докопаемся до сути. – Скорпиус мрачен, и я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на манящую угрозу, что звучит в сладкой песне его слов.

– Мы можем помочь тебе, – предлагает Кость, придвигаясь ближе, его взгляд мягче, чем у его брата, в нем читается почти мольба.

Это предложение меня веселит – если бы они только знали, как смешно это звучит на самом деле. Однажды я умоляла их именно об этом, умоляла о помощи, но в итоге они только исчезли за окном – и даже не обернулись. Они бросили меня на произвол судьбы. Я была не настолько важна, чтобы меня запомнить, но они бы посмеялись над собственной самоуверенностью, если бы смогли вспомнить, что я уже знаю об их «помощи».

– И зачем бы вам это? – огрызаюсь я, ядом буквально сочится каждое мое слово.

В удивительно мягком взгляде Кости я вижу смущение и оттенок обиды – и отказываюсь чувствовать вину из-за этого.

– Мы все должны разобраться в том, что здесь происходит. Тебе поручили внедриться в наши ряды, и мы должны знать зачем. Разговор пройдет гораздо лучше для тебя, если ты будешь честна с нами и поможешь собрать все кусочки этой мозаики воедино. – Тон Скорпиуса жестокий и угрожающий.

– Не стоит пытаться провести нас, Лунный Лучик. Из нас получаются лучшие друзья, нежели враги, – добавляет Череп, за его соблазнительным мурлыканьем скрывается угроза.

Я смотрю на них, раздраженная, истощенная и слишком

близкая к смерти – вероятно, именно поэтому я и начинаю смеяться, как какой-нибудь измученный солнцем пилигрим в одном шаге от безумия. Я задыхаюсь от хохота, но спину начинает ломить – она напоминает мне, что мне не стоит вести себя так, будто меня только что не избили до полусмерти.

Хрен бы побрал эти звезды!

Мне нужны мазь или настойка Кости. И плевать, что мне осталось жить всего несколько дней или даже часов – что бы это ни было, это чистая магия.

– С такими друзьями, как вы трое, кому вообще нужны враги? – заметила я, смеясь и пытаюсь взять себя в руки. – Вы так уверены, что все буквально одержимы вами, но вы хоть на секунду задумались о том, что дело вовсе не в вас? – спрашиваю я, пытаюсь сдержать веселье, но у меня не выходит. – Вы твердите, что я здесь, чтобы внедриться в ваш дуррацкий Орден, но как я это сделаю, если я мертва? – требую я ответа, будто ответить на мой вопрос – проще простого.

От смеха слезы катятся по моим щекам, и я утираю их, разглядывая трех «скелетов» и их напыщенные рожи под чарами.

– Мне приказали убить члена Ордена, и как бы я ни хотела не испортить впечатления о себе, которое сложилось у каждого из вас, вы тут ни при чем. – Последние слова я произношу по буквам, потому что мне ясно: они слишком глупы или уверены в себе, чтобы осознать, что я имею в виду.

Я знаю, что рассказывать им все это глупо, но меня выво-

дит из себя их высокомерие. Поначалу я думала, что приказ Тиллео касался одного из «скорпионов». Но потом я прокручивала в голове его слова снова и снова и поняла – ни один из них не подходит под описанный им портрет.

Тиллео говорил: мне нужен тот, кто *любит женщин, которых еще не успели сломать*.

Да, я вела себя дерзко со «скорпионами» и выходила сухой из воды каждый раз, но я не замечала за ними *стремления мучать слабых ради забавы*, хотя Тиллео в своих туманных объяснениях намекал на подобное.

Я могу ошибаться, но мои инстинкты говорят мне, что это не так. В любом случае мне нечего терять, и я не могу упустить возможности поставить этих самодовольных придурков на место – не тогда, когда эта возможность так и идет мне в руки.

– Тиллео собирается нарушить святость Торгов? – Из уст Черепа это звучит так, будто подобное заявление само по себе является доказательством: то, что я говорю, невозможно.

– Как я уже сказала, я не могу никуда внедриться – я уже почти мертва. – Я тяжело вздыхаю от усталости – она изо всех сил старается выжать из меня все силы – до последней капли.

Я всего лишь на секунду закрываю глаза, а потом решаю, что пытаться открыть их вновь не стоит.

– Теперь, если вы не возражаете, я хочу спать. А вы можете развлекаться, оглаживать члены друг друга и ворковать о

том, какие вы крутые и важные. Я все время думала, что вся наша реальность сосредоточена вокруг четырех королевств, но я, оказывается, сильно заблуждалась. Все это время мир вращался вокруг вашего маленького кружка по интересам. Теперь я могу умереть счастливой, — я устало усмехаюсь, но меня переполняет веселье. — Когда я полностью оправлюсь, напомните мне вам поклониться — не хочу упустить возможность и не преисполниться к вам тем благоговением, каким вы преисполнены к себе. — Слова превращаются в неразборчивую кашу, конечности тяжелеют, и ко мне подкрадывается сон.

— Кого Тиллео приказал тебе убить? — Лицо Скорпиуса неожиданно оказывается так близко, что я чувствую жар его дыхания у своих губ.

Он хорошо пахнет, дубленой кожей и острой эльфийской сталью. Есть намек на что-то сладкое, что-то цветочное, но я не знаю, что это. Я сопротивляюсь желанию придвинуть свое лицо ближе к его лицу, чтобы хотя бы приблизительно понять, что это может быть.

— Он не назвал имени, у меня есть только описание. Спроси его сам, если так сильно хочешь узнать, — ворчу я, пытаюсь отмахнуться от него, но рука налилась свинцом так, что я едва могу ею пошевелить — это больше похоже на дрожь, чем на движение.

— Как он выглядит? — спрашивает Кость, и в его словах мне слышится отчаяние.

– Он выглядит как конец всего, к чему я когда-либо стремилась в этой жизни, – угрюмо бормочу я, и мои разум и тело наконец решают, что с них хватит. И все кругом исчезает.

Череп

– Святые сиськи орка! Что это сейчас было? – За нами закрываются створки у входа в шатер, и я наконец оглядываю своих братьев.

– Я не знаю, – признается Скорпиус.

Он проводит пальцами по волосам и смотрит вдаль, взгляд его растерян.

– Не ожидал, что все так обернется, – добавляет Кость.

Его взгляд так задумчив – кажется, он пытается переварить все, что мы только что узнали, и ждет, пока все это месиво выстроится в одну стройную линию и приобретет смысл – но ничего не выходит.

– Но чьей смерти Тиллео жаждет так, что готов нарушить святость Торгов? – Я знаю, что братья знают не больше меня, но мне просто необходимо было задать этот вопрос вслух, чтобы хотя бы попытаться его обдумать.

– Мы были так уверены, что ловушку расставили для нас, но...

– Она может лгать, – замечает Скорпиус, но я вижу, что он сам не верит в то, что говорит.

– Она говорит так, будто мы уже встречались. Но почему? – Мне вновь необходимо выплеснуть внутреннее смятение и проговорить вопрос вслух – так я могу попытаться понять, что мы упустили.

– Я говорил вам: в ней есть что-то знакомое, – решительно повторяет Кость.

Раньше я не придавал особого значения его утверждению. Кость вечно видит намеки и знаки судьбы там, где их нет. Но сейчас я тоже чувствую, будто что-то позабыл. Оно вертится на кончике языка, так близко, но достать это что-то все же нельзя.

Я хожу кругами у своей кровати, разочарованно ворчу и зачесываю волосы назад. Я обдумываю все, что Осет только что сказала нам, изучаю каждое слово, каждый слог, будто они могут послужить мне подсказкой. Ее красивый голос дразнит мою память, ее вопросы привлекают мое внимание, и тогда я вновь вижу *ее*. Я вижу ее ясно: молодая, стройная, забила в угол и сжимает клинки, покрытые кровью орков.

– Черт, – шепот срывается с губ, я устало выдыхаю.

Воспоминание вырывается на поверхность с такой силой, что потрясает все мое существо.

Братья выжидающе смотрят на меня: наверное, я выгляжу так, будто призрака увидел, но та ночь вновь проносится в моем сознании. С тех пор я никогда не задумывался о ней. Были вещи поважнее, так почему я должен был думать о том, что случилось с тем хрупким существом, которое мы нашли

в углу той ночью? Но теперь, увидев ее снова, увидев, что стало с этой испуганной, обреченной на смерть девушкой, я понял, что мы натворили.

– Она была там, – вымученно говорю я и опускаю голову на руки.

Меня накрывает волной стыда.

– Она была там в ту ночь, когда мы казнили Дорсина, – продолжаю я и вижу, как осознание накрывает Кость, а Скорпиус только прокручивает в голове те события, пытаюсь отыскать в памяти Осет.

– Дьявол, – вторит мне Кость, и я опускаюсь на мягкую перину. От чувства вины дрожат ноги. – Девушка в углу, – вспоминает он, бледнея так же, как и я, наконец понимая, о чем нам твердила Осет.

– Я предложил убить ее. – Мое лицо кривится от отвращения, Скорпиус тихо выдыхает ругательство и идет к столу с напитками, чтобы наполнить бокал кроваво-красным вином.

Он делает паузу, глядя на глубокий красный цвет жидкости в бокале, зажатом в руке. Но, вместо того, чтобы выпить, он бросает его через всю комнату. Стекло разбивается о бортик пустой золотой ванны, и я возвращаюсь в ту ночь, когда мы приехали сюда. Осет на коленях, отмывает Скорпиуса. Я не знаю, на что он злится больше – на то, что не провел параллелей раньше, или на то, что они вообще есть. Обычно мы не оставляем свидетелей.

Я уверен – мои братья, как и я, думали, что та девушка не протянет долго в мире, в котором оказалась. Она была обнажена, закована в цепи. И мы были вполне довольны тем, что пустили все на самотек, не желая пачкать руки кровью той, что не заслужила смерти от нашей руки. И тем самым мы обрекли ее на такую жизнь. Она вернулась к нам, чтобы указать на нашу ошибку – а мы ошиблись, думая, что судьба сама все расставит по местам.

– Как думаете, Тиллео знает? – спрашиваю я, в голове крутятся все варианты развития событий, которые приведут нас в абсолютную, глубокую задницу.

Сомневаюсь, что этого работорговца волнует, что мы убрали его босса, но если он попытается узнать, что мы взяли из сейфа Дорсина той ночью, у нас могут быть серьезные проблемы.

– Он сохранил ей жизнь, – указывает Кость, будто это как-то поможет ответить на мой вопрос. – Должно быть, он подумал, что трупы в комнате – ее рук дело, – продолжает он, и я понимаю, к чему он клонит.

– Это возможно, – признает Скорпиус. – Но что, если он под пытками выяснил у нее, что произошло с Дорсином той ночью, и теперь нас пытаются подставить?

– Она сказала, что целью Тиллео были не мы, – возражает Кость, но Скорпиус смотрит на него так, будто говорит: «Вытащи наконец голову из своей задницы и оглянись вокруг».

– Мы все с самого начала знали, что с ней что-то не так –

как и со всей этой ситуацией. Теперь у нас есть зацепка, и мы не собираемся поддаваться сомнениям. Не стоит давать этой маленькой убийце преимущество, раз она превратилась в твою влажную фантазию, Кость, – укоряет Скорпиус, а тот издевательски смеется в ответ, но затем хмурится:

– То-о-очно, я ведь единственный, у кого на нее встает. Если бы мы забрали ее с собой тогда, как я и хотел, мы бы не попали в эту передрагу.

– Отвали, Кость. Она не собачонка, на которую можно надеть ошейник, кормить и чесать за ушами, когда тебе того захочется, – огрызается Скорпиус, а Кость рычит в ответ:

– Нет. Она была напуганной девчонкой, прикованной к полу в комнате с монстром, а мы просто оставили ее там!

Я встаю между братьями, чтобы отвлечь их, и смотрю на Кость – пора развеять его героические фантазии.

– Во-первых, в ту ночь, когда мы убили Дорсина, ты ничего не говорил о том, чтобы забрать ее с собой. Ты только спросил, стоит ли нам что-то сделать с ней. Во-вторых, нам не нужно сомневаться и ходить вокруг да около. Есть простой способ разобраться во всем этом, – говорю я, переводя взгляд на Скорпиуса. – Думаю, пришло время нанести Тиллео визит.

Ни Скорпиус, ни Кость ничего не говорят. Я вижу, как они прикидывают, стоит ли отправиться самим к источнику наших подозрений, минуя посредников. Есть вероятность, что это выйдет нам боком. Тиллео будет загнан в угол, что

может подтолкнуть его к более отчаянным действиям. Если, конечно, он вообще хотел нас убить.

Однако если он не плетет интриги за нашей спиной и мы ошибаемся...

– Если он что-то замышляет против нас, нам придется его убить, – холодно говорит Скорпиус, а Кость пренебрежительно отмахивается.

– Он – всего лишь пешка. Мы финансируем Приют, можем продвигать, кого хотим, или вообще выйти из этого дела. Тиллео и его Торги были хорошей площадкой для сбора информации, но мы же знали, что в какой-то момент этот источник иссякнет. Ни один из других Орденов даже не сравнится с нами. Возможно, пришло время увидеть истинное положение вещей и двигаться дальше?

– А что насчет Осет? – спрашиваю я, и чувство обреченности тяжелым плащом оседает на плечи.

– Давайте сначала разберемся с Тиллео и тогда поймем, как действовать в остальном, – предлагает Скорпиус, и мы с Костью киваем в знак согласия.

Я подхожу к одной из стоек, на которой подвешен шар с волшебным светом – один взмах рукой, и он шипит, а тени тут же занимают этот угол шатра. Отблески света от других шаров танцуют по стенам, а я вдруг вспоминаю, как Осет смотрела на меня в палате. Ее взгляд был наполнен болью, но в нем все равно виделся вызов – и это еще до того, как Кость попытался ей помочь.

Я бы хотел полностью исцелить ее, взять на руки и увезти как можно дальше от этого места. Каждая частичка моего существа призывала меня стать для нее тем, кем когда-то была для меня Икон. Она нашла меня в ужасном состоянии: меня связали, насильовали, я был весь покрыт грязью, и надежды у меня не было. Я думал, что меня продали ей. Что она была лишь еще одним чудовищем, что хотело что-то поиметь с меня, а потом сломать.

Она вывела меня из каравана – туда меня продали и заковали в цепи когда-то, так давно, что другого я и не помнил. Она вытащила меня, и я увидел тела и кровь. Икон не купила меня, а спасла. Она накормила меня, дала помыться, а потом привела к Скорпиусу и Кости. Они помогли мне справиться с кошмарами и травмами и научили меня никогда больше не позволять другим феяри издеваться над собой.

Ко мне подходит Кость, и я гоню мысли, тоску и желание помочь Осет прочь. Вместо этого я шагаю с братьями в темноту.

Тени радостно приветствуют нас, как и всегда. Мы вырываемся из привычной реальности – нас зовут коридоры загадок и тайн. В тенях мы идем от шатра к поместью Тиллео, пробираемся через тени его залов и наконец находим его в кабинете.

Он безучастно смотрит на ревущий огонь в камине, крепко сжимает в морщинистой руке полупустой бокал с алкоголем.

Я стараюсь не закатывать глаза на абсурдность существования камина – уютного огня вообще – в любом доме в сердце пустыни. Потому что потом придется тратить магию на то, чтобы охладить комнату до комфортной температуры, и это задевает меня, но я не позволяю досаде захватить себя. У нас есть дела поважнее, чем думать о том, на что Тиллео растрчивает свои силы.

Мы наблюдаем за ним из темного угла у окна и ждем. Тиллео погрузился в какие-то свои мысли или воспоминания и смотрит в пустоту. Глубокие морщины очерчивают его лоб, уголки рта хмуро и задумчиво опущены, скулы напряжены – значит, он волнуется или обижен.

Мы продолжаем молча следить за ним из темноты – проходит достаточно времени, чтобы понять: похоже, Тиллео никого не ждет. Он не отпивает из бокала, не моргает, не смотрит нетерпеливо на часы – он все так же сидит в одной напряженной позе.

Скорпиус стучит по моему плечу, а затем, используя сигналы рук, которые мы придумали за годы совместной жизни, показывает, что нам пора разделиться. Каждый должен занять какой-нибудь затененный угол, чтобы Тиллео не смог сбежать или позвать кого-то на помощь прежде, чем мы получим ответы на свои вопросы.

Мы с Костью киваем и отступаем в расщелины между двумя реальностями, следуя в тених к выбранным углам.

Тьма окутывает меня, как прохладное объятие, в моем уг-

лу тени глубже, чем у окна. Я чувствую, что Кость и Скорпиус заняли свои места, и мы вместе выходим из темноты в кабинет Тиллео – точно посланники смерти.

Работорговец вскакивает со своего места, из его горла вылетает удивленный возглас. Он отводит одну руку назад, явно готовясь запустить в кого-нибудь тяжелым хрустальным бокалом, другая рука тянется к ножнам на поясе.

– Ты можешь достать свой кинжал и встретить вместо него мой. Или ты будешь умнее и проживешь подольше, – предупреждает его Скорпиус и шагает на свет, чтобы Тиллео убедился, что угроза эта не пустая.

Бокал падает на толстый, темно-синий ковер, по нему разливается медовая жидкость. Тиллео роняет и кинжал, а затем хватается за сердце. Он кладет руки на колени и наклоняется вперед, будто такое положение поможет ему прийти в себя и сделать пару успокаивающих глубоких вдохов.

Он не выглядит по-настоящему испуганным – и не похоже, чтобы он затеял что-то, чего не следовало бы. Он определенно не похож на фейри, который приказал одному из своих рабов убить члена Ордена и нарушить святость Торгов.

– Черт, Скорпиус, я не знал, что это ты, – ворчит он, его взгляд маниакально мечется по комнате, прыгая с Кости на меня и обратно. – Что происходит? Почему Орден Скорпионов решил нанести мне столь поздний визит? – Тиллео приходится приложить усилия, чтобы сдержать дрожь в голосе.

Вот оно. Вот, чего я так долго ждал: в его голосе я слышу

вину.

– Могу я предложить вам чего-нибудь выпить? – любезно предлагает он, жестом указывая на столик с бутылками и бокалами, его взгляд сочится тревогой, он насторожен.

Возможно, Тиллео думает, что мы здесь, чтобы убить его. Кто знает – если он не будет с нами откровенен насчет того, что творится на этих Торгах, то мы действительно убьем его.

Скорпиус отказывается от предложения и умещает свое крупное тело в единственное кресло напротив камина. Затем разворачивает его и оказывается с Тиллео лицом к лицу. Кость и я остаемся стоять, готовые ко всему и ожидающие чего угодно.

– Что-то не так, и мы здесь, чтобы выяснить причину этого. – Скорпиус звучит непринужденно и дружелюбно, он складывает руки на коленях и пристально смотрит на Тиллео.

– Не так? – переспрашивает Тиллео, его беспокойный взгляд снова мечется по комнате, ненадолго задерживаясь то на мне, то на Кости.

Он слишком похож на *цилакрыс* – тварей с длинными тельцами и короткой шерстью, на которых я охотился в детстве, чтобы прокормиться. Эти пучеглазые маленькие ублюдки боялись собственных теней.

В ответ Скорпиус лишь хмыкает, отказываясь предоставить Тиллео больше информации. Типичный Скорпиус. Он всегда оказывается на десять ходов впереди соперников еще

до того, как те поймут, что играют против него. Я знаю, что тайна Осет грызла его живьем, и он так же, как и мы, стремится наконец разобраться во всем этом. Мы здесь, чтобы подтвердить, что рассказ Осет – правда. Но кто знает, что работорговец может нам наплести, чтобы вернуть нашу благосклонность?

– Я не... – начинает Тиллео, но я прерываю его:

– Прежде чем ты начнешь отнекиваться: твоя болтовня воняет, как дерьмо *коро*. – Вид у меня бесстрастный, я прислоняюсь к шкафу, в котором, вероятно, хранятся бесценные краденые вещи. Я уже чувствую в воздухе привкус еще не произнесенной лжи. – Очень, очень хорошо подумай о нашей терпимости к пустой болтовне. Если бы нам захотелось найти дно у *ничто*, мы бы тут не стояли.

Тиллео резко вдыхает, словно готовясь спорить, а затем медленно опускает руки и устало проводит ладонью по лицу.

– Что вам известно? – Его голос звучит вымученно, а язык тела говорит, что он сломлен.

Ну, это не заняло много времени.

– Пустыня нашептала, что Торги скоро перестанут быть священными, – загадочно говорит Скорпиус, и все мы внимательно следим за реакцией Тиллео.

Он напрягается так, как будто это не слова, а физический удар, затем его пальцы сжимаются, а лицо идет пятнами от гнева.

– Гребаный Крит! – рычит он и бьет кулаком по мягко-

му подлокотнику кресла. – Еще раз увижу этого никчемного охранника, он труп. – И тут я понимаю: Тиллео думает, что охранник, которого Осет убила в винном погребе, предал его и каким-то образом сумел исчезнуть.

– Расскажи нам больше, и мы разберемся с ним, – мгновенно предлагает Скорпиус.

Тиллео бросает на него свирепый взгляд, а затем, кажется, вспоминает, на кого именно он смотрит, и тут же опускает глаза.

– Я знаю, что то, что я скажу, прозвучит не слишком хорошо. Но я клянусь – с Орденом Скорпионов происходящее никак не связано, – пытается успокоить нас Тиллео, но мы лишь хмуро смотрим на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.